

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 808.5

КУЛЬТУРА РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА И СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЁВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и журналистики,
заслуженный работник высшей школы РФ,
e-mail: ifg06@mail.ru

Рассмотрена частеречная система и культура речи носителя русского языка. На примере «артикля» «ааа...», который активно используется как в начале высказывания, так и в его составе, репертуара паразитических элементов речи типа скрытого мата: «блин» «ё-моё», «ё-келе-мене» и др. доказана особенность культуры речи – радикальные изменения самой системы речевой культуры. Определен вектор современной языковой ситуации, который смещается с традиционно нейтрального и книжного к засорению русской речи. Установлено, что сложность современной языковой ситуации заключается в действии многих факторов, среди которых оказываются такие, как теория частей речи. Части речи фактически контролируют всю языковую систему, сообщая ей стройность и объективную последовательность. Они являются мерилем порядка в любом участке языка – в т. ч. и в культуре языкового общения. И в этом общении нужна не столько зубрежка того, что ведущая часть речи *существительное* несет на себе понятие <предметности>, сколько системные рассуждения и представления о частеречных оппозициях и выявление главных частей речи и тех частеречных «магнитов», которые в упомянутой системе доминируют и подчиняют себе все самое главное, нестандартное и ценное в информационном плане.

Ключевые слова: культура речи; русский язык; части речи.

Смею сказать, что современная культура русского языка находится в запущенном состоянии, в котором она никогда не пребывала. Не помню, например, чтобы когда-либо в прошлом русские люди начинали строить свою речь (текст) с раскатистого -а, образного и довольно продолжительного «артикля» «ааа...»:

«Аааа... для того, чтобы образовалась чья-то поэтическая школа... аааа, нужно аааа, чтобы у ее основателя аааа или аааа начинателя был аааа талант». (Здесь автор настоящей статьи пытается произнести **свой** собственный текст [1, с. 7] по модели нынешних модных ораторов радио, телевидения и т. п., дабы не обидеть кого-либо из реальных лиц).

Одним начальным «Аааа» обычно дело не обходится. Часто представленный «артикль» повторяется через два–три слова, иногда даже сопровождая каждое слово, включая

предлог и даже разбивая слово, и тогда **аааа** проникает в слово: «поэтическая шко**аааа**ала».

Включите телевизор или **аааа** радио и вы **аааа** непременно услышите образцы представленной мною здесь речи. А я, как вы заметили, **аааа**, уже не могу избавиться от этих модных, назойливых «артиклей».

Впрочем, вот как-то избавился. А то, было, совсем уж привык.

Приведенные здесь «аааа» увеличивают репертуар паразитических элементов речи – типа скрытого мата: «блин» «ё-моё», «ё-келе-мене» и др. Может быть, именно поэтому такие «украшения» речи особенно неприятны в устах женщин. Но уже и дети научились успешно употреблять **аааа**-образные «артикли». А они затмили собой все иное бескультурье русской речи, о котором писалось и говорилось уже много. Поэтому мы на «аааа-артикле» и остановимся, уяснив причины его появления и развития.

Как ни обидно и ни странно, упомянутое засорение русской речи связано с положительным явлением – с разрешением в недалеком прошлом говорить *не по бумажке*, с началом подлинного говорения, с элементами импровизации и неожиданно пришедшими на ум поправками. На все это требовалось время, а его, это время, нужно было заполнять звуками, чтобы не было зияний, которые воспринимались бы как речевая слабость. Первые говоруны *не по бумажкам* были выдающиеся русские люди, способные говорить часами, – такие, например, как кукольник Образцов. И у этого дивного говоруна была манера продлевать фразу за счет элегантного звука, напоминавшего нынешний «ааартиклъ». Последний в таковой был превращен в устах ораторов-неумек, а потом и у всех жителей заговорившей России. Теперь уж очень мало людей, говорящих *не по бумажке* без «ааа-артиклей». Зато как приятно слышать и слушать русских, сохранивших в памяти старую благородную русскую речь...

*

Описанное речевое уродство прямо и непосредственно с русской грамматикой и теорией частей речи русского языка как будто не связано, разве только оно претендует на образование и признание новой части речи, еще не описанной в академических грамматиках. Будем надеяться, что до этого дело и не дойдет, и школьникам не прибавится забот и зубрежки.

Мы коснемся, однако, еще одного речевого брака, который, кажется, теперь уж ни в одной стране, кроме России, не имеет места. Речь идет о вежливых обращениях, существовавших в России до революции: «*господин*», «*госпожа*», «*господа*»; «*милостивый государь*» / «*государыня*» / «*государь*»; «*сударь*» / «*сударыня*». Эти обращения были обязательны, и только в низкой (маркированной) речи они позволялись с возгласом «эй!»: «*человек!*», «*братец!*» и под. Революция весь этот перечень обращений поставила под запрет, и сейчас еще слово «*господин*» употребляют в большинстве случаев с презрением. Вот как, например, говорят мне в лицо мои противники по «Союзу писателей»,

по поэтической тематике, по взглядам на жизнь и всему прочему:

«*Господину Руделеву, думается, стоило быть более терпимым к литературной критике*» [2].

Между тем, принятое после Революции слово «*Товарищ!*» (без варианта в форме женского рода; к женщине обращались так же, как и к мужчине: *товарищ!*) было классово окрашенным, и круг обращения этого слова постоянно сокращался. Ср. бытующее до сих пор: «*Тамбовский волк – тебе товарищ*».

Теперь *товарищами* называют друг друга только лица, служащие в армии или в милиции. Видимо, наступило время введения перечисленных выше обращений (типа «*господин*») в обиход – без всяких исключений. Обращения типа «*женщина!*», «*мужчина!*», «*девушка!*» (к даме любого возраста!), а также «*дедулька!*», «*бабулька!*» следует подвергнуть осуждению и строгому запрету. Следует считать некорректными установления контактов без специальных слов (см. выше) – с помощью фраз, их словно компенсирующих, типа: «*скажите, пожалуйста*» и под. Обращения типа «*господин*» / «*госпожа*» было бы неплохо употреблять не только в обычной среде, но и в специальной: в школах, вузах, в судах, на следствии, в заключении и везде – вплоть до казни! Думается, такого вежливого, ласкового, человеческого обращения россияне, граждане России, давно заслужили.

*

Третья часть представленной здесь нашей статьи о культуре русской речи касается системного освещения грамматического материала насчет *частей речи* русского языка. Не должно быть никакого насилия и произвола над категориями, называемыми «*частями речи*», которые фактически контролируют всю языковую систему, сообщая ей стройность и объективную последовательность, а они являются мерилom порядка в любом участке языка – в т. ч. и в культуре языкового общения. И в этом общении нужна не столько зубрежка того, что ведущая часть речи **существительное** несет на себе понятие <**предметности**>, сколько системные рассуждения и представления о частеречных оппозициях и выявление главных

частей речи и тех частеречных «магнитов», которые в упомянутой системе доминируют и подчиняют себе все самое главное, нестандартное и ценное в информационном плане.

Но, оказывается, от бездумной зубрежки бессмысленных догм, в которых сосредоточены, казалось бы, очевидные истины, а на самом деле коварные лживые миражи, избавиться пока не удастся. И – не позволяется! Речь идет о настойчивом отнесении части речи **существительное** к числу <предметных> категорий. Особенно, конечно, обидно послушным русским людям считать себя подобием *кирпичей* или *тряпок*, – *вообще каких-нибудь действительных предметов*, но, оказывается, и **Человек** – даже, судя по очень авторитетным грамматикам, все-таки <**предмет**> (ср. [3]), хотя и в каком-то запутанном, ирреальном, якобы «грамматическом» плане.

Конечно, если задуматься, такое **существительное**, как **Человек**, кощунственно считать <предметом>. И разве не кощунственно, не преступно называть русских людей «**физическими лицами**». Нигде в нормальном обществе **частное лицо** в **физическое** не переименовывали. А вот теперь – пожалуйста, стали именовать. И никаких протестов на этот счет от авторитетных организаций (например, Института русского языка им. академика В.В. Виноградова) не последовало. Все – как в романе о Блохе:

Зовет король портного:
«Послушай-ка, **чурбан**!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан».

Вот образец частеречной «ничтожности», мерзейшим образом отраженной в придуманной (приснившейся кому-то) человеческой <**предметной несостоятельности**>.

Разберемся, однако, в частеречной чехарде, где **субстантиву** предоставлено царствовать и что-то дарить. И как же не дарить, если частеречная совокупность удостоена называться очень высоко – системой. Системность в языке (первоначально, однако, – только в фонологии) была открыта князем Н.С. Трубецким [4] и представлена им в виде динамических (т. е. нейтрализуемых) оппозиций. Это, конечно, было великое открытие, позволявшее покончить с произволом в языкознании и перейти на объективные доказа-

тельства реальных языковых фактов, покончив с авантюристическими «**договорами**» и «**учебно-исследовательскими вопросами**», в которых не было никаких исследований, кроме тщетных попыток свести концы с концами там, где эти концы с концами не сводились [5].

Между тем, частеречная система – не азартная игра, не соревнование в остроумии. Это честное, объективное исследование, имеющее практическое значение, соотносимое с той же **культурой речи**. Поэтому ему и уделено центральное место в нашей культурологической по сути дела статье.

*

Части речи русского языка, как и любого иного языка, представляют собой **оппозиции** типа [**a←b**] – с маркированным элементом /b/ и немаркированным /a/. В предикативной синтагме ее элементы, как правило, различаются частеречно или как-то иначе: «Этот **человек идет** и **курит**», «Этот **человек – поэт**». Но наиболее типичной предикативной синтагмой является: «**существительное ← глагол**». В **скоростной** и **сверхскоростной** речи (А.А. Фет, А.А. Блок) глаголы и иные части речи смешиваются в одной и той же (единственной) субстантивной форме, выступающей в роли предиката [6].

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

А.А. Фет

Забегая вперед, скажем, что в тексте А.А. Фета, кроме слова «**соловей**», ни одного существительного нет! Что же касается глаголов, то они – вот: *шепот* (*шептать*), *колыханье* (*колыхаться*) и даже – *трели* (синоним слова *петь* / *пение*).

А.А. Блок не более «щедр» относительно подлинных субстантивов. Мы выделили в его тексте в качестве единственного только одно субстантивное слово. И то, уже в роли предиката:

Ночь, улица, **фонарь**, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет...

Субстантивность слова «фонарь» безупречно доказывается потенциальной формой «**на фонаре**», предполагается вопрос «*на чем?*», а не «*где?*» и не как-либо еще иначе.

Вот такова русская грамматика! Извольте ее принимать. Иначе плохо будет. Потеряет русский язык свой аромат, силу и выразительные способности. И на эсперанто не потянет!

Итак, в скоростном тексте А.А. Блока нет ни одного глагола. На существительное тянет только одно слово – «фонарь» (см. далее). У А.А. Фета – глагольное изобилие! Впрочем, здесь не так все просто... Глаголы «шепот», «трели», «дыханье», «колыханье» – настоящие глаголы с подлинно глагольной <процессуальной> семантикой [7]. Никакого здесь <опредмеченного действия> нет: «опредмеченное действие» – все равно, что «омужчиненная женщина», если она в брюках...

Если, смешиваясь по форме с субстантивом, глагол по содержанию ничего не теряет и даже противопоставляется субстантиву (ср.: «шепот» и «фонарь»), значит его семантика релевантна, важна, актуальна. А если он ничего от существительного не приобретает, значит существительное ничего релевантного в плане частей речи не имеет, как вывод – это **частеречный нуль** [6].

Отношение между **субстантивом** и **адъективом** более сложное. Все дело в направленности системы отношений между **глаголом**, **субстантивом** и **адъективом**, которая имеет некоторую вариативность. Основной вид русской системы частей речи можно представить в модели:

субстантив ← глагол → адъектив ← нумератив,
 a^1 a^2 a^3

где главный признак a^1 отличает от существительного глагол и вместе с ним весь основной кортеж частей речи. В слабых частеречных позициях вся эта частеречная совокупность уподобляется в скоростной речи субстантиву по форме. Первым претерпевает такое уподобление – глагол (*шептать* ~ *шепот*), его место в сократившейся системе, словно на мгновение, занимает адъектив (*синий* ~ *синева*), за ним – нумератив (*два* ~ *двойка*).

Но существует и второе включение системы, когда центром «притяжения» оказыва-

ется адъектив и глагол выставляет свою адъективную форму – **причастие**, вслед за ним – обретает адъективную форму существительное (*серебро* <argentum> ~ *серебряный*), которое, словно забывая о своей вторичности, в позиции смещения всех частей речи с субстантивом, обретает субстантивную форму. Ср. у А.А. Фета: «**Серебро** и *колыханье* сонного ручья».

Вряд ли подобная экспликация кому-нибудь из современных русских грамматиков придет на ум или просто понравится! А ведь без нее трудно понять и А.А. Фета, и всю русскую поэзию, и весь наш язык. И наладить подлинно культурное производство русской речи.

*

До сих пор мы воздерживались от привлечения к анализу такой загадочной части речи, как **наречие**. Ей не везет, этой части речи! Ради того, чтобы слова «поле», «море», «страна», «небо», тем более слова «мозг», «желудок», «ум» считать существительными, самая важная, но наиболее капризная и загадочная часть речи, именуемая наречием, обкрадывается самым бесовестным образом. Это притом, что к выражению «*в поле*», «*в море*», «*в мозгу*», «*в уме*» и подобные нельзя задать субстантивный вопрос «*В чем?*», но только – «*Где?*». А это тянет на **пространственное наречие**. Какое же это наречие, когда склоняется не хуже любого субстантива? А вот так! Склоняется – а все равно, – наречие, оппозиция по отношению к существительному, с нейтрализацией и приобретением мимикрической субстантивной формы [8]. Протестом против такой точки зрения является теория «учебно-исследовательских» вопросов, производящих ничем не оправданное *насилие* над русским языком [9]. Впрочем, если внимательно приглядеться, обнаруживается полисемия некоторых аналогичных слов; например, «дуб¹»: с вопросами и ответами: «*Где?*» – «У лукоморья...». «*Что там, у лукоморья?*» – **Дуб там зеленый**? Некая <точка> в <пространстве>! «**Лукоморье**» – <пространство>, это несомненное **наречие**, а «**дуб зеленый**», на котором золотая цепь, – это <некая точка в пространстве>. Это безусловное существительное. Тут никакие «научно-исследовательские» вопросы для дока-

зательств не нужны! И так видно, что это существительное.

А может быть слово «дуб» не существительным, а наречием — в тексте:

На дубу зеленом
Два сокола ясных вели разговоры.

Здесь к слову «дуб» вопрос «*На чём?*» не корректен. Здесь корректен только вопрос «*Где?*». Здесь слово «дуб» — наречие. И все тут! Семантическое словообразование в духе блестящего ученого, профессора В.М. Маркова (1927–2010), не отмеченного ни в одном из энциклопедических словарей по языкознанию [10].

*

Завершая нашу статью кратким разговором о русском **наречии**, мы считаем возможным утверждать, что эта часть речи находится в особой оппозиции ко всему сонму частей речи русского языка:

наречие

$b \downarrow$

субстантив ← глагол → адъектив → нумератив

a^1

a^2

a^3

1. Руделев В.Г. Поэтическая школа Евгения Харланова // Поэтические школы Тамбова. Тамбов, 2008.
2. Руделев В.Г. «Не плачь, дядя, Бог подаст!» (Ответ на критическую статью Г. Попова о книге стихов В. Руделева «Зима в Тамбове») // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Страницы провинциальной литературы: Избранные литературно-критические и публицистические статьи. Тамбов, 2000. С. 131-135.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград, 1947.
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии: пер. с нем. М., 1960.
5. Сидороенко Е.Н. Вопросительные местоимения в роли коммуникативных и учебно-исследовательских вопросов // Ученые записки Бельцкого государственного педагогического института. Т. 14. Бельцы, 1970. С. 127-132.
6. Руделев В.Г. К уточнению термина «динамическая система» применительно к частеречному механизму русского языка // Филологическая регионалистика. 2014. № 1 (11). С. 71-76.

7. Руделев В.Г. «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» (к уточнению частеречной семантики субстантивного слова) // Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук профессора А.А. Кротова. Воронеж, 2002.
8. Руделев В.Г. Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность. Коммуникация. Текст. Синтаксис (К 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко). СПб., 2013.
9. Руделев В.Г. Мимикрия в системе частей речи русского языка // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов (посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева). Тамбов, 2005. С. 132-140.
10. Марков В.М. О семантическом способе словообразования. Ижевск, 1981.

1. Rudelev V.G. Poeticheskaya shkola Evgeniya Kharlanova // Poeticheskie shkoly Tambova. Tambov, 2008.
2. Rudelev V.G. "Ne plach', dyadya, Bog podast!" (Otvét na kriticheskuyu stat'yu G. Popova o knige stikhov V. Rudeleva "Zima v Tambove") // Sbranie sochineniy: v 6 t. T. 3: Stranitsy provintsial'noy literatury: Izbrannye literaturno-kriticheskie i publitsisticheskie stat'i. Tambov, 2000. S. 131-135.
3. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Moskva; Leningrad, 1947.
4. Trubetskoy N.S. Osnovy fonologii: per. s nem. M., 1960.
5. Sidorovenko E.N. Voprositel'nye mestoimeniya v roli kommunikativnykh i uchebno-issledovatel'skikh voprosov // Uchenye zapiski Bel'tskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. T. 14. Bel'tsy, 1970. S. 127-132.
6. Rudelev V.G. K utochneniyu termina "dinamicheskaya sistema" primenitel'no k chasterech-omu mekhanizmu russkogo yazyka // Filologicheskaya regionalistika. 2014. № 1 (11). S. 71-76.
7. Rudelev V.G. "Shepot, robkoe dykhan'e, trel'i solov'ya..." (k utochneniyu chasterechnoy semantiki substantivnogo slova) // Sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora A.A. Kretova. Voronezh, 2002.
8. Rudelev V.G. Ideya chasterechnogo nulya kak put' sozdaniya neprotivorechivoy i real'noy teorii chastey rechi russkogo yazyka // Slovo. Slovar'. Slovesnost'. Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko). SPb., 2013.

9. *Rudelev V.G.* Mimikriya v sisteme chastey rechi russkogo yazyka // Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sbornik nauchnykh trudov (posvyashchaetsya yubileyu professora N.N. Boldyreva). Tambov, 2005. S. 132-140.
10. *Markov V.M.* О семантическом способе словообразованиа. Izhevsk, 1981.

Поступила в редакцию 02.02.2016 г.

UDC 808.5

SPEECH CULTURE OF RUSSIAN LANGUAGE AND MODERN THEORY OF PARTS OF SPEECH STATE

Vladimir Geogrievich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Journalism Department, Honoured Worker of Higher School of Russian Federation, e-mail: ifg06@mail.ru

The part of speech system and speech culture of Russian language speaker is considered. Basing on the example of the “article” «*ааа...*» which is widely used both at the beginning of utterance and in its parts and parasitic speech content hidden swearing: «*блин*», «*ё-моё*», «*ё-келе-мене*» (like geez and etc.) the necessity of speech culture is proved – radical changes of the system itself. The direction of modern language situation, which is displaced from traditional-neutral and bookish to cluttering up Russian speech. It is established, that the complicated modern language situation is formed under the influence of many factors. Among them are such as part of speech theory. Parts of speech in fact control all language system, which is harmonic and consistent. They are a measure of order in every part of language including discourse culture. In this generalization not just the rule that a noun has the notion of thingness, but the system thoughts and notions about part of speech oppositions and main parts of speech revealing in part of speech “magnets” which dominate and subject all the main, non-standart and valuable in informational plan in this system.

Key words: speech culture; Russian language; part of speech.

УДК 81'37

ФРЕЙМ «СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНИНА XVI в.

© **Нина Петровна ДРОНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и зарубежной филологии,
e-mail: dronovanina@yadex.ru

Исследованы когнитивные механизмы концептуализации и лексической категоризации фрейма «Семейные отношения» на материале фастнахтшпиля Г. Сакса “Das Speckseitenholen im Deutschen Hof”. На основе когнитивно-дискурсивного анализа текста выделены релевантные типы метафорических моделей, участвующих в вербализации стереотипов и представлений о взаимоотношениях в браке в обыденном сознании этноса XVI в., показана роль иронии и гротеска в оценочной концептуализации различных аспектов взаимодействия субъектов в семейных отношениях. Представлены результаты интерпретации семантики языковых единиц, характеризующих свойства личности, поведение действующих лиц в рамках карнавальной игры.

Ключевые слова: фрейм; лексическая категоризация; оценочная концептуализация; метафора; ирония; гротеск.

Современные подходы к исследованию языка как особой матрицы, в которой заключен весь комплекс знаний и представлений о мире данного языкового сообщества, открывают новые возможности исследования процессов концептуализации и категоризации мира, осуществляемых с помощью языка, а также национально-культурной специфики «ословливания» мира разными народами. Обращение лингвистов к исследованию процессов концептуализации и категоризации, – подчеркивает Е.С. Кубрякова, – позволило ученым «усмотреть особые, чисто человеческие способы обработки информации не в столь строгих формах рационального мышления, к каким человечество пришло позже, и какие были впервые описаны Аристотелем. С этой целью внимание лингвистов было сосредоточено на изучении представлений, лежащих в основе обыденного сознания, каждодневного опыта непосредственного восприятия мира по всем чувственным каналам, особенно зрительного или же телесного человеческого опыта (bodily experience) [1, с. 479]. Структура обыденного (со)знания сложна, разноаспектна и многомерна, поскольку она включает «бытовые, производственные, гуманитарные по содержанию знания и умения; мудрость и глупость, здравый смысл, позитивный опыт и архаичные мифологемы, даже суеверия; вербализованные и неявные, латентные элементы и т. п.» [2, с. 71].

Объектом исследования в данной работе являются языковые репрезентации стереотипных представлений о семейной жизни в обыденном сознании крестьянина XVI в., сложившиеся в переходный период от позднего средневековья к Новому времени на материале известного фастнахтшпиля Г. Сакса “Das Speckseitenholen im Deutschen Hof” (Хождение за окороком в «Немецкий двор». – перевод *Н. Д.*) (1539 г.). Научный интерес к исследованию творчества Г. Сакса не ослабевает в германистике до сих пор, поскольку «эти малоисследованные тексты обладают ярким этноспецифическим характером, отражают социальные стереотипы и прагматические установки той эпохи» [3]. Для вербализации представлений и знаний о мире, оценок в фастнахтшпилях Г. Сакса используются разноуровневые разговорно-окрашенные, нередко локально-обусловленные языковые единицы во взаимосвязи с устоявшимися традициями письменно-литературного языка, характерного для ранненововерхне-немецкого периода. Как отмечает М.М. Гухман, влияние двух названных форм языка «отражалось в лексическом отборе и фразеологии, в использовании разных функционально-синонимичных или близких синтаксических вариантов. Вместе с тем различия выражались и в наличии или отсутствии определенных стилистических приемов, например, повторов, противопоставлений, в

характере эпитетов, в большей или меньшей образности языка, отражавшейся на выборе метафор, сравнений и т. д.» [4, с. 198]. Автор обращается к публике на языке, на котором думает и говорит крестьянская, а также городская среда в новых историко-культурных условиях (развитие капиталистических отношений, рост городов, секуляризация церкви и т. д.). Диалогическая форма фастанхтшпиля благоприятствует употреблению языковых единиц, отличающихся простотой, естественностью, доступностью для понимания.

Абстрактный концепт СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ рассматривается в данном случае как фрейм, т. е. как статическая картина стереотипной ситуации. Схематически стереотипная ситуация включает вершинные узлы / слоты, лежащие в основе пропозициональной структуры: субъект (муж и жена), предикат (информация о совершаемых действиях), объект воздействия, время, пространство, в котором совершается действие. Терминальные узлы включают информацию о психологическом и эмоциональном, а также физическом состоянии действующих лиц, оценке переживаемых событий [5]. «Концептуальные схемы, лежащие в основе фрейма, представляют собой подвижные, динамические структуры, способные к различной фокусировке. Это означает, что в конкретной текстовой реализации внимание автора может сфокусироваться на любом из аспектов описываемой ситуации, классификации или портрета (человека, объекта, события или явления), подобно тому, как взгляд человека может остановиться на любом участке рассматриваемой им фотографии» [6, с. 43].

В силу специфики жанра в исследуемом фастанхтшпиле обыденные представления и стереотипы о феномене взаимоотношений в браке показаны автором в иронически-гротесковом плане. С одной стороны, в тексте представлены базовые концепты, отражающие результаты познавательной деятельности человека, т. е. совокупность установлений, регулятивов в сфере СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ. С другой – знания, представленные в лексических репрезентациях, «прирастают» оценочно-экспрессивной коннотацией. «Формирование оценочных смыслов у лексических единиц обеспечивается процессами концептуальной деривации, которая определяется как «мыслительный про-

цесс, направленный на формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» [7, с. 5]. Особое место в оценочной концептуализации исследуемого фрейма занимают ирония и гротеск. В основе данных способов концептуализации лежит механизм совмещения разных (противоречивых) смыслов, представленных в высказывании. Когнитивные признаки иронии – «двусмысленность / иносказание», выражающие насмешку, подмену одного смысла другим. «В иронии, с ее поливалентностью в отношении критерия истинности высказываемого, создается уникальное диалогическое полисемантическое поле, в котором возможно утверждение взаимоисключающих высказываний, «работающих» на создание уникального эпистемологического опыта. Гносеологическая цель иронии – сделать доступным осознанию то, что еще не актуализировано человеком в его языковой картине мира» [8]. Например, фамилия одного из участников события в фастанхтшпиле *Frauenknecht* (грубо: бабий угодник / слуга) в когнитивном плане представляет собой антропоморфную метафору, в основе которой заложен перенос свойств субъекта, принадлежащего к низшему слою в социальной структуре эпохи Ренессанса, в сферу взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Ср.: *Knecht* (слуга, работник). Абстрактные признаки «служения», «подчиненности» кому-либо, «зависимости от кого-л.» в социальной среде переносятся в сферу нравственных взаимоотношений с женским полом, при этом номинация достраивается дополнительным смыслом некоторой насмешки (иронии). Механизмом формирования гротеска является предельное преувеличение либо преуменьшение, придающее образу фантастический, неправдоподобный характер. Гротеск определяется как «вид условной фантастической образности, демонстративно нарушающий принципы правдоподобия, в котором причудливо и алогично сочетаются несочетаемые в реальности образные планы и художественные детали» [9, с. 188]. В рамках исследуемого дискурса нередко наблюдается концептуальное взаимодействие гротеска и иронии, их переплетение друг с другом, что позволяет во многих случаях говорить о гротескно-иронической концептуализации с различными нюансами преимущест-

венно негативного плана, хотя возможна и позитивная оценка.

В вербализации фрейма СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ используются базовые метафоры, выделенные в работах американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10]. Действующие лица включены в пространство брака, на фоне которого актуализируются поступки и свойства их характера. Онтологическая метафора «ВМЕСТИЛИЩЕ» позволяет рассматривать феномен брака как некое абстрактное пространство, границы которого определяются правилами и нормами религиозного и светского характера. В пространство брака включены по признаку ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ два субъекта (муж и жена), взаимодействующих в зависимости от ситуации в соответствии с установлениями и нормами и / или отступающих от норм. Концептуализация брака как ВМЕСТИЛИЩА четко эксплицируется в пьесе с помощью топологических признаков, вербализуемых локальными наречиями *her* (сюда – ВНУТРЬ) и *hin* (туда – СНАРУЖИ от говорящего). Ср.: Ruf **ich** sie **her**, so geht **sie hin**, sprech ich „Komm!“, geht sie **hindann**. «Схема ВМЕСТИЛИЩЕ формирует базовое разграничение между В (IN) и ИЗ (OUT)» [10, с. 168-169]. В фастнахтспиле Г. Сакса наречия *her* и *hin* репрезентируют векторную разнонаправленность движения персонажей внутри брака, что свидетельствует об отсутствии согласия, понимания и здравого смысла. Выбор последующего ряда метафор направлен на уточнение и конкретизацию характера взаимоотношений двух субъектов с иронически-негативной оценкой в рамках общепринятых норм и правил соответствующего исторического времени.

В концептуализации свойств характера субъекта (мужа) доминирующую роль играет метафора ЖЕРТВЫ / KNECHT, характеризующая подчиненное положение мужа в семье: ...sie kauft und handelt, wie sie will, / ich schau ihr zu und schweig stockstill / und laß ihr ihren Unverstand. В приведенном примере глагол *wollen*, выражающий в немецком языке волеизъявление / намерение, эксплицирует действия, совершаемые женой с учетом ее воли (она делает покупки по своему желанию, поступает по-своему в любых ситуациях). Муж выступает в роли безвольного наблюдателя (*schau ihr zu*), его молчание уточ-

няется вербально наречием *stockstill*, в котором компонент *stock-* используется для образной (гиперболической) концептуализации состояния молчания (русс. молчать как рыба). Жертвенное смирение мужа «прочитывается» также в его оценке отсутствия разума у жены. *Unverstand* противопоставлен в обыденном сознании понятию *der gesunde Verstand* (здравый смысл) по дифференциальному признаку «НИЗ – ВЕРХ», однако в данном случае наблюдается смещение НИЗА ВВЕРХ, поскольку главенствует позиция жены (*Unverstand*). «Своеобразная логика «обратности», «наоборот», «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»)» (М.М. Бахтин) характерна для комического описания природы отношений в семье. Смена ролей в повседневном бытовании, выполнение т. н. «женских дел» вызывает насмешку в окружающей среде, что находит вербальное отражение в антропоморфных метафорах ЖЕРТВЫ с иронически-оценочной коннотацией. Ср.: действующий персонаж Heinz Flegel спрашивает своего друга: Wie? Bist du ein Mann? / Bist du ein solcher Windelwascher, ein Hühnergreifer, Häfennascher? Риторический вопрос Bist du ein Mann? выражает сомнение собеседника в его маскулинности. Перенос признаков «женского труда» – сферы-источника (стирать пеленки Windelwascher, ловить кур Hühnergreifer, пробовать еду из горшка Häfennascher) на сферу-мишень «мужчину» способствует формированию доступных для понимания слушателя иронически-оценочных антропоморфных метафор, эксплицирующих неодобрение по отношению к несостоявшемуся «господину / хозяину положения»: Herr und Mann семантически приравниваются к Narr (шут, дурак). Ср.: Der Kellner: ...da bist du nichts als Narr im Haus.

Пороки персонажей (пьянство, блуд и др.) метафорически представлены как нечто, заполняющее внутреннее содержание человека как ВМЕСТИЛИЩА. Например: Müßt mich im Wirtshaus ihrer schämen; da würd sie eher voll denn ich. Прилагательное **voll** эксплицирует завершенность заполнения вместилища, при этом характеристика «наполненности = состояния опьянения» распространяется не только на жену, но и на мужа, различия обнаруживаются лишь в скорости опьянения. Метафора ВОРОВСТВА со стороны священ-

ника используется в концептуализации супружеской измены жены: Im ersten halben Vierteljahr / hatt sie mich doch ein wenig lieb. / Wär nicht der Pfaff, der feiste Dieb, / ich glaub, die Ehe stünd noch wohl. Персонификация порока осуществляется на основе упоминания фигуры попа, обозначенного лексемой Pfaff с оттенком пренебрежения, также – негативной характеристики его внешнего вида feist (жирный, тучный) и идентификации с вором Dieb. Литота как способ концептуализации смысла «преуменьшения» используется наряду с гиперболой для усиления гротескно-иронической характеристики краткосрочности благополучия брака: im ersten halben Vierteljahr (досл. в первой половине четверти года все было хорошо). Усиление смысла «краткости» верности брака семантически дублируется также литотой ein wenig + lieb (немножко любила). Для характеристики конфликтности взаимоотношений в браке автором используется базовая метафора СПОР – ВОЙНА, вербально репрезентируемая различными языковыми средствами, характеризующими формы и способы столкновений субъектов на бытовом уровне. Ключевой лексемой в экспликации базовой метафоры является глагол **kriegen** (конфликтовать), который содержит в корне лексему *Krieg* (война) и этимологически обозначает различные формы враждебных отношений от спора до войны (früher in der älteren Bedeutung von *Krieg* entsprechend auf jede Art von Feindseligkeit bezogen [11, с. 350]). Например: Und wenn wir miteinander kriegen / und ich sie zehnmal strafe Lügen, / sagt sie daß ich der Lügner bin. В приведенном примере глагол kriegen (ссориться) характеризует взаимные обвинения субъектов во лжи, как одном из распространенных пороков человека, количественный квалификатор zehnmal (десять раз) служит для гротескно-иронической категоризации потока повседневной лжи LÜGE. Состояние «конфликтности» проявляется в особенности в речевой деятельности персонажей, в употреблении браных слов, разговорно-окрашенных эмоционально-оценочных лексических единиц. Например: доброжелательное обращение к жене Alte с семантикой близости, призывом к сохранению спокойствия: Sprech ich: He, Alte, gib doch Ruh! вызывает грубую ответную реакцию: Narr, halt dein Maul zu! Синонимы с семанти-

кой «интеллектуальной ущербности» – бранные слова нередко дублируют друг друга: Heißt einen Esel, Narrn und Tropfen / sie mich, ich leid's noch viel mehr.

Один из распространенных стереотипов – это подчинение жены методом физического наказания, вербализуемого глаголом schlagen (бить, колотить). Например: Als du noch warst ein junger Knecht, / da tatest du oft im Wirtshaus sagen, / wie du einmal ein Weib wollst schlagen. Стереотип «побить жену» ein Weib wollst schlagen приравнивается к смыслу «всегда оставаться хозяином положения» [12]. Однако в предлагаемом автором сценарии роль хозяина положения играет жена, оказывающая не только сопротивление, но и совершающая нападение: Sie hat meine Wehr genommen / und mit dem Waschholz mich gelaust, / daß mir's Maul schwoll wie eine Faust. Концепт Wehr (защита, оборона), заимствованный из военной сферы, дополнительно поясняется ироническим описанием конкретного применения орудия защиты со стороны жены, использующей старинный бытовой предмет Waschholz (рубель, доска для отбивания белья). Описание результатов ее «деятельности» представлено рассказчиком метафорически-гротескно, лицо мужа грубо идентифицируется с «мордой» животного Maul, опухоль лица (метафора роста) гротескно сравнивается с кулаком wie eine Faust (преувеличение признака объекта). Психологическое состояние «жертвы» концептуализируется на основе синтеза физических, телесных ощущений и наиболее типичных знаний из сферы ВОЙНА. Например: образ жены идентифицируется рассказчиком с объектом из военной сферы – щитом (метонимия: по признаку часть – целое), которому приписываются свойства необузданности (метафора): sie ist ein wüster Hauenschild (она – необузданный щит для битья). Атрибуты wüst (дикий, необузданный подобно животному) и Hauen- в композите Hauenschild (umg. prügeln, schlagen избить кого-л. [13, с. 679]) семантически дублируют на ассоциативно-образном уровне свойство агрессивности и неуправляемости жены. Неспособность к сопротивлению со стороны мужа сформулирована в высказывании: Darf mich nicht gegen sie auflehnen, drum wein ich oftmals bittre Tränen. Глагол auflehnen (восставать, сопротивляться) с частицей nicht

экспрессивно характеризует беспомощность мужа, его эмоциональное состояние гротескно характеризуется глаголом *weinen*, семантически дублируемым сочетанием *bittere Tränen* (горькие слезы), что должно вызвать у слушателя / зрителя смех. В данном случае наблюдается постепенная семантическая трансформация общепринятого стереотипа *HERR IM HAUSE SEIN* (быть хозяином своего положения), редукция понятийного слоя, расширение образно-оценочного слоя, сближение с антонимическим стереотипом. Ср.: *HERR – MANN / FRAU = NARR*, согласно которому и «воинствующая жена», и «плачущий муж» – все это проявления глупости (*Narrheit*). Крах брака вербализуется как опустошенное ВМЕСТИЛИЩЕ: *Mein Heinz, es ist mit mir gar aus. Ich kann schier nimmer mit ihr leben*. Топологический префикс *aus* метафорически указывает на «выдох», понимаемый как завершение отношений, их исчерпанность. Наречие времени *nimmer* в сочетании с глаголом *leben* эксплицируют смысл невозможности совместного бытия. Все подобные высказывания используются в целом для гротескно-иронической концептуализации аналогичных ситуаций в браке, которые, по мнению одного из персонажей, не единичны. Например: *Solche Herrn trifft man hier viel, wiewohl ich niemand nennen will*. Таким образом, в концептуализации и категоризации фрейма «СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» – брака и человека как активного субъекта – осуществляется на основе цепочки базовых метафор: онтологической метафоры ВМЕСТИЛИЩА, структурных метафор СПОР – ВОЙНА, НАПАДАЮЩИЙ – ЖЕРТВА, ориентационных метафор ВЕРХА – НИЗА, репрезентирующих особенности обыденного мировосприятия, апеллирующего к эмпирическим знаниям и телесным ощущениям в рамках наивной картины мира. Поведение и свойства субъектов брака представлены вербально образно-оценочными языковыми средствами, источником которых является повседневный уклад крестьянской жизни.

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
2. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.

3. Шевлякова Н.Н. Ганс Сакс и литература немецкой Реформации: генезис, типология и истоки творчества (фольклор и бюргерская литература): автореф. дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2003.
4. Гухман М.М. Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. М., 1970.
5. Дронова Н.П. Фреймовый подход к моделированию бытия // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2013. С. 315-320.
6. Беляевская Е.Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 40-48.
7. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 5-12.
8. Иваненко Т.И. Лингвокогнитивный анализ иронии в авторском диалогическом дискурсе романа «Ярмарка тщеславия» У.М. Теккерея: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
9. Гаспаров М.Л., Корнилов С.И., Махов А.Е., Толмачев В.М., Цурганова Е.А., Якушева Г.В. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
11. Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle/Saale, 1959.
12. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, 2006.
13. Sachs H. Fastnachtspiele. Leipzig, 1973.

1. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M., 2004.
2. Kasavin I.T., Shchavalev S.P. Analiz povsednevnosti. M., 2004.
3. Shevlyakova N.N. Gans Saks i literatura nemetskoy Reformatsii: genezis, tipologiya i istoki tvorchestva (fol'klor i byurgerskaya literatura): avtoref. dis. kand. filol. nauk. Maykop, 2003.
4. Gukhman M.M. Yazyk nemetskoy politicheskoy literatury epokhi Reformatsii i Krest'yanskoy voyny. M., 1970.
5. Dronova N.P. Freymovy podkhod k modelirovaniyu obychaya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Moskva; Tambov, 2013. S. 315-320.
6. Belyaevskaya E.G. Kontseptual'naya metafora kak istochnik stilisticheskikh priemov v diskurse

- // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 3 (36). S. 40-48.
7. *Boldyrev N.N., Panasenko L.A.* Kognitivnaya osnova leksicheskikh kategoriy i ikh interpretiruyushchiy potentsial // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 2 (35). S. 5-12.
8. *Ivanenko T.I.* Lingvokognitivnyy analiz ironii v avtorskom dialogicheskom diskurse romana "Yarmarka tshcheslaviya" U.M. Tekkereya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011.
9. *Gasparov M.L., Kornilov S.I., Makhov A.E., Tolmachev V.M., Tsurganova E.A., Yakusheva G.V.* Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy. M., 2003.
10. *Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metafor, kotorymi my zhivem // Teoriya metafor. M., 1990.
11. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle/Saale, 1959.
12. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, 2006.
13. *Sachs H.* Fastnachtspiele. Leipzig, 1973.
- Поступила в редакцию 18.02.2016 г.

UDC 81'37

FRAME "FAMILY RELATIONSHIP" IN EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF GERMAN PEASANT IN XVI CENTURY

Nina Petrovna DRONOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Professor, Linguistics and Foreign Philology Department, e-mail: dronovanina@yadex.ru

The cognitive mechanisms of conceptualization and lexical categorization of frame "family relationship" basing on the material of Fastnachtspiel by G. Sachs "Das Speckseitenholen im Deutschen Hof" are studied. On the basis of cognitive-discursive analysis of the text relevant types of metaphorical models involved in the verbalization of stereotypes and perceptions about the relationships in marriage in the ordinary consciousness of ethnic group in the XVI century is shown, the role of irony and the grotesque in the evaluative conceptualization of various aspects of interaction of subjects in family relations is marked. The results of the interpretation of the semantics of language units which are characteristic of the personality, the behavior of actors within the carnival games are presented.

Key words: frame; lexical categorization; evaluation; conceptualization; metaphor; irony; grotesque.

УДК 81'374

**К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ**
(на материале словаря В.И. Даля и «Словаря русской ментальности»
под редакцией В.В. Колесова)

© У Мэн

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра русской
филологии и журналистики, e-mail: njuwmt@mail.ru

Рассмотрена лексема ДУША в словарях русского языка как базового компонента русского национального менталитета; выявлены особенности представления лексического значения в словарях, что позволяет расширить знания культурологического и языкового характера и сделать некоторые выводы о специфике авторского лексикографического представления значения слова ДУША. Рассматривая структуру словарной статьи, можно выявить традиционный и индивидуально-авторский характер подачи языкового материала, сохраняющего и отражающего ментальную картину русского народа на протяжении многих веков. Утверждено существование особого лексического мировидения и связанного с ним феномена «менталитет», который являет собой способ поведения, мышления, мировосприятия, фактор построения образа реальной действительности конкретной эпохи, т. е. картины мира. При рассмотрении лексемы ДУША в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаре русской ментальности» под редакцией В.В. Колесова сравниваются разные аспекты: толкование слова, его идиоматика, иллюстративный материал. Доказано, что, будучи доминантой национального поведения, содержание слова ДУША расширяется; при этом лексема ДУША отражает определенные признаки характера русского человека, его идеи и чувства. Активная употребительность и многовариантные интерпретации лексемы ДУША позволяют говорить об ее этномаркированности.

Ключевые слова: ментальность; концепт; душа; толковый словарь.

Многолетняя работа над проблемой «Язык и мышление» позволяет большинству лингвистов принять следующий постулат: «Все исторические, религиозные, национальные или узкосоциальные факты непременно находят свое отражение в языке и через язык формируют религиозные, национальные и другие особенности мировосприятия» [1, с. 57].

Данные факты наиболее полно отражены в толковых словарях, созданных в разное время разными авторами или коллективами авторов. Это дает возможность, учитывая авторский подход к отбору языкового материала и его интерпретации, проследить, что присуще русскому народу на протяжении длительного времени и что передается от поколения к поколению, какие факты мировосприятия находят отражение в лексических значениях слов и их толковании. Другими словами, толковый словарь русского языка представляет тот формат знаний, тот способ представления языкового материала, который оказывается (в силу сориентированности данного типа словарей на обыденное сознание, на коллективное знание) наиболее

объективной и целесообразной формой для изучения ментальности русского народа.

В научной литературе нет однозначного определения ментальности. Многие отечественные лингвисты дают свое понимание ментальности, включая в него те понятийные признаки, которые позволяют рассматривать понятие ментальности в ряду с такими понятиями, как «картина мира», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «наивная картина мира» и др. Так, по мнению А.Я. Гуревича, ментальность – это особая «внеличная сторона общественного сознания, <...> имплицитована в языке и других знаковых системах» [2, с. 75].

С точки зрения В.А. Шкуратова, ментальность – это «человеческое измерение исторических макромасс или человеческая активность, объективированная в культурных памятниках» [3, с. 54]. Как «особенность психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность, формирующуюся в ходе этногенеза» [4, с. 262], рассматривает ментальность Л.Н. Гумилев. И т. д.

Мы не ставим задачи оценки данных мнений и определений. Мы исходим из определений ментальности, которые в том или ином виде отражены в работах В.И. Даля и В.В. Колесова, поскольку это позволяет нам на основе словарных статей, представленных у данных авторов, увидеть отражение ментальности как динамичного мыслительного процесса в языковом материале словарей и тем самым выявить и описать признаки, которые на том или ином этапе социокультурного развития русского общества оказались отраженными в словаре в формате словарных статей и являются существенными для понимания языковой ментальности, а не ментальности вообще.

В «Напутном слове» к своему словарю В.И. Даль отмечает, что дух народа придает языку силу, и одновременно язык является звеном между телом и духом человека. «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом; без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мычанье» [5, с. 5].

Высказывания В.И. Даля о «духе народа» в определенном смысле коррелируют с известным высказыванием В. фон Гумбольдта: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык [6]. Особенно наглядно это проявляется в отношении заимствованных слов. В.И. Даль считает, что речь иноземными словами вошла в голову народа вместе с иноземным обычаем, мышлением, язык и дух народа – это нечто целое, неотделимое [7; 8].

Кроме словаря, у В.И. Даля мы находим также работы о пословицах и поговорках, о поверьях, суевериях и предрассудках русского народа, которые, по его мнению, в качестве языкового материала составляют значительную частицу народной жизни. «Сборник же пословиц – свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [9, с. 15-16]. Такие языковые материалы, на наш взгляд, ценны для изучения народного сознания и являются основой для понимания ментальности как национального самосознания.

Поскольку мы рассматриваем русскую национальную ментальность с точки зрения языка и словаря, для нас значимым оказывается определение В.В. Колесова: «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [10, с. 15].

В.В. Колесов отмечает, что понятие «ментальность» следует отличать от понятий «характер», «темперамент», «мировосприятие», от духовности в традиционном русском смысле. Он ищет «инвариант национальной ментальности, который опосредовано, через язык и тексты, можно восстановить путем сравнения различных эмпирических данных: национального характера («дух народа»), идеалов, обычаев, эмоций, убеждений и т. д., разделяемых массовым сознанием народа и нашедших свое отражение в его языке» [11, с. 13]. Ментальность, по его мнению, включает в себя не только духовную сущность народного сознания, но и разумную сущность духовности. «Русская духовность есть ментальность, понимаемая реалистически, а не номиналистически. Она непременно должна соединять – в действии и в сознании – идеал и вещь» [11, с. 13].

Таким образом, мы видим, что В.И. Даль и В.В. Колесов в своих работах обратили внимание на ментальное пространство народного сознания и его связь с языком. Естественно, в высказываниях В.И. Даля мы не находим определения понятийного содержания термина ментальности, но употребляемые им такие термины, как «дух народа», «народный ум» достаточно определенно указывают на сферу ментальности, на неотделимое взаимодействие языка с духом народа. В работах же В.В. Колесова и «Словаре» под его редакцией мы находим определения ментальности, связанные с тем, как народ выражает и воспринимает мир через язык. При этом ученый указывает, что на этот процесс оказывают воздействие подсознательные ментальные качества и соответственно этому влияют на мышление и действия в определенной обстановке. Кроме этого, В.В. Колесов, проанализировав рассуждения других ученых о понятии «ментальности», выявил основные способы изучения народной ментальности.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что В.В. Колесов анализирует ментальность через изучение ее основной единицы – концепта, который стоит за словесным знаком и находит свои корни в общественном опыте народа. «Предмет изучения народной ментальности – не значение слова в контексте-синтагме, не значимость его в системе-парадигме языка, а смысл словесного знака в культурной парадигме-системе» [10, с. 16]. Другими словами, чтобы анализировать термин «ментальность», необходимо рассматривать не понятие, а сущность понятия, т. е. концепт. Поэтому в словаре под редакцией В.В. Колесова ментальные отличия и сходства культур даны через аналитическое описание русских концептов в их содержательных формах, отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры. В словаре же В.И. Даля ментальные различия прослеживаются в объяснении о предметах, характеризующих русский народный быт, о поверьях и приметах, связанных с сельскохозяйственным календарем, а также дается множество других этнографических сведений.

Итак, рассмотрим отражение ментальных признаков в словарных статьях «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаря русской ментальности» под редакцией В.В. Колесова на примере концепта «Душа».

Обращает на себя внимание тот факт, что эти два словаря имеют своеобразные структуры словарной статьи (табл. 1).

Из табл. 1 мы видим, что уникальность словаря В.И. Даля состоит в наличии зоны идиоматики, заполненной большим количеством пословиц и поговорок, словообразовательного гнезда и зоны, включающей культурную информацию. В словаре под редакцией В.В. Колесова представлены зона этимологии, толкование посредством заглавного слова, постоянные эпитеты как примеры системного употребления, иллюстративный материал, включающий, прежде всего, художественные тексты. Именно эти составные части словарной статьи оказываются в словарях наиболее тесно связанными с русской ментальностью, отражают не только обыденное народное понимание слова, но и глубинное народное сознание.

Описание значения «Душа» в словаре под редакцией В.В. Колесова, на наш взгляд, имеет ориентацию не только на обыденное сознание, но и предполагает использование научных знаний. Связь с коллективными знаниями в отношении концепта «Душа» обнаруживается в толковании основного значения слова «Душа» (*«бессмертная жизнетворная сила человека»*), а другие значения оказываются не в зоне толкования, а в зоне этимологии, где нет подробного толкования.

Таблица 1

Зоны в структуре словарной статьи

Нормативные словари	«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля	«Словарь русской ментальности» В.В. Колесова
Заглавное слово	Заглавное слово	Заглавное слово
Стилистическая помета	Стилистическая помета	Стилистическая помета
Грамматическая информация	Грамматическая информация	
Толкование	Толкование	Толкование (<i>главное значение</i>)
Примеры употребления	Примеры употребления	Примеры употребления (<i>постоянные эпитеты</i>)
Зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы)	Зона идиоматики (<i>богатые устойчивые сочетания, фразеологизмы</i>)	Зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы)
	Словообразовательное гнездо (<i>включает диалектную лексику</i>)	
	Культурная и энциклопедическая информация	
		Зона этимологии
		Иллюстрация текстов русских классиков и лингвистов, текстов западных авторов

Такой способ организации словарной статьи показывает, что составляет ядро этого концепта и какие значения находятся на периферии концепта. В данной словарной статье ядерным содержанием «Души» является значение *«бессмертная житнетворная сила человека»*, а другие значения оказываются на периферии структурной организации концепта «Душа», будучи во многом обусловленными связью с основным значением.

Примеры употребления (табл. 2).

Примеры употребления в словаре В.И. Даля просты и понятны для носителей русского языка, они имеют речевой характер. В словаре же В.В. Колесова представлены словосочетания, которые включают т. н. постоянные эпитеты, часто употребляемые при данном слове. Они помогают уточнить историческое движение в содержании концепта. По мнению В.В. Колесова, «эпитет-прилагательное связан с исконным значением слова и выражает прямое значение концепта; эпитет, выраженный формой родительного падежа (принадлежности, а не признака), чаще связан с новым, переносным, значением слова, который еще не отложился в законченности постоянного признака» [12, с. 7].

Душа – *византийская, женственная, мировая, непостижимая, русская, человеческая*. Эти прилагательные, как признаки, помогают уточнить значение исходного слова, потому что «мы познаем только признаки»

(А.А. Потебня) [13], а «история эпитета есть история <...> сознания» (А.Н. Веселовский) [14]. «Признаки, выраженные в форме прилагательного, могут представлять в трех видах: они бывают типичными, реальными или образными. Типичные признаки раскрывают символ как выражение основного его свойства: *белый свет, сине море, железная воля* и т. д. Реальный признак создает актуальное понятие: *белый цвет, Черное море, железная дорога* и пр. Образный признак образует метафорический образ: *белое братство, беспокойное море, железное сердце»* [12, с. 8]. В концепте «Душа» таким же образом выделяются три вида признаков: типичные (*женственная, человеческая*), реальные (*византийская, русская*) и образный (*непостижимая*).

Следует отметить, что здесь экспрессивные авторские эпитеты из описания исключены, представляются только общие признаки слова, которые отражают не отдельную языковую личность, а национальную ментальность в целом.

Зона идиоматики (табл. 3).

В словаре В.И. Даля приводятся и объясняются огромное количество устойчивых оборотов речи и фразеологизмов, которые имеют как широкое хождение в живой непринужденной русской речи, так и часто встречаются на страницах классической и современной русской литературы.

Таблица 2

Зона примеров употребления в словарях

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля	«Словарь русской ментальности» В.В. Колесова
Человек с сильною, слабою душой, или просто сильная, слабая душа. В нем много души, в его сочинениях много души, чувства. Быть душою беседы, главными двигателем ее	Душа византийская, женственная, мировая, непостижимая, русская, человеческая; душа народа, расы, России, человека

Таблица 3

Зона идиоматики в словарях

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля	«Словарь русской ментальности» В.В. Колесова
39 устойчивых выражений ср. «отдать Богу душу», «ни душой ни телом»	4 устойчивых выражения ср. «до глубины души», «открыть душу»
34 пословицы и поговорки ср. «Душа не сосед: пить-есть просит», «Чужая душа потемки»	2 пословицы и поговорки ср. «Душа меру знает», «Муж голова, жена душа»

Фразеологические единицы и устойчивые выражения тесно связаны с историей и культурой народа, с его обычаями и традициями. Анализ этих устойчивых выражений, пословиц и поговорок помогает изучать некоторые ключевые понятия системы ценностей русского народа, отражающих его отношение к религии, моральности, этикета, и т. д. Например, поговорка «*Чужая душа потемки*» выражает сопоставление «свой и чужой»; устойчивые выражения «*душой и телом*», «*ни душой ни телом*» отражают разрывные соотношения между душой и телом. Выражения «*как Бог на душу положит*», «*отдать Богу душу*», «*душа с Богом беседует*» и другие показывают тесную связь русской ментальности с религиозными представлениями.

В словаре под редакцией В.В. Колесова также даются некоторые устойчивые выражения, пословицы и поговорки. В.В. Колесов пишет, что «во второй части приводятся народные речения, усиливающие смысл определения (пословицы, поговорки, афоризмы, устойчивые сочетания и т. д.), извлеченные из оригинальных сборников, преимущественно старых – начиная с XVII в., а также примеры из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [9]. Это, на наш взгляд, доказывает вклад В.И. Даля в исследование русских фразеологизмов и позволяет увидеть в отборе этого языкового материала взаимосвязь анализируемых нами словарных статей в отношении использования идиоматики в качестве способа подачи ментального содержания в концепте «Душа».

Словообразовательное гнездо (включает диалектную лексику) и **культурная, энциклопедическая информация в словаре В.И. Даля**.

В словаре В.И. Даля в рамках одной словарной статьи очень часто включаются разнообразные однокорневые слова, которые по своему статусу (формы или разные слова) оказываются различными. Такой принцип расположения слов способствует постижению духа языка и раскрывает законы его словообразования. Так, в словаре В.И. Даля представлены более 80 однокоренных слов, репрезентирующих концепт «Душа»: «*душка, душица, душина, душонка, душеенька, душечка, душе, душевный, душевенный, душишь, душеный, выдушить, передушить,*

додушить, придушить, задушить, надушиться, продушиться, отдушиться, подушить, раздушиться, удушить, душеенье, душнить, душнеть, душистый, душной, душистый, душистость, душник, душничок, душевик, душиница, душничать, душмянка, душный, душно, душоватый, душнота, душоватость, душевредный, душевредность, душевредство, душевредствовать, душевредничать, душевредить, душевредник, душевредитель, душегрейка, душегуб, душегубец, душегубник, душегубница, душегубица, душегубка, душегубительный, душегубитель, душегубствовать, душегубство, душелюбивый, душепарный, душепитатель, душеживитель, душеполезный, душеприказчик, душеприказчий, душерастлительный, душетлительный, душетленный, душерастлитель, душетлитель, душесловие, душесловный, душежизненный, душеслов, душе-спасительный, душеубийца, душеубийство, душеубийственный, душехищник, душецелительный, душецелительный».

В.И. Даль дает каждому однокоренному слову определение, иногда и примеры употребления. Эти однокоренные слова также помогают объяснить значение слова «Душа», например, слово *душевредство* обозначает всякое нарушение человеком совести, т. е. здесь содержание концепта «Душа» взаимодействует с содержанием концепта «Совесть».

В своем словаре В.И. Даль дает объяснение слов с помощью т. н. «тождеслов», среди которых есть и слова литературные, и просторечные, диалектные. Словарные статьи с такими диалектными синонимами представляют собой очень ценный материал для исследования русской диалектологии и отражают местные представления, которые в своей основе обусловлены обыденным сознанием носителей того или иного диалекта. Например, «*душничать*» в курском диалекте обозначает «*жить роскошно, торопато, с затеями*»; «*душнить*» в вологодском диалекте обозначает «*распускать дурной запах, вонь; сплетничать*».

«Особо ценным фондом в Словаре В.И. Даля следует считать огромное количество слов, связанных с ремеслами, промыслами, народной медициной, естествознанием... Множество сведений, содержащихся в Словаре В.И. Даля, далеко выходят за пределы чисто филологического порядка. Это ис-

ключительно ценные этнографические материалы». Например, в словарной статье «Душа» содержится и такая информация, которая отражает сведения о растительном мире. Ср.: «*Душка, или душица, растение *Origanum Clinopodium* (от душистый), материнка, зеновка, ладанка, лесная мята, боровая душица, блошница, душимянка, синявка, дрок, духовой цвет. Малая душица, *Calamintha Clinopodium*, пахучка, василечки, шаружник, постельница, матерник. Маткина душка. растение *Viola odorata*, душистая фиалка. Душки м. мн. южн. растение базилик, *Ocimum basilicum*, душистые васильки*». В словарной статье мы находим и другие виды информации, например, о напитке: «*Душепарный напиток, душепарка ж. варенуха, род глинтвейна, из водки, меду, корицы, гвоздики и фиалки; подавалась горячая, еще в начале этого века*»; об одежде: «*Душегрейка, душегрея, телогрейка, короткая женская одежда разного покроя, сборчатая и б. ч. без рукава*». Эти культурные и энциклопедические сведения дополняют и расширяют содержание концепта «Душа».

Зона этимологии в словаре В.В. Колесова.

В словарной статье «Душа» В.В. Колесова: «Осл. от духъ 'дыхание'; др. рус. 'душа' (1146), 'живое существо' (XII в.), 'дыхание' (XIII в.), 'человек' (1399), 'ласковое обращение к любимому' (1665).

Совр. 'главное лицо, вдохновитель'; диал. 'грудь', 'сердце', 'тело', 'бабочка, мотылек'; арг. 'грудь', 'двигатель', 'намять душу 'избить', 'продать душу 'перестать воровать'».

В.В. Колесов четко описывает развитие значений слова «Душа» и эволюцию этого концепта: слово «Душа» находит свое происхождение в общеславянских языках и постепенно обретает разные новые переносные значения, как «человек», «ласковое обращение к любимому», «вдохновитель», «грудь».

В.В. Колесов разграничил два периода эволюции этого концепта: 1) от древних времен до XVII в., 2) современный этап. На первом этапе значение «Души» получило развитие, но это развитие оказалось только в рамках отношений с человеком. Значения «дыхание», «душа», «живое существо», «человек», «ласковое обращение к любимому» имеют прямую, неразрывную связь с челове-

ком. На втором этапе в концепт «Душа» добавлены разнообразные новые значения: «главное лицо, вдохновитель», «грудь», «сердце», «тело», «бабочка, мотылек», а также появилось арг. «грудь», «двигатель», «намять душу 'избить'», «продать душу 'перестать воровать'». Здесь выделяются метафорические и метонимические переносы. Такие метафорические и метонимические переносные значения развиваются у славянизмов с XVIII в. В кругу славянизмов «метафоризация служит в основном формированию новых отвлеченных значений, относящихся к области духовной, творческой деятельности человека, общественной деятельности, в меньшей мере (для славянизмов) она является средством формирования характеризующих значений» [15, с. 5].

В основе *метафорического переноса* лежит сходство предметов, явлений в широком смысле этого слова; следовательно, метафорический перенос связан с сопоставлением и сравнением явлений, а новое значение у слова является результатом ассоциативных связей. *Метонимический перенос* – это перенос наименования по смежности явлений, их взаимосвязи (пространственной, временной и т. п.). Например, концепт «душа» получил новые значения «грудь», «сердце», «тело» в процессе метафорических переносов по модели сходства функции (выражения «душа / сердце / глава болит»). Анализ метафорических и метонимических переносов помогает выявить устойчивые признаки каждого концепта в процессе эволюции русской ментальности в целом.

Иллюстрация текстов русских классиков и лингвистов, текстов западных авторов в словаре под редакцией В.В. Колесова.

Большой объем словарной статьи «Душа» посвящен иллюстративному материалу оригинальных текстов русских классиков (философов и поэтов) и текстов из «Словаря современного русского литературного языка» (1950–1965), который «зафиксировал классические русские тексты в их по преимуществу близком к исконному представлению русских концептов (по ранним изданиям произведений)» [12, с. 11]. Кроме этого, в словарную статью включаются тексты западных авторов (по преимуществу философов), приведенные для сравнения с русским

пониманием общего для разных народов концепта, и тексты из лингвистических работ, передающих авторское толкование термина, а также выразительные лингвистические комментарии русских авторов прошлого.

Литературные тексты в словарной статье «Душа» дают основание определить значение этого слова. Все эти тексты можно разделить на три типа:

1) определение души как бессмертной житнотворной силы человека в единстве разума, воли и чувства. Например,

«Неосоздаемое, невидимое, бестелесное начало, отдельное телом от всего остального и сознаваемое нами собою, мы называем душою (Л.Н. Толстой)».

«Вопросы о душе сводятся в сущности к вопросу о природе сознания (С.Н. Трубецкой)».

«Душа есть mobile perpetuum – движимость непрерывная. Крылья ее есть мысли, мнения, советы; она или желает чего, или убеждает от чего; желая, любит, убеждая, боится. Если не знает чего желать, а отчего убеждать, тогда недоумевает, сомневается, мчится (Г.С. Сковорода)»;

2) выяснение отношения между душой, духом и телом. Например,

«Еще доселе никому не удалось определить различие между 'духом' и 'душой' столь ясно и однозначно, чтобы этим установлены были бы точные границы между этими двумя областями. Где кончается 'душа' и начинается область 'духа'? (С.Л. Франк)».

«Душа не есть человек. Над душой господствует дух. И лишь дух придает настоящий чекан внутренней жизни (В.Ф. Эрн)».

«...Обыватель прекрасно знает, что тело всегда есть то или иное выражение души... Душа и дух всегда предполагают тело, так или иначе организованное... Тело – живой лик души... Тело есть известное состояние души, как душа есть известное состояние духа; и судьба духа есть судьба души, а судьба души есть судьба тела... (А.Ф. Лосев)»;

3) описание русской души. Например,

«Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской

души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям (Н.А. Бердяев)».

«Только русская душа способна дойти до такой беспощаднейшей последовательности мысли или чувства в их приложении на практике и от этой трагической, еще мрачной бестрепетности (А.А. Григорьев)».

«История русской души в петербургский период есть история ее поисков (А.А. Панченко)».

Приведенные авторские тексты со всей очевидностью подтверждают мнение исследователей о том, что понятие концепта имеет индивидуальное понимание, но, в конечном счете, ориентируется на его усвоение в коллективном сознании. Поэтому читатель словаря получает информацию как совпадающую с его содержанием концепта, так и отличающуюся от общего его понимания.

Таким образом, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словарь русской ментальности» под редакцией В.В. Колесова, имея определенные различия в их назначении, что выявляется в структуре словарных статей и их содержании, тем не менее обнаруживают определенную преемственность в плане отражения прежде всего ментальности русского народа. Оба словаря, не заменяя друг друга, а дополняя друг друга, ценны своей уникальностью в изучении русской ментальности.

1. Дмитриева Н.М. Языковые особенности этнических категорий русского менталитета // Вестник ОГУ. 2011. № 11. С. 57-61.
2. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1. С. 75-89.
3. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
5. Даль В.И. Напутное слово (читано в Обществе любителей Российской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 1.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
7. Даль В.И. О русском словаре (читано в Обществе любителей Российской словесности, в

- частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 г.) // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1955.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого Великорусского языка: в 4 т. / ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 2000. Т. 1: А-З.
 9. *Даль В.И.* Напутное слово // Пословицы и поговорки русского народа. М., 1862.
 10. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
 11. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.
 12. *Колесов В.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014. Т. 1. А-О.
 13. *Потебня А.А.* Собрание трудов. Мысль и язык. М., 1999.
 14. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
 15. *Копорская Е.С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.
-
1. *Dmitrieva N.M.* Yazykovye osobennosti etnicheskikh kategoriy russkogo mentaliteta // Vestnik OGU. 2011. № 11. S. 57-61.
 2. *Gurevich A.Ya.* Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii // Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody. M., 1989. Vyp. 1. S. 75-89.
 3. *Shkuratov V.A.* Istoricheskaya psikhologiya. M., 1997.
 4. *Gumilev L.N.* Etnosfera: Istoriya lyudey i istoriya prirody. M., 1993.
 5. *Dal' V.I.* Naputnoe slovo (chitano v Obshchestve lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti v Moskve, 21 aprelya 1862 g.) // Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M., 1955. T. 1.
 6. *Gumbol'dt V. fon.* Yazyk i filosofiya kul'tury. M., 1985.
 7. *Dal' V.I.* O russkom slovare (chitano v Obshchestve lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti, v chastnom ego zasedanii 25 fevralya i v publichnom 6 marta 1860 g.) // Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1. M., 1955.
 8. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo Velikorusskogo yazyka: v 4 t. / red. I.A. Boduena de Kurtene. M., 2000. T. 1: A-Z.
 9. *Dal' V.I.* Naputnoe slovo // Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. M., 1862.
 10. *Kolesov V.V.* Yazyk i mental'nost'. SPb., 2004.
 11. *Kolesov V.V.* Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. SPb., 2006.
 12. *Kolesov V.V., Kharitonov A.A.* Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t. SPb., 2014. T. 1. A-O.
 13. *Potebnya A.A.* Sbranie trudov. Mysl' i yazyk. M., 1999.
 14. *Veselovskiy A.N.* Istoricheskaya poetika. M., 1989.
 15. *Koporskaya E.S.* Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni. M., 1988.

Поступила в редакцию 26.02.2016 г.

UDC 81'374

ABOUT RUSSIAN MENTALITY REFLECTION IN EXPLANATORY DICTIONARIES (basing on V.I. Dal's dictionary and "Russian Mentality Dictionary" edited by V.V. Kolesov)

Wu Meng, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian Philology and Journalism Department, e-mail: njuwm@mail.ru

Lexical item SOUL in Russian language dictionaries as basic component of Russian national mentality is considered; revealing peculiarities of the lexical meaning notion in dictionaries let widen culturological and lingual knowledge and make conclusion about specifics of author's lexical and graphic notion of word meaning of SOUL. Considering the dictionary entry structure, traditional and individual-authorial nature of lingual material presentation, saving and reflecting mental Russian peoples' image for many centuries. Existence of special lexical worldview and the connected phenomenon of "mentality" is maintained. It is a way of behaviour, thinking, world perception, factor of concrete epoch reality building, i. e. worldview. During reviewing lexical unit SOUL in "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V.I. Dal and "Russian Mentality Dictionary" edited by V.V. Kolesov different aspect are compared: word explanation, its idiomology, illustrative materials. It is proved, that being dominant in national behaviour, the content of word SOUL is widened; the lexical unit SOUL reflects certain features of Russian person's character, their ideas and feelings. Active use and multi-variant interpretations of lexical unit SOUL let it have ethnic market.

Key words: mentality; concept; soul; explanatory dictionary.

УДК 81'272

СПЕЦИФИКА ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Андрей Васильевич ПРОХОРОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук, доцент,
директор центра мониторинга и анализа образовательной деятельности,
e-mail: proh_and@rambler.ru

Когнитивное направление в лингвистике применительно к исследованию аспектов рекламной коммуникации позволяет проанализировать роль языковых и мыслительных структур в достижении прагматического воздействия сообщений, построить модели процесса интерпретации рекламных сообщений. Изучена роль процессов инференции в структуре понимания текстов рекламы. Прагматический эффект рекламных сообщений зависит от того, насколько они будут восприняты и интерпретированы целевой аудиторией. Значительная часть смыслов в рекламных сообщениях в знаках не выражена – имплицированы автором сообщения, но подразумеваются и требуют инферентного вывода со стороны аудитории. Проанализированы различные подходы к трактовке инферентного (выводного) знания, предлагается трактовка понятия. Приведены определение и типология маркеров имплицитной информации – имплицитов. В качестве когнитивной структуры, являющейся основой интерпретации текстов рекламы, рассматривается фрейм «ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ». Полученные выводы могут найти применение в практике копирайтеров по созданию маркетинговых обращений.

Ключевые слова: рекламный текст; рекламная коммуникация; понимание; инференция; импликатура; знание; имплицит.

Специфика современной рекламной коммуникации определяется ее прагматической направленностью, реализация которой оказывается возможной посредством языковых и когнитивных процессов, лежащих в основе порождения, восприятия и интерпретации рекламного сообщения [1–3]. В практике рекламного воздействия актуальными остаются вопросы экономической и коммуникативной эффективности рекламного сообщения, причем коммуникативная эффективность является условием достижения эффективности экономической. Коммуникативная эффективность рекламного сообщения связана с тем, насколько точно оно будет интерпретировано аудиторией. Достижение коммуникативной эффективности может осложняться тем, что лишь часть смыслов сообщения выражено в знаках, а остальная часть подразумевается – имплицирована, и требует инферентного вывода.

Исследование текстов рекламы на русском и английском языках позволило нам прийти к выводу, что процессы имплицирования и инференции взаимосвязаны и объединены когнитивно-коммуникативным механизмом, в котором имплицирование информации адресантом сопровождается инференцией со стороны адресата рекламного

текста. Подобная взаимосвязь объясняется тем, что в процессе восприятия и понимания рекламного текста активируются структуры представления знаний, выступающие основой для осуществления инферентного вывода.

В качестве элементов поверхностного уровня, активирующих имплицуемые смыслы, выступают вербальные и иконические знаки – **имплицаты**. Мы используем термин «имплицат» для представления семиотической операции замещения знаком не только выраженного эксплицитно, но и подразумеваемого. Инферентный вывод адресата, обусловленный имплицатурами, основывается на наличии в тексте рекламы подобных имплицатов, указывающих на концептуальные области, в границах которых осуществляется поиск и вывод подразумеваемых смыслов – имплицатур.

В нашем понимании, **имплицаты** – это знаки, указывающие на содержащуюся в тексте рекламы имплицитную информацию (имплицатуры). В качестве имплицатов могут выступать вербальные, невербальные (иконические) и индексальные элементы креолизованного рекламного текста, которые активируют в сознании адресата определенные структуры представления знаний и их отдельные участки.

Типологию имплицитов можно представить в соответствии с типами знаков. Применительно к рекламным текстам целесообразно выделять **вербальные, иконические и индексальные имплициты**.

Типологизацию вербальных имплицитов следует осуществлять в соответствии с существующими в системе языка языковыми уровнями: лексическим, синтаксическим и морфологическим. На основании названных языковых уровней можно говорить о **лексических, синтаксических и морфологических имплицитах**.

Под **иконическими имплицитами** понимаются картинки, фотографии, графики, логотипы и т. д., под **индексальными** – цифры, формулы, стрелки и т. д.

Выделенные типы имплицитов представлены в табл. 1.

В изучении процессов инференции основное внимание сфокусировано на деятельности адресата по интерпретации рекламного текста. В данном случае рекламный текст рассматривается как «образец эмерджентного образования (возникающего по ходу осуществления определенного процесса)», который, по замечанию Е.С. Кубряковой, должен изучаться в своей завершенной форме, как нечто конечное [4, с. 517]. По мнению Е.С. Поповой, «современная реклама во многом подобна айсбергу: «подводная часть» – это многоэтапный процесс создания рекламного продукта, а «надводная часть» – восприятие готового продукта, т. е. рекламного текста» [5, с. 3].

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем креолизованный рекламный текст как некий результат, «фиксацию» деятельности адресанта по его созданию. Рекламный текст является промежуточным результатом дискурсивной деятельности, состоящей из факта порождения данного текста его создателями (копирайтерами, художниками, психологами

и т. д.) и предполагаемого факта его интерпретации со стороны адресата. При этом важно отметить, что интерпретация рекламного текста носит отсроченный характер, а его адресат присутствует в ситуации лишь гипотетически [6, с. 9].

Анализ толкований термина «инференция» позволяет выделить следующие «блоки», отражающие сущность данного термина:

- **языковой уровень** («результат обработки информации и / или языка»);
- **концептуальный уровень** («мыслительный процесс, позволяющий выйти за пределы значения слов»);
- **когнитивный уровень** («связана с опытом», «операция обыденного сознания», «заполнение брешей между тем, что сказано и понято на базе знаний слушающего»).

Проведенный анализ толкований термина «инференция» позволил сформулировать определение инференции применительно к текстам рекламы, согласно которому она понимается как **мыслительная операция адресата по восстановлению смыслов, не выраженных вербальными и иконическими средствами рекламного текста, основанная на оперировании знаниями, хранящимися в сознании в виде определенных структур, которые актуализируются посредством элементов рекламного текста** [1; 2].

В ряде работ подчеркивается необходимость разграничения понятий «имплицатура» и «инференция», которые относятся к разным «полюсам» коммуникации: позиции говорящего и слушающего. Носителем имплицатуры является говорящий; он, создавая сообщение, подразумевает нечто. Инференцию, в свою очередь, следует относить к сфере адресата сообщения, который выводит невербализованные (имплицированные) смыслы и делает заключения с целью понять, что говорящий имел в виду [7, с. 101].

Таблица 1

Типология имплицитов

Типология имплицитов				
вербальные			иконические	индексальные
синтаксические	лексические	морфологические	– картинки; – фотографии; – графики	– цифры; – формулы; – стрелки и т. д.

На целесообразность исследования особенностей получения выводного знания (инференции), а также необходимость понимания природы умозаключений человека в своих работах указывает Е.С. Кубрякова. Несмотря на то, что «значительная часть мыслительных процессов, в т. ч. инферентных, осуществляется автоматически, необходимо понять механизм этого автоматизма» [4, с. 21].

На современном этапе разработки проблемы инференции существуют различные подходы к ее пониманию. Многие исследователи в своих определениях высвечивают различные аспекты этого сложного мыслительного процесса, которые позволяют в своей совокупности делать выводы о природе того автоматизма, о котором говорит Е.С. Кубрякова в приведенной выше цитате.

Весомый вклад в исследование вопросов инференции вносит работа Т.В. Дроздовой, которая рассматривает особенности инферентного вывода в контексте понимания научных текстов. Понимание научного текста и его дальнейшая интерпретация, по мнению автора, связана не только с прочтением эксплицитной информации, но и с восстановлением имплицитной информации, получение которой является результатом действия механизма инференции. Значительная роль в понимании и интерпретации научного текста в составе предзнания / предпонимания, наряду с языковой компетенцией и общими (фоновыми) знаниями, отводится экспертному (специальному) знанию [8].

Применительно к рекламной коммуникации, инферентное знание, как правило, включает в себя **значимую** для адресата информацию об объекте рекламы, его свойствах и характеристиках. При этом считается, что информация, выводимая адресатом посредством инференции, а не получаемая в готовом виде, обладает большим воздействующим потенциалом. Например, информация о функциональном назначении объекта рекламы в следующем сообщении в явном виде не представлена, а подлежит инферентному выводу: *Аллергия? Ответ один: прими раз в день Кларотадин!* (реклама лекарственного средства Кларотадин). В качестве возможного инферентного вывода адресатов данного рекламного текста может рассматриваться следующий вывод: «Кларотадин помогает избавиться от аллергии». В данном

случае процесс инференции основан на механизме **активации фрейма «ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ»,** содержащего информацию об объекте рекламы, **и взаимодействия его отдельных элементов** [2]. Активация фрейма и взаимодействие его элементов рассматривается нами в качестве общего механизма, обеспечивающего реализацию процесса инференции. Действительно, интерпретация любого сообщения, в т. ч. и рекламного, возможна только с опорой на языковые и энциклопедические знания, представленные в сознании человека в виде определенных структур, одной из которых и является фрейм. Исследование процесса инференции мы связываем, прежде всего, с изучением механизмов его реализации, а не его результата. Эта мысль была высказана А.А. Залевской, которая считает, что особый интерес представляет выявление когнитивных механизмов, лежащих в основе получения выводного знания (т. е. инференции), что связано со смещением фокуса интересов в области понимания текстов с содержания используемого выводного знания на процессы его получения и на особенности представления знаний в памяти человека [9, с. 53].

Процессы имплицирования информации и инференции в рамках рекламной коммуникации заслуживают дальнейшего исследования в силу воздействующего потенциала имплицитной информации на целевую аудиторию, значимости обозначенных процессов для достижения необходимых эффектов рекламной коммуникации.

1. Прохоров А.В. К проблеме содержания понятия «инференция» // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 196-201.
2. Прохоров А.В. Косвенное представление характеристик товара в текстах рекламы // Когнитивные исследования языка. Вып 11. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. Тамбов, 2012. С. 180-183.
3. Трайковская Н.П. Лингвостилистические маркеры импликации в современных англоязычных рекламных текстах // Филологос. 2015. № 26 (3). С. 78-83.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

5. Попова Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
6. Терпугова Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2000
7. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
8. Дроздова Т.В. Научный текст и проблемы его понимания (на материале научных экономических текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
9. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
3. Traykovskaya N.P. Lingvostilisticheskie markery implikatsii v sovremennykh angloyazychnykh reklamnykh tekstakh // Filologos. 2015. № 26 (3). S. 78-83.
4. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M., 2004.
5. Popova E.S. Reklamnyy tekst i problemy manipulyatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2005.
6. Terpugova E.A. Reklamnyy tekst kak osobyiy tip imperativnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2000
7. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M., 2004.
8. Drozdova T.V. Nauchnyy tekst i problemy ego ponimaniya (na materiale nauchnykh ekonomicheskikh tekstov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2003.
9. Zalevskaya A.A. Tekst i ego ponimanie. Tver', 2001.
1. Prokhorov A.V. K probleme sodержaniya ponyatiya "inferentsiya" // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. № 5. S. 196-201.
2. Prokhorov A.V. Kosvennoe predstavlenie kharakteristik tovara v tekstakh reklamy // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp 11. Mezhdunarodnyy kongress po kognitivnoy lingvistike: sbornik materialov. Tambov, 2012. S. 180-183.

Поступила в редакцию 26.02.2016 г.

UDC 81'272

SPECIFICS OF INFERENTIAL KNOWLEDGE IN ADVERTIZING COMMUNICATION

Andrey Vasilevich PROKHOROV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Monitoring and Educational Activity Analysis Department, e-mail: proh_and@rambler.ru

Cognitive linguistics in relation to the study of advertising communication aspects allows us to analyze the role of language and thought patterns in achievement of pragmatic impact of messages and building a model of advertising messages interpretation process. The role of inferential processes in the structure of advertising texts understanding is considered. The pragmatic effect of advertising messages depends on whether they will be perceived and interpreted by the target audience. A significant part of meanings in advertisements are not expressed in signs – it is implied by an author, it needs its inference by the audience. Different approaches to understanding of knowledge inference are analyzed, the interpretation of the term *inference* is presented. The definition and typology of implicit information markers – implicatures are presented. As a cognitive structure, which lies in the basis of advertising texts interpretation, the frame OBJECT ADVERTISING is examined. The achieved results can be applied in practice of copywriters in creating marketing messages.

Key words: advertising text; advertising communication; comprehension; inference; implicature; knowledge; implicature.

УДК 81'27

ВЕРБАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В СТРУКТУРЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

© Тамара Геннадьевна ПЯДЫШЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: ms.tamaraekc@gmail.com

Рассмотрены вербальные составляющие в структуре рекламного текста, оказывающие психологическое воздействие на массовое и индивидуальное сознание потребителей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку. При рассмотрении различных видов коммуникации в зависимости от количества ее участников установили, что по данному критерию реклама может быть отнесена, прежде всего, к массовой коммуникации, поскольку она направлена на широкие целевые группы потребителей товаров и услуг, используя с этой целью средства массовой информации. В процессе рекламной коммуникации, в независимости от канала ее распространения, передается некоторое сообщение, т. е. создается рекламный текст как законченное речевое произведение, основными свойствами которого являются информативность, целостность, связность, литературная обработанность, закреплённость на каком-либо материальном носителе информации. Рекламные тексты представляют собой тексты одностороннего и неличного характера, оплаченные рекламодателем и адресованные группам людей с целью побудить их к выбору и поступку, необходимому рекламодателю. Доказано, что вербальные составляющие в структуре рекламного текста занимают особое место в системе тех функционально-стилевых образований, которые относятся к массовой информации и объединены массовой коммуникацией.

Ключевые слова: реклама; рекламная коммуникация; рекламный текст; мотивация; манипулирование; поведение потребителя.

Реклама – это многокомпонентное социально-экономическое явление. Она имеет широкий социальный контекст во всем многообразии связей: экономических, политических, моральных, религиозных, нравственных.

Рекламная коммуникация служит рекламисту основной информативной базой для руководства в условиях развития рыночных отношений и укрепления экономических связей в процессе создания конкретного рекламного продукта.

Реклама используется для информирования общества о новшествах, призванных обеспечить жизнь человека более комфортной и удобной, что связано с созданием новых товаров и услуг. Она может применяться для решения практических задач увеличения прибыли фирм и для реализации определенных стратегических маркетинговых целей производителей.

Реклама оказывает опосредованное влияние на формирование мнений на поведение людей, общественного сознания. Опосредованный характер влияния рекламы проявляется как через межличностное общение, воспроизводящее рекламные идеи в более доверительной форме обмена личным опы-

том, так и через массовые представления (нормы, традиции, стереотипы), принятые в обществе.

Реклама – динамичная, быстро трансформирующаяся сфера человеческой деятельности. На протяжении многих столетий, непрерывно сопровождая деятельность человека, реклама менялась вместе с ним. Содержание рекламы, ее характер и форма претерпевают кардинальные изменения, реагируя на такие факторы, как развитие общества, технологий, метаморфозы социально-экономических формаций и т. д. Роль рекламы в современном обществе не ограничивается ни рамками коммерческих коммуникаций, ни даже всей рыночной деятельностью. Значение рекламы возрастает практически во всех сферах человеческой деятельности. Сегодня реклама и сама по себе является одной из крупнейших отраслей хозяйствования, объединяющей множество специализированных рекламных фирм с общим годовым бюджетом более триллиона долларов. В рекламной отрасли заняты миллионы сотрудников. Реклама на данный момент является одной из важнейших отраслей, непосредственно принимающих участие в создании новых рабо-

чих мест как в области рекламного бизнеса, так и других сфер человеческой деятельности, им обслуживаемых.

Язык рекламы занимает особое место среди тех функционально-стилевых образований, которые относятся к массовой информации, объединены массовой коммуникацией.

Анализ различных моделей коммуникаций показывает, что фокус внимания исследователей сосредотачивается на основных ее элементах, в числе которых: *коммуникатор*, его статус, структура; *содержание коммуникации* (материалы печати, телевидения, радио и др.); *средства коммуникации, каналы распространения информации; аудитория* (получатель), ее профиль, основные характеристики; *эффекты коммуникации*.

С позиций представленной коммуникативной схемы и предмета исследования процесс формирования рекламного сообщения – письменного текста таков: источник (коммуникатор) генерирует определенную идею, становящуюся основой исходного сообщения. Сообщение есть передаваемая источником получателю информация, закодированная идея, то, что хотел сообщить источник получателю. Кодирование происходит не только на лексическом уровне. Кодирование информации происходит на всех языковых уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

Под рекламным сообщением понимается, прежде всего, смысл передаваемой информации. Коммуникатор рекламного сообщения всегда имеет представление о том, как бы он хотел, чтобы сообщение интерпретировалось получателем.

Кодирование является важным фактором эффективности рекламной коммуникации: это представление идеи сообщения, которую стремится донести до получателя коммуникатор, в кодах, или символах. *Коды* – это символы, или знаки, переводящие идею на язык, понятный получателю. Кодирование предполагает выбор определенной речевой структуры текста и достигается разнообразием рекламных жанров или фактур речи. Таким образом, возможности *канала передачи рекламного сообщения* (например, использование только устной речи на радио или сочетание печатной речи и изображения в газете или журнале) и средства массовой информа-

ции, выбранного в качестве канала передачи, выделили следующие жанры рекламы: наружную (щитовую), газетную, журнальную, радио- и телевизионную рекламу.

Неотъемлемым звеном коммуникативной рекламной модели является *получатель, или адресат сообщения*. Следует сделать предположение, что кодирование в тексте рекламной коммуникации будет носить различный характер в зависимости от того, кому направлено сообщение.

Место языкового, вербального оформления в содержательно-композиционной структуре рекламного текста выявляется на фоне и в контексте, с одной стороны, социокультурной роли рекламы в современном обществе, а с другой – статуса рекламы в массовой коммуникации как одного из средств массовой информации, имеющего специфические функции.

Понятие «текст» применительно к массовой информации означает текст, включающий в себя словесный (вербальный), звуковой (аудио-) и зрительный (визуальный) ряды. Такой текст имеет цель оповестить реальных и потенциальных потребителей и зрителей о том или ином товаре, услуге, зрелище, воздействовать на сознание адресата рекламного текста, настойчиво призвать его (адресата) совершить покупку или пойти на зрелище.

Своеобразие языка рекламы, вербального текста (внутри текста рекламного) определяется тем, что он (*язык рекламы, вербальный текст*) всегда находится в соотношении, во взаимодействии:

- со зрительным рядом (печатная реклама – в газетах, журналах; наружная реклама – рекламные щиты, «растяжки», плакаты, афиши и т. п.);
- со звуковым рядом (на радио);
- со звуковым и зрительным рядом (в составе телевизионного ролика, клипа).

Это соотношение для рекламного текста имеет конструктивное значение: вне такого объединения, взаимодействия словесного ряда (вербального текста) со зрительным (графическим, фотографическим, телевизионным изображением), со звуковым рядом (музыкальное сопровождение, всевозможные шумы окружающей среды: говор толпы, природные, технические шумы и т. п.), со

зрительным и звуковым рядами (в телевидении, в кино) рекламного текста нет.

Понятие «*рекламный текст*» учитывает не только собственно лингвистические характеристики и особенности, но и включает в себя совокупность всех экстралингвистических значимых компонентов: графики, образов, звукового сопровождения и т. д.

Рекламный текст – это текст, имеющий все основные признаки текста, но в то же время обладающий дополнительными особенностями, отличающими его от других текстов. Исследователи рекламных текстов (Д.В. Беклешов, Л.С. Винарская, Н.А. Гурская, Н.Н. Кохтев, Б.С. Разумовский и др.) к таковым относят:

- определенный выбор языковых средств;
- использование своеобразных композиций и образов;
- особенность коммуникативной функции;
- весомую роль экстралингвистических факторов;
- неоднозначность интерпретации рекламного текста.

Понятие текста применимо к рекламе, т. к. рекламный текст обладает всеми основными признаками текста: связностью, цельностью, определенной композиционной структурой.

Содержание рекламы имеет широкую тематическую направленность, но отдельные рекламные тексты – монотематичны: они информируют потребителя о содержании, связанном с одной темой. Их функция заключается в том, чтобы побудить реципиента к определенному действию.

Текст нами рассматривается как особым образом организованная семиотическая система, а его «внутренняя организация» – как обусловленная факторами внелингвистического порядка. Особенно это важно подчеркнуть, имея в качестве объекта исследования специфику рекламного текста как коммуникативной единицы в многоязычной среде, т. к. общеизвестно, что именно неязыковые факторы являются тем регулятором, который определяет отбор языковых средств для создания, в данном случае, рекламного текста.

Среди разных типов текста, относящихся к сфере массовой коммуникации, рекламные тексты заслуживают пристального рассмот-

рения в качестве уникального по своей интенсивности функционального, а значит и целевого использования языка.

Поэтому анализ рекламных текстов предполагает обязательное отношение к тексту как основной единице общения, т. е. основной единице коммуникации.

Рекламное сообщение представляет собой семиотически неоднородный текст, включающий вербальную и визуальную информацию, что отражается в представлении рекламного сообщения как креолизованного текста.

Основными компонентами текстов подобного рода являются *вербальный и иконический компоненты*. *Вербальный компонент рекламного текста* может включать: слоган, заголовок, основной рекламный текст и эофразу. Также в составе вербальной части выделяют подзаголовки.

Иконический компонент – это фотографии, рисунки, графики, которые в той или иной степени иллюстрируют рекламируемый товар (услугу) и имеют отношение к тексту рекламы.

Существует множество иконических кодов, пользуясь которыми можно воспроизвести в сознании зрителя-интерпретатора любой предмет (штрихами, игрой светотени, цветовыми пятнами, обвести объект контурной линией и т. д.).

В отличие от вербальных (символьных) иконические коды очень неустойчивы. Они слабее и меняются в зависимости от особенностей восприятия отдельных лиц. Визуальный знак имеет огромное число параметров, существенных для его интерпретации. Значение варьируется в зависимости от кода, применяемого при «прочтении» изображения. У каждой личности имеется свой набор кодов, актуализирующих уникальный смысл. Использование разных способов передачи информации способствует усилению эффекта воздействия на реципиента сообщения и обеспечивает реализацию основной цели рекламы – внедрить в его сознание определенную идею (Л.В. Минаева, 2002).

Привлечение визуальных элементов позволяет создать более четкое представление о рекламируемом. Получатель информации с большей готовностью позволяет увлечь себя эмоционально, если на иллюстрации будут изображены знакомые и понятные персона-

жи и ситуации, с которыми он может себя идентифицировать, чьи чувства и поступки ему близки.

Информационная эффективность любого рекламного сообщения зависит как от непосредственно текста, так и от изображения, представленного в рекламном сообщении.

Как правило, на невербальный аспект рекламного сообщения приходится половина нагрузки по передаче сообщения. Как отмечают специалисты по рекламе, иллюстрация должна привлечь внимание читателя, дать ему определенное представление о предмете рекламы, создать у него благоприятное впечатление об этом товаре и, в конечном итоге, заставить его купить этот товар.

К универсальным правилам написания текстов в сфере рекламы и связей с общественностью относятся следующие.

1. *Простота предложений.* Короткие предложения обеспечивают изящество и скорость изложения истории. Они помогают достичь ясности.

2. *Простые слова.* Составители текстов для медиа, или средств массовой информации, используют повседневный язык своей аудитории. Поэтому чем меньше больших, длинных слов, тем лучше. Длинных слов должно быть не более чем одно из десяти. Использование верных существительных для обозначения предметов позволяет избежать прилагательных и наречий, загромождающих текст сообщения.

3. *Убедительность.* Позиция автора должна быть поддержана – фактами, цифрами, документами – настолько, чтобы убедить читателя в точном отражении событий. Удачное описание событий в очерке или репортаже с места событий должно следовать правилу: «показывай во-первых, рассказывай во-вторых». «Показ» означает красочное, образное, живописующее изложение, позволяющее читателю видеть события глазами их участника, чувствовать вкус и запах происходящего. Изображение специфических – интересных и просто любопытных деталей также приближает читателя к описываемым событиям. Прием показа создает у читателя эффект присутствия. Прием рассказа формально и объективно информирует читателя о событии, не ставя его в центр происходящего. Делая читателя очевидцем происходящего, репортер усиливает эмоциональную

компоненту восприятия материала, а значит, его действенность.

4. *Естественность стиля.* Событие и его описание должны соответствовать друг другу. Писать статьи, заметки и очерки надо тем языком, которым вы говорите.

Написание успешных информационных сообщений для газет, а также теле- и радионОВОСТЕЙ использует известную в журналистике форму «перевернутой пирамиды». Эта форма означает, что все важные материалы новостей должны быть изложены в самом начале текста – в одной–двух первых фразах или абзацах. Остальная информация располагается далее в порядке снижения значимости.

Рекламный текст раскрывает основное содержание рекламного послания. Его задача состоит в привлечении внимания потенциального потребителя, разъяснении заинтересовать и заключении убедить обратить внимание на поставленную проблему. Он состоит из элементов, которые почти всегда используются в рекламе: заголовок; подзаголовок; основной текст; подписи и комментарии; рекламный лозунг (слоган).

Прагмалингвистический анализ рекламного текста дает возможность рассмотреть поведение знаков в реальном процессе коммуникации и в т. ч. наличие определенных свойств контекста, которые касаются, прежде всего, говорящего и слушающего – непосредственных участников коммуникации. Прагматический анализ может быть дополнен использованием методов и приемов риторики, в рамках которой еще со времен Аристотеля шаг за шагом создавалась теория речевого воздействия.

Среди разных типов текста, относящихся к сфере массовой коммуникации, рекламные тексты заслуживают пристального рассмотрения в качестве уникального по своей интенсивности функционального, а значит и целевого использования языка. Поэтому анализ рекламных текстов предполагает обязательное отношение к тексту как основной единице общения, т. е. основной единице коммуникации.

Наряду с рекламным текстом в качестве терминов-дуплетов используются сочетания рекламное обращение, рекламное сообщение, рекламное послание.

По мнению ряда авторов целесообразно использовать сочетания рекламный текст и

рекламное обращение (сообщение), причем последнее понятие является более широким и включает понятие рекламного текста [1, с. 45-47].

Рекламные тексты имеют свои характерные особенности. Классифицируются они в зависимости от аудитории и категории рекламируемого товара. Воздействие в рекламном тексте осуществляется с помощью средств убеждения и средств речевой образности. Главная цель – заставить человека расстаться со своими деньгами. Рекламный текст – текст рекламного объявления или текст, который люди произносят в рекламных роликах. Считается, что он должен быть конкретным, логичным, кратким и оригинальным. В целом, реклама направлена на создание четкого, заранее продуманного образа в сознании целевой группы.

Рекламный текст в лингвистике рассматривается как объективно существующая данность, характеризующаяся рядом черт, в числе которых называются целостность, связность, завершенность, отдельность, внутренняя организация, автономный смысл и т. д.

Рекламный текст представляет собой один из случаев функционального использования знаковых систем языка в деятельности. Эта деятельность по составлению рекламных текстов должна учитывать как цели, так и условия, в которых эта деятельность осуществляется. Поэтому одним из важных текстообразующих факторов становится обусловленная его целеустановкой прагматическая ориентация целого текста. Именно целеустановка определяет наличие в рекламном тексте различных типов речевых актов (призыв, утверждение, обещание, просьба и т. д.), реализуемых в контекстах, составляющих предмет прагматики. Лингвопрагматический анализ рекламного текста дает возможность рассмотреть поведение знаков в реальном процессе коммуникации и в т. ч. наличие определенных свойств контекста, которые касаются, прежде всего, говорящего и слушающего – непосредственных участников коммуникации.

Процесс рекламного общения, с одной стороны, опирается на некоторые социально-психологические характеристики аудитории, с другой стороны, пытается в той или иной мере их изменить. С этой точки зрения акт рекламного общения – психологическое воз-

действие. И рекламная деятельность предстает как одновременно речевое (рекламный текст) и реализуемое в нем психологическое воздействие. Психологический подход дает возможность понять и оценить, в какой зависимости находятся конечная цель рекламного воздействия от структурных элементов речевого общения, представленных посредством рекламного текста. Основой такого анализа может выступать психолингвистическая модель речевого воздействия А.А. Леонтьева.

Специфичность рекламы как средства массовой информации определяется тем, что это – коммуникативный, информационный, воздействующий инструмент торговли. Создатели рекламного текста ориентированы на прямолинейно-императивное и прагматически направленное (*Купи! Прибери! – И побыстрее!*) общение с массовым адресатом. Одна из центральных проблем и задач рекламы в целом и рекламного текста в частности – эффективность, действенность сообщаемого потребителю, широкой аудитории, результативность, находящая свое выражение прежде всего в росте потребительского спроса на рекламируемые товары.

В ряду языковых или словесных (вербальных), звуковых («шумовых», музыкальных и т. п.) и зрительных (графических, фотографических, художественно-изобразительных, видео- и кинематографических) компонентов *преимущественное положение обычно занимает вербальный компонент*, средства естественного языка, прежде всего, в печатной и в значительной части наружной рекламы, в звуковой (радио-) рекламе. Во всяком случае, словесный ряд (вербальный текст) – обязательная, неременная часть содержательно-композиционной структуры всякого рекламного текста.

Анализ словесного ряда вербальных текстов телевизионных рекламных клипов показывает, что наиболее употребительны слова *вы, новый, весьма, ваш, лучше*. Форма повелительного наклонения используется почти в каждом четвертом рекламном ролике; чаще всего встречается глагол *попробуй*. Набор прилагательных небольшой, по своей семантике они соотносительны со словом *лучший* (которое присутствует почти в каждом пятом рекламном телетексте) [1, с. 49].

Создатели рекламного текста ориентированы на прямолинейно-императивное и прагматически направленное общение с массовым адресатом.

Одна из центральных проблем и задач рекламы в целом и рекламного текста в частности – эффективность, действенность сообщаемого потребителю, широкой аудитории, результативность, находящая свое выражение, прежде всего, в росте потребительского спроса на рекламируемые товары.

Наряду с экономическим и маркетинговым эффектом учитывается результативность, эффективность рекламного текста с точки зрения психологии, социологии и с точки зрения лингвистической.

Для текстов рекламы характерно использование такого стилистического приема, как игра слов. Слоган строится на базе прецедентных текстов: пословиц, поговорок, крылатых слов великих людей, известных философов, художников, писателей, политиков.

Реклама использует такой способ воздействия, как внушение, учитывая, что внушение, в основном, рассчитано на некритическое восприятие сообщений. Внушение предполагает у людей способность принимать информацию, основанную не на доказательствах, а на престиже источников. Различают первичную (психомоторную) внушаемость, суть которой сводится к готовности соглашаться с информацией на основе некритичности восприятия, и престижную внушаемость – изменение мнения под влиянием информации, полученной из высокоавторитетного источника.

В рекламном процессе активно используется и метод убеждения как апелляция к рациональным моментам в мышлении человека с целью изменить его взгляды, отношения или сформировать новые. Убеждение – это форма прямого донесения мысли, рассчитанного на логическое восприятие, подтвержденного фактами и доказательствами. В процессе формирования убеждения неизбежно происходит преодоление критического отношения к предлагаемым доводам и выводам.

В процессе рекламной коммуникации важна также форма, в которой передается сообщение – это также свидетельствует о специфике данной коммуникации. Форма обращения к потенциальному потребителю

не должна быть повелительной. Большинство людей не любят, когда им приказывают. Особенно важно учитывать это обстоятельство по отношению к т. н. нерешительным покупателям, которые долго колеблются, прежде чем принимают решение о покупке. Реклама должна учитывать субъективные свойства людей, организаторы рекламной коммуникации должны изучать психологию адресантов (покупателей) [2, с. 231].

Эффективность рекламной коммуникации зависит от такого фактора, как повторяемость, это также одна из особенностей этой коммуникации. Для достижения эффекта внушения недостаточно сообщить информацию один раз. Следует стремиться к тому, чтобы внушаемое сообщение повторялось несколько раз, причем каждый раз в него вносилась бы новая информация, изменялись способы и формы ее подачи. Интенсивность воздействия рекламного сообщения находится в тесной связи с т. н. «забывчивостью информации». Человеческая память выработала специфические способы кодирования, переработки и хранения информации. Из большого объема перерабатываемой информации в памяти остается лишь весьма ограниченная часть. Значительная часть запоминается на небольшой срок – для решения проблем текущей деятельности. Это т. н. оперативная память. Чаще всего сообщение рекламы сразу же после ее восприятия забывается. Поэтому в начальный период рекламирования необходимо в единицу времени передавать большое количество информации в эмоциональной форме. В последующем интенсивность подачи рекламы можно снизить до определенного оптимального уровня. Изучая запоминаемость информации, исследователи установили, что наиболее прочно запоминаются те сообщения, которые отвечают интересам и потребностям человека. Остальная информация частично остается в подсознании и в дальнейшем какое-то время может храниться в памяти.

Как мы уже подчеркнули, легко запоминается та информация, в которой прослеживается связь между потребностями и интересами человека и свойствами рекламируемого товара. Чем больше в рекламном тексте этих смысловых связей, тем легче человек запоминает его содержание.

Особенностью рекламной коммуникации выступает также дифференциация элементов механизма психологического воздействия рекламы на адресата. Устоявшаяся схема механизма воздействия рекламы на потребителя может быть представлена следующим образом:

- 1) привлечение внимания;
- 2) поддержание интереса;
- 3) проявление эмоций;
- 4) убеждение;
- 5) принятие решения;
- 6) действие (совершение покупки).

Каждый элемент психологического воздействия рекламы на сознание потребителя требует применения определенных методов и способов рекламного воздействия, способных обеспечить наибольший коммуникационный эффект [3, с. 196].

В узком смысле под речевым воздействием понимают использование особенностей устройства и функционирования вышеупомянутых речевых средств и, прежде всего, естественного языка с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение его адресата.

Наряду с внешним воздействием, которое оказывает реклама на человека, в процессе коммуникации учитываются и внутренние факторы, влияющие на его поведение. В психологии их называют потребностями и мотивами. Мотив – это непосредственный повод к действию. Познание мотивов имеет важное значение в рекламной практике, т. к. они объясняют, что представляет собой то или иное действие, какой смысл оно имеет для человека. Однако знания одних мотивов недостаточно, т. к. в основе мотивов поведения лежат конкретные потребности, которые побуждают человека к определенным действиям. Потребности всегда целенаправленны и конкретны. Потребности человека имеют более или менее осознанный характер. Способ их удовлетворения зависит от усвоенных человеком привычек, навыков или заимствованных у других примеров поведения. Самым непосредственным образом на развитие потребностей, а следовательно, и мотивов влияет принадлежность личности к определенной социальной группе, а также конкретные условия экономической жизни людей.

Мотивы личности во всем своем многообразии выступают как проявление потребностей личности. Ввиду этого потребитель при выборе товара, как правило, принимает решение под влиянием не одного, а нескольких мотивов. По своему содержанию потребительские мотивы основываются на таких фундаментальных потребностях, как питание, отдых, духовное обогащение, условия труда, быта и др. Поскольку мотивы являются самыми мощными внутренними детерминантами человеческого поведения, их иногда называют движущими силами, импульсами, запросами, волевыми устремлениями. И люди, постоянно стремясь удовлетворить эти внутренние, подчас противоречивые побуждения, вступают в общение.

Некоторые исследователи утверждают, что рекламные призывы, опирающиеся на первичные желания или мотивы, оказываются более эффективными, поскольку эти мотивы по природе своей в основном биогенны и, следовательно, тесно связаны с потребностями организма в товарах и услугах. Однако мотивация покупок не всегда следует этой логике – она более сложна и многогранна. В основе конкретного поступка редко лежит одна причина. Люди покупают автомобили, потому что нуждаются в средствах передвижения, а также хотят расширить свой кругозор, не отстать от одних соседей, а также превзойти других, «объявить миру» о своей кредитоспособности и своем общественном положении, а также испытать чувство власти над новым мощным двигателем. И хотя эти мотивы скорее всего будут иметь разную степень значимости для разных людей, все они так или иначе будут присутствовать при приобретении новой машины. Мотивы со временем меняются, поскольку вслед за изменением обстоятельств изменяются ценностные установки человека. Очевидно одно, что при анализе рекламной коммуникации изучение потребительских мотивов имеет очень большое значение.

Потребительские мотивы, кроме сознательных и бессознательных (скрытых), делятся на сильные и слабые, постоянные и временные, на позитивные (способствующие покупке) и негативные (препятствующие покупке), рациональные и эмоциональные [4, с. 68].

Следовательно, рассматривать мотивы покупок, принятия решений можно лишь в

аспекте социально-бытового содержания жизни современных людей, их круга общения, участия в общественной и производственной, корпоративной деятельности. Это та среда, в которой формируется личность человека, и определенную роль в этой среде играет реклама как коммуникативный процесс.

Специфические черты рекламной коммуникации в определенной мере определяются функциональным назначением рекламы: воздействовать на потребителя, решать конкретные маркетинговые задачи.

Можно сказать, что специфика рекламной коммуникации – в воздействии рекламы на человека, в психологии рекламы. Реклама является неотъемлемой частью рынка сбыта, маркетинга, а следовательно, она стимулирует сбыт, формирует спрос и управление спросом.

Реклама выполняет социально-экономические и общественно-политические задачи.

При написании рекламного текста следует учитывать каждую мелочь. От этого будет зависеть, насколько цепляющим, а значит, успешным он у вас получится. Чем больше полезного для себя подчеркнет потенциальный покупатель, тем больше шансов на продажу у рекламируемого вами товара. Ниже постараемся описать более подробно особенности написания рекламного текста.

Первым делом нужно выделить качество товара или услуги, которое будет отличать его среди ему подобных. Будет прекрасно, если таких свойств будет несколько. Это неплохо увеличит шансы на продажу.

Психологические особенности рекламного текста.

1. Психографика рекламного текста

Существуют некоторые закономерности восприятия текста, которые зависят от его графического исполнения.

Нашему глазу не нравится большой длинный текст, в котором отсутствуют абзацы, подзаголовки, различные типы выделения шрифтов. Такой текст очень сложно читать и, честно говоря, глядя на подобное, теряется интерес к такому тексту. Шрифт должен быть не слишком маленьким и не слишком большим. Оптимальным считается шрифт 10–12 размера. Также текст с обрамлением привлечет больше внимания, чем текст без него.

2. Психолингвистика рекламного текста

Очень важно при написании текста обращаться к личности. Такой текст имеет больше шансов на запоминание в головах потенциальных покупателей. Ведь в нем вы обращаетесь к людям, которые заинтересованы в покупке. Он так же может и вызвать этот интерес. Обращение как бы делает вас ближе к потенциальному покупателю. Тексты, обращающиеся к пустоте, проигрывают в этом. Есть небольшая разница между «Экономьте с нами!» и «Вы сэкономите с нами!». Это самый простой пример, который приходит на ум. Большой ошибкой будет сравнение или критика конкурентов в тексте. Этим вы только их прорекламируете, что им только на руку, а вам нет.

3. Психология слогана и заголовка

Слоганом называют рекламный девиз, задача которого состоит в том, чтобы побуждать людей к действию или привлекать их внимание. Людей, читающих слоган, примерно в 4–5 раз больше, чем людей, читающих текст рекламы, поэтому следует уделять этому особое внимание.

Заголовок люди читают примерно в 5 раз чаще, чем текст, поэтому он играет очень большую роль. Хороший заголовок должен быть кратким, должен вызывать любопытство, обращаться к вашей целевой аудитории, содержать отличительное свойство вашего продукта или услуги.

4. Шрифт

Наш глаз не воспринимает буквы по отдельности, он группирует их в слова. Этот фактор очень влияет на чтение, поэтому важно уметь правильно подобрать расстояние между буквами, строками, размер самого шрифта. Так же большое значение имеет цветовое оформление. Цвета усиливают эмоциональное воздействие текста. Текст читается легче, если он резче выделяется на фоне. Этим объясняется популярность черных букв на белом фоне.

Это лишь небольшая часть особенностей рекламного текста, которые следует учитывать при его написании [1, с. 45–47].

В рекламном тексте выделяются компоненты, несущие основную информационную нагрузку:

1) ктематоним – словесный компонент торгового знака;

2) слоган – короткий лозунг, представляющий рекламу товара, сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи;

3) комментирующая часть, раскрывающая содержание тематонии или функциональное назначение рекламируемого товара в лапидарной (сжатой и выразительной) манере: одна–две фразы, динамичные по своей синтаксической структуре.

Слоган – ключевая фраза рекламного текста. Он призван привлечь внимание «потребителя рекламы», широкой аудитории. Благодаря ему хорошо запоминается весь словесный ряд рекламного текста, его основная идея и «тема» – рекламируемый товар, который захочет (должен, по замыслу создателей рекламы, захотеть) купить читатель этого рекламного объявления [1, с. 40].

Изучение потребностей и практическое приложение знаний о потребностях помогает ориентировать рекламу. Решение о конкретной покупке человек принимает не только на основании существующей потребности. Движущей силой поступка являются мотивы, нередко косвенно связанные с исходной потребностью. Например, страхование связано с потребностью в безопасности (в данном случае – финансовой), однако, более эффективным оказалось использование потребности в признании и оценке со стороны общества, т. к. реклама ориентируется на мужчину – главу семьи, для которого важно чувство главенства в семье.

Итак, мотивы действий в принципе соотносятся с потребностями, но система мотивов более подвижна и более богата признаками, чем система потребностей. Как правило, поступки людей являются полимотивированными, однако, часто можно выделить один самый главный для человека мотив, определяющий конкретное его действие. Мотивы соотносятся как с практически значимыми, так и с психологически значимыми характеристиками товара, поэтому в рекламе весьма эффективны как рациональный, так и эмоциональный мотивы [5, с. 364].

В основе любых рекламных технологий лежит манипулирование покупательским поведением. Манипулирование всегда осуществляется неявно, тайно, ибо кто же в здравом рассудке согласится, чтобы его помимо собственной воли принуждали совершать

какие-либо поступки, не свойственные ему. Яркий пример манипулирования – бесчисленное количество разного сорта «экстрасенсов», «магов», «колдунов» и прочих мастеров выманивания денег у людей. Вдруг выясняется, что на нас навели некую «порчу», и только экстрасенсы могут ее успешно «снять» – за приличную плату конечно. Это пример исключительно эффективной манипуляции с целью рекламы своих услуг. Самое важное заключается в том, чтобы сделанный потребителем выбор нам казался собственным решением, обоснованным и взвешенным.

Таким образом, понятие текста применимо к рекламе, т. к. рекламный текст обладает всеми основными признаками текста: связностью, цельностью, определенной композиционной структурой.

Содержание рекламы имеет широкую тематическую направленность, но отдельные рекламные тексты – монотематичны: они информируют потребителя о содержании, связанном с одной темой. Их функция заключается в том, чтобы побудить реципиента к определенному действию.

Текст нами рассматривается как особым образом организованная семиотическая система, а его «внутренняя организация» – как обусловленная факторами внелингвистического порядка. Особенно это важно подчеркнуть, имея в качестве объекта исследования специфику рекламного текста как коммуникативной единицы в многоязычной среде, т. к. общеизвестно, что именно неязыковые факторы являются тем регулятором, который определяет отбор языковых средств для создания в данном случае рекламного текста [6–9].

Среди разных типов текста, относящихся к сфере массовой коммуникации, рекламные тексты заслуживают пристального рассмотрения в качестве уникального по своей интенсивности функционального, а значит и целевого использования языка.

Поэтому анализ рекламных текстов предполагает обязательное отношение к тексту как основной единице общения, т. е. основной единице коммуникации.

Рекламный текст объединяет элементы различных знаковых (семиотических) систем. Для обозначения семиотически осложненных текстов используются следующие

понятия: видеовербальные (Е.В. Нагорная, О.В. Пойманова), креолизованные (Е.Е. Анисимова, Г.В. Баева, Л.В. Головина, Е.В. Кулаева, О.В. Пойманова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов), мультимодусные (Л.В. Минаева), поликодовые (Е.С. Попова), полисемиотичные (Л.Г. Фещенко) тексты. *Рекламное сообщение* правомерно также рассматривать как социально и эстетически значимый текст с его цельностью, связностью его элементов и формально-содержательным единством. Кроме того, рекламное сообщение представляет собой семиотически неоднородный текст, включающий вербальную и визуальную информацию, что отражается в представлении рекламного сообщения как креолизованного текста.

1. Кромптон А. Мастерская рекламного текста. Тольятти, 1995.
2. Леонтьев А.А. Психоллингвистическая модель речевого воздействия // Психоллингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
3. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2004.
4. Кохтев Н.Н. Реклама: Искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. М., 1997.
5. Аleshina И. Паблик рилейшнз для менеджеров и маркетингов. М., 2005.
6. Прохоров А.В., Прохорова М.Е. Рекламный текст. Тамбов, 2008.
7. Пядышева Т.Г. Рекламный текст в сфере массовой коммуникации. Современные реклам-

ные технологии: теория и практика. Тамбов, 2012.

8. Пядышева Т.Г. Специфика рекламного текста в различных медиа. Современные технологии формирования имиджа: материалы круглого стола. Тамбов, 2012.
9. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов. М., 2010.

1. Krompton A. Masterskaya reklamnogo teksta. Tol'yatti, 1995.
2. Leont'ev A.A. Psikholingvisticheskaya model' rechevogo vozdeystviya // Psikholingvisticheskie problemy massovoy kommunikatsii. M., 1974.
3. Medvedeva E.V. Reklamnaya kommunikatsiya. M., 2004.
4. Kokhtev N.N. Reklama: Iskustvo slova. Rekomendatsii dlya sostaviteley reklamnykh tekstov. M., 1997.
5. Aleshina I. Pablik rileyshnz dlya menedzherov i marketirov. M., 2005.
6. Prokhorov A.V., Prokhorova M.E. Reklamnyy tekst. Tambov, 2008.
7. Pyadysheva T.G. Reklamnyy tekst v sfere massovoy kommunikatsii. Sovremennye reklamnye tekhnologii: teoriya i praktika. Tambov, 2012.
8. Pyadysheva T.G. Spetsifika reklamnogo teksta v razlichnykh media. Sovremennye tekhnologii formirovaniya imidzha: materialy kruglogo stola. Tambov, 2012.
9. Serdobintseva E.N. Struktura i yazyk reklamnykh tekstov. M., 2010.

Поступила в редакцию 23.02.2016 г.

UDC 81'27

VERBAL COMPONENTS IN THE STRUCTURE OF ADVERTISING TEXT

Tamara Gennadevna PYADYSHEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: ms.tamaraekc@gmail.com

The verbal content in the structure of advertising text, influencing psychologically on mass and individual consciousness of consumers with the aim to induce them to special actions that the advertiser needs are considered. While considering different types of communication depending on the amount of its participants, it is established that according to this criteria advertising can be associated with mass communication, because it is aimed at big groups of people consuming goods and services, using for that mass media. In the process of advertising communication, not depending on the channel of its spreading, some kind of message is transmitted, i. e. advertising text is created as a finished speech work, the basic means of which are self-descriptiveness, integrity, connectedness, literal perfection, fixedness at some kind of media. Advertising texts are single-aimed and non-personal nature, paid by advertiser and addressed to groups of people to induce them to action, which is necessary for advertiser. It is proved, that verbal contents in the structure of advertising text take great place in the system of functional-stylistic formations, which are from mass media and are united by mass communication.

Key words: advertising; advertising communication; advertising text; motivation; manipulation; consumer's behaviour.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

«САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНИЙ»: К ПРОБЛЕМЕ РЕЦЕПЦИИ Э. ПО В ЕВРОПЕ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ XIX – НАЧАЛА XX в.

© **Наталья Леонидовна ПОТАНИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

© **Дарья Игоревна ПОПОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, магистрант,
кафедра русской филологии и журналистики,
e-mail: daria_14.02@mail.ru

Представлен материал о первых публикациях переводов Э. По в европейских и латиноамериканских литературах. Охарактеризованы культурно-исторические условия и индивидуально-авторские особенности рецепции творчества Э. По в России, Великобритании, Франции, Германии, Норвегии, Скандинавии, Испании, Румынии, Колумбии, Чили, Аргентине, Эквадоре, Мексике, Коста-Рике и Уругвае. Актуальность обусловлена обращением к проблеме межнационального диалога литератур, выявлением специфики этнокультурных и индивидуально-психологических факторов его осуществления. На основании проведенного диахронического анализа в истории начального освоения инокультурным сознанием творчества Э. По выделено четыре периода, отражающие как первые появления произведений Э. По в большинстве европейских стран, так и факты активного обращения латиноамериканских авторов к поэзии Э. По как эстетическому ресурсу для обновления художественного языка. Условия успешной рецепции творчества Э. По на инациональной почве определяются близостью тех фаз исторического развития, которые переживают «передающая» и «принимающая» литературы. Определенную (хотя и не всегда определяющую) роль в этом процессе играет культура-посредник, благодаря которой иностранный реципиент начинает знакомство с творчеством Э. По. Однако сам по себе факт такого знакомства не всегда становился основанием для литературного влияния. Существенную роль в процессе рецепции играет близость авторских индивидуальностей.

Ключевые слова: Э. По; рецепция; Европа; Латинская Америка; литературный перевод; диалог литератур; межнациональные взаимодействия.

Вопрос о публикации первых переводов Э. По (1809–1849) на другой язык до сих пор остается недостаточно исследованным. Нельзя с уверенностью сказать, в какой именно стране произведения этого американского романтика впервые звучали не по-английски. Авторы трехтомной «Литературной истории Соединенных Штатов Америки» (“Literary History of the United States”, 1948) утверждают, что это случилось в России: «Русские читали По в конце 1930-х гг., задолго до того, как он получил признание во Франции» [1, с. 164]. Происхождение этой версии, согласно работе У.Т. Бэнди (1903–1989)

«Влияние и репутация Э. По в Европе» (“The influence and reputation of Edgar Allan Poe in Europe”, 1962), связано со статьей «Русский взгляд американской литературы», напечатанной в английском журнале “Bookman” в 1916 г. Автор статьи, американский филолог-русист А.Ц. Ярмолинский (1890–1975), отметил, что «переводы из Э. По стали появляться в ведущих российских периодических изданиях уже в конце 30-х гг. XIX в.» (“Casual translations from Poe began to appear in the leading Russian periodicals as early as the late [eighteen] thirties”) [2, p. 4].

В труде американского фольклориста Ч.А. Смита (1864–1924) «Эдгар Аллан По: как познакомиться с ним» (“Edgar Allan Poe; how to know him”, 1921) сказано, что «не Франция, а Россия является инициатором европеизации Эдгара По» (“It was Russia, not France, that took the initiative in Europeanizing Poe’s fame”) [3, p. 5]. По мнению У.Т. Бэнди, Ч.А. Смит согласился с позицией А.Ц. Ярмолинского, представленной в вышеназванной статье. Первенство России в этом вопросе признал в 1935 г. и французский историк Э. Луврье (1866–1964): «...действительно, в России в начале 1842 г. или даже 1840 г. некоторые из рассказов Э. По были переведены впервые» (“In reality, it was in Russia, as early as 1842 or even 1840, that certain of Poe’s tales were translated for the first time”) [2, p. 5]. Хотя Э. Луврье и указал другие даты первой публикации Э. По в России, это не исключает того факта, что он был «внимательным читателем <...> профессора Ч.А. Смита, если не самого г-на Ярмолинского» (“Monsieur Lauvrière was an attentive reader of <...> Professor Smith, if not of Mr. Yarmolinsky himself”) [2, p. 5].

А.П. Уракова в статье «Круг детского чтения в США и России 1840-х гг.» (2014) ссылается на американскую исследовательницу Дж. Гроссман, которая обратила внимание на тот факт, что первым произведением Э. По, переведенным на русский язык, был рассказ «Золотой жук» (“The Gold-Bug”, 1843), появившийся в 1847 г. в журнале «Новая библиотека для воспитания» [4]. С литературно-критическими откликами на творчество Э. По русский читатель впервые познакомился в статьях Ш. Бодлера, переведенных на русский язык и опубликованных в журналах «Пантеон» («Эдгар Аллан По, его жизнь и произведения» – 1852, № 9) и «Ребус» («Эдгар Поэ» – апрель 1883, № 13). В 1860–1870-е гг. Э. По переводили в России А.П. Башуцкий, П.А. Лачинова, С.А. Андреевский, Л.И. Пальмин и др. Однако его талант был по достоинству оценен лишь на рубеже XIX–XX вв. благодаря символистам Д.С. Мережковскому (1855–1921), К.Д. Бальмонту (1867–1942), В.Я. Брюсову (1873–1924).

Д.С. Мережковскому были близки эстетические принципы Э. По, изложенные им в «Философии творчества» (“The Philosophy of Composition”, 1846). В своей статье «О при-

чинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) Д.С. Мережковский апеллирует к авторитету американского романтика: «Еще Ш. Бодлер и Э. По говорили, что прекрасное должно несколько удивлять, казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно назвали эту черту – *импрессионизмом*» (курсив автора. – Д. М.) [5, с. 459].

К.Д. Бальмонт считал поэзию Э. По образцом аллитерации и внутренних рифм, к которым он сам часто прибегал в своем творчестве [6, с. 59]. К.Д. Бальмонт перевел на русский язык практически всю прозу и поэзию Э. По. Свой интерес к Э. По К.Д. Бальмонт мотивировал тем, что его эстетика и поэтика наиболее близки искусству современности: «Он <...> пророчески почувствовал настроение наших дней и в подавляющих мрачностью красок картинах изобразил чудовищные – неизбежные для души – последствия механического мирозерцания» [7, с. 15-16].

В.Я. Брюсов, как и К.Д. Бальмонт, переводил стихи Э. По, но при этом полагал, что «передать создание поэта с одного языка на другой – невозможно» [8, с. 105]. В.Я. Брюсов восхищался прозой Э. По и признавался, что на его собственных рассказах («Теперь, когда я проснулся...» и др.) сказалось влияние американского романтика [9].

Судя по всему, английский читатель познакомился с Э. По позднее, чем русский. В начале 1840-х гг. даже английские издатели еще не знают об Э. По. Это подтверждается письмом Ч. Диккенса к Э. По от 27 ноября 1842 г. В этом письме маститый британский романист объясняет своему американскому собрату, почему лондонские издатели отказались публиковать его рассказы: «...я сомневаюсь, что какие-либо работы неизвестного автора, даже если он англичанин, смогут найти своего издателя в столице, по крайней мере, сейчас» (“...I do not believe any collection of detached pieces by an unknown writer, even though he were an Englishman, would be at all likely to find a publisher in this metropolis just now” [10]). Но спустя несколько лет английские писатели уже не скупятся на похвалы в адрес Э. По. Так, Д.Г. Россетти (1828–1882) публично декламирует стихи Э. По; А.Ч. Суинберн (1837–1909) восхищается хрупкой и утонченной музыкой его по-

эзии; Э. Лэнг (1844–1912) провозглашает его величайшим литературным талантом Америки. Р.Л. Стивенсон (1850–1894), А.К. Дойл (1859–1930) и др. пишут о нем в своих книгах [1, с. 163]. «Поэт-лауреат» А. Теннисон (1809–1892) не раз признавался, что является поклонником творчества Э. По: «Я знаю много замечательных произведений, написанных американскими поэтами, но, думаю, Э. По (и как поэт, и как прозаик) – это самый настоящий американский гений» (“I know several striking poems by American poets, but I think that Edgar Poe is (taking his poetry and prose together) the most original American genius”) [3, p. 23]. Как известно, А. Теннисон написал стихотворение по случаю перезахоронения останков Э. По 17 ноября 1875 г., которое и прочитал на траурной церемонии.

Знакомство Франции с Э. По произошло, по-видимому, немного раньше, чем обычно предполагается. В декабре 1844 г. в парижской газете “La Quotidienne” был опубликован рассказ «Джеймс Диксон, или Роковое сходство» (фр. “James Dixon, ou la funeste ressemblance”). Это было якобы оригинальное произведение, написанное одним из постоянных авторов газеты, который всегда подписывал свои творения инициалами Г.Б. (Пьер Гюстав Брюне, 1805–1896, французский историк. – *Н. П., Д. П.*). На самом деле «Джеймс Диксон...» являлся обыкновенным плагиатом «Вильяма Вильсона» Э. По. Герои Г.Б. – это честный англичанин из высшего общества и его преступный двойник. Но отсутствие какой-либо мотивации поведения двойника лишает историю смысла и того символического значения, которое есть в рассказе Э. По. Однако не может быть сомнений в том, что Г.Б. читал «Вильяма Вильсона» и сознательно подражал Э. По в своем рассказе. Таким образом, исходя из исследования У.Т. Бэнди, «Джеймс Диксон, или Роковое сходство» – первое зафиксированное в печати свидетельство знакомства французов с творчеством Э. По, а Г.Б. – первый европеец, «подвергшийся» влиянию американского романтика. В Морге, тоже подписанный «Г.Б.» и напечатанный в “La Quotidienne”.

До 1849 г. – года смерти Э. По – его творчество привлекло внимание как минимум пяти французских переводчиков, самый известный из которых, Ш. Бодлер (1821–

1867), посвятил большую часть своей жизни восхвалению американского писателя во Франции. Статья Ш. Бодлера «Эдгар Аллан По, его жизнь и произведения» (1852) стала первым исследованием творчества Э. По на иностранном языке. Отредактированная в 1856 г., она была использована в качестве предисловия к первому тому переводов рассказов Э. По, сделанному Ш. Бодлером. Всего французский символист перевел пять томов его прозы, первый из которых появился в 1856 г., а последний – в 1867 г.

Именно через переводы Ш. Бодлера другой французский поэт, С. Малларме (1842–1898), познакомился с произведениями Э. По. Его переводы поэзии американского романтика ничуть не уступают переводам прозы Ш. Бодлера.

Третьим французским поэтом, попавшим под чары Э. По, был П. Валери (1871–1945). «Философия композиции» Э. По считается основой поэтической теории П. Валери.

Гением Э. По восхищался и Ж. Верн (1828–1905). Еще до публикации своих знаменитых романов он написал очень любопытную критическую статью «Э. По и его сочинения» (“Edgar Poe et ses œuvres”, 1862), в которой не только положительно отозвался о рассказах американца («...Э. По создал совершенно особый род сочинений, его можно назвать *основателем школы чудесного*. У него были подражатели, которые старались превзойти его, но ни один из них даже не сравнился с ним» (курсив. Ж. В.) [11]), но и отметил их недостатки («...фантазии Э. По доходили иногда до бреда...» [11]). Многие произведения Ж. Верна являются переработкой сюжетов, найденных им у Э. По. Например, на создание романа «Вокруг света за восемьдесят дней» (“Le Tour du monde en quatre-vingts jours”, 1872) Ж. Верна вдохновил рассказ Э. По «Три воскресенья на одной неделе» (“Three Sundays in a Week”, 1841). Ж. Верн посвятил Э. По роман «Ледяной сфинкс» (фр. “Le Sphinx des glaces”, 1897), являющийся продолжением единственного оконченного романа американца «Приключения Артура Гордона Пима» (“The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket”, 1838).

В целом, до начала XX в. во Франции было написано около пятидесяти критических работ об Э. По.

В Германии произведения Э. По появились в 1850-х гг. – благодаря переводчикам Э. фон Гогенгаузен (1791–1857) и А. Штротману (1829–1879). В 1862 г. Ф. Шпильхаген опубликовал свой роман (1829–1911) «В двенадцатом часу» (“In der zwölften Stunde”), в котором упомянул Э. По как «величайшего лирического поэта, произведенного Америкой» [12, с. 46]. Тем не менее, ни одного из известных немецких писателей нельзя назвать его последователем, хотя, например, Р.М. Рильке (1875–1926) восторгался его талантом.

После Германии пришел черед стран Скандинавии. В Дании первые переводы рассказов Э. По появились в 1855 г. Рассказ «Убийство на улице Морг» на шведском языке вышел в 1860 г. На норвежский язык произведения американского писателя были переведены значительно позже – в 1884 г.

В Испании рассказы Э. По были переведены в 1857 г. Но повлияло ли творчество Э. По на литературу этой страны? По мнению поэта П. Салинаса (1891–1951), американский романтик «едва ли воздействовал на писателей Испании своими произведениями» (“...the work of Poe has had scarcely any influence on the writers of Spain...”) [13], т. к. «испанский менталитет не склонен ни к вере в сверхъестественное, которым изобилуют его рассказы, ни к туманному сентиментализму, присутствующему в его стихах» (“...the Spanish turn of mind does not incline to the type of the supernatural, the terrific that predominates in the Tales, nor to the misty sentimentalism which envelopes the poetry of Poe”) [13].

Переводы Э. По в Румынии начали появляться приблизительно в 1862 г., но только в периодических изданиях.

В Италии с творчеством Э. По знакомились через французские переводы. «Невероятные истории Эдгара По» («Storie incredibili di Edgardo Poe») – итальянский вариант его рассказов – появились в 1869 г., «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» – в 1887 г. В 1890 г. оперным либреттистом Гвидо Менаши (1867–1925) была переведена баллада «Ворон», а в 1892 г. У. Ортенси (1863–1935) перевел на итальянский язык большинство стихов Э. По.

Произведения Э. По появились и в Латинской Америке – в 1869 г. Влияние Э. По

на Латинскую Америку было «одновременно экстенсивным и интенсивным» (“...is both extensive and intensive”) [13]. И если в Европе было отдано предпочтение в основном его прозе, то в Латинской Америке – его поэзии. Поэт из Никарагуа Р. Дарио (1867–1916) посвятил американскому романтику одну из глав своей книги «Редкости» (исп. “Los raros”, 1896). Мексиканский поэт А. Нерво (1870–1919) на протяжении всей своей жизни исследовал творчество Э. По. Подражали Э. По и другие известные латиноамериканские поэты: колумбиец Х.А. Сильва (1865–1896), аргентинец Л. Лугонес (1874–1938), уругваец Х. Эррера-и-Рейссиг (1875–1910) и др. Переводы «Улялюма» (“Ulalume”, 1847), «Аннабель Ли» (“Annabel Lee”, 1849), «Колоколов» (“The Bells”, 1849) и других стихотворений Э. По разлетелись по всему Новому Свету: от Рио-Гранде до берегов Ла-Платы, от Карибского моря до Тихого океана. Самое знаменитое, «Ворон» (“The Raven”, 1845), было переведено поэтами Колумбии, Чили, Аргентины, Эквадора, Мексики, Коста-Рики и Уругвая.

Почему же Э. По стал известен сначала в европейской испаноязычной стране, ведь страны Латинской Америки географически ближе? Дело в том, что его рассказы переводились в Испании не с англоязычного оригинала, а с французского перевода. В свою очередь в Латинскую Америку поступали переводы, сделанные в Испании. Таким образом, именно Испания открыла Латинской Америке Э. По.

Но тогда почему так велика разница в восприятии творчества Э. По в Испании и в Латинской Америке? П. Салинос дает собственное объяснение этому феномену. В XIX в. Испания являлась своего рода литературным эталоном для стран Латинской Америки, несмотря на то, что они были политически независимы от бывшей метрополии. В последней четверти столетия у Испании и Латинской Америки появились разногласия в отношении поэзии. Испанская лирика была изолирована от парнасцев, символистов и декадентов. Соседствующей с Францией Испании, казалось, нет никакого дела до концептуальных изменений, произошедших в эстетических воззрениях Ш. Бодлера и А. Рембо (1854–1891). У латиноамериканских поэтов, напротив, росло стремление к

обновлению поэтического языка. В связи с этим новыми ориентирами для них становятся В. Гюго (1802–1885), Ш. Леконт де Лиль (1818–1894), Ш. Бодлер и П. Верлен, а с ними – и кумир французских символистов писатель из США Э. По, воспринятый в Латинской Америке как новатор в литературе [13].

Таким образом, в истории начального освоения творчества Э. По инокультурным сознанием выделяется несколько периодов: 1) 1840-е – первая половина 1860-х гг. (произведения Э. По появляются в большинстве европейских стран: России, Англии, Франции, Испании, Германии, Скандинавии, Швеции, Италии); 2) конец 1860–1880-е гг. (начинается интенсивное освоение поэзии Э. По в странах Латинской Америки; в Европе публикуются переводы Э. По на норвежский язык); 3) 1890–1910-е гг. (обращение к Э. По европейских и латиноамериканских символистов и других художников предмодернизма и модернизма в поисках эстетических ресурсов для обновления поэтического языка).

Условия успешной рецепции творчества Э. По на инациональной почве определяются близостью тех фаз исторического развития, которые переживают «передающая» и «принимающая» литературы. Так, наиболее раннее приобщение русского художественного сознания к творчеству Э. По связано, по-видимому, с тем, что на исходе 30-х гг. XIX в. в России еще сильны романтические тенденции. Та же ситуация характерна и для Франции 1830-х гг. Определенную (хотя и не всегда определяющую) роль в этом процессе играет культура-посредник, благодаря которой иностранный реципиент начинает знакомство с творчеством Э. По. Французская культура стала таким посредником в случаях с переводом и публикацией на русском языке статей Ш. Бодлера об Э. По; Италия, Испания и Латинская Америка тоже нередко знакомились с американским романтиком по переводам с французского. Однако сам по себе факт такого знакомства не всегда становился основанием для творческого освоения литературного влияния. Так, испанская литература оказалась чужда влиянию Э. По вследствие принципиального отличия его мировоззрения и менталитета «принимающей» стороны. Существенную роль в процессе рецепции играет близость авторских

индивидуальностей. Например, увлеченность Э. По русских символистов В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, Д.С. Мережковского обусловлена напряженным интересом к проблеме трансцендентного, общим для американского и русских авторов.

Диахронический анализ рецепции творческого наследия Э. По в европейских и латиноамериканских странах позволяет выделить основные этапы этого процесса, определить наиболее значительные условия и факторы его осуществления, что, в свою очередь, проливает свет на закономерности функционирования отдельной национальной литературы в ее взаимодействиях с общемировым литературным контекстом.

1. *Блуджетт Г.У.* Вести из Нового Света // Литературная история США: в 3 т. М., 1977–1979. Т. 2.
2. *Bandy W.T.* The influence and reputation of Edgar Allan Poe in Europe. Baltimore, 1962.
3. *Smith C.A.* Edgar Allan Poe. How to know him. Garden City (N. Y.), 1921.
4. *Уракова А.П.* Круг детского чтения в США и России 1840-х гг. // Независимый филологический журнал. № 2 (126). М., 2014. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2014/126/17u.html#_ftn1 (дата обращения: 04.12.2015).
5. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007.
6. *Пайман А.* История русского символизма / пер. с англ. В.В. Исакович. М., 2000.
7. *Бальмонт К.Д.* Гений открытия // По Э.А. Эврика. М., 2008.
8. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1973–1975. Т. 6.
9. *Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л.* Брюсов. М., 2006. URL: <http://flibusta.net/b/231946/read> (дата обращения: 03.11.2014).
10. *Dickens Ch.* Charles Dickens to Edgar Allan Poe (November 27, 1842) // Poe E.A. Letters. URL: <http://www.eapoe.org/misc/letters/t4211270.htm> (accessed: 06.11.2015).
11. *Верн Ж.* Эдгар По и его сочинения: пер. с фр. // Модный магазин. СПб., 1864. № 23–24. URL: http://az.lib.ru/w/wern_z/text_1862_edgar_poe_et_ses_339uvres.shtml (дата обращения: 04.12.2015).
12. *Шпильхаген Ф.* В двенадцатом часу / пер. с нем. С.И. Снегиревой. СПб., 1873.
13. *Salinas P.* Poe in Spain and Spanish America // Poe in Foreign Lands and Tonques / ed. by

- J.C. French. Baltimore, 1941. URL: <http://www.eapoe.org/papers/PSBLCTRS/pl19411.htm#spain> (accessed: 05.11.2015).
1. *Blodzhett G.U.* Vesti iz Novogo Sveta // Literaturnaya istoriya SShA: v 3 t. M., 1977–1979. T. 2.
 2. *Bandy W.T.* The influence and reputation of Edgar Allan Poe in Europe. Baltimore, 1962.
 3. *Smith C.A.* Edgar Allan Poe. How to know him. Garden City (N. Y.), 1921.
 4. *Urakova A.P.* Krug detskogo chteniya v SShA i Rossii 1840-kh gg. // Nezavisimyy filologicheskii zhurnal. № 2 (126). M., 2014. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2014/126/17u.html#_ftn1 (data obrashcheniya: 04.12.2015).
 5. *Merezhkovskiy D.S.* O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury // Merezhkovskiy D.S. Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoy literatury. SPb., 2007.
 6. *Payman A.* Istoriya russkogo simvolizma / per. s angl. V.V. Isakovich. M., 2000.
 7. *Bal'mont K.D.* Geniy otkrytiya // Po E.A. Evrika. M., 2008.
 8. *Bryusov V.Ya.* Sobranie sochineniy: v 7 t. M., 1973–1975. T. 6.
 9. *Ashukin N.S., Shcherbakov R.L.* Bryusov. M., 2006. URL: <http://flibusta.net/b/231946/read> (data obrashcheniya: 03.11.2014).
 10. *Dickens Ch.* Charles Dickens to Edgar Allan Poe (November 27, 1842) // Poe E.A. Letters. URL: <http://www.eapoe.org/misc/letters/t4211270.htm> (accessed: 06.11.2015).
 11. *Vern Zh.* Edgar Po i ego sochineniya: per. s fr. // Modnyy magazin. SPb., 1864. № 23-24. URL: http://az.lib.ru/w/wern_z/text_1862_edgar_poe_et_ses_339uvres.shtml (data obrashcheniya: 04.12.2015).
 12. *Shpil'khagen F.* V dvenadtsatom chasu / per. s nem. S.I. Snessorevoy. Spb., 1873.
 13. *Salinas P.* Poe in Spain and Spanish America // Poe in Foreign Lands and Tonques / ed. by J.C. French. Baltimore, 1941. URL: <http://www.eapoe.org/papers/PSBLCTRS/pl19411.htm#spain> (accessed: 05.11.2015).

Поступила в редакцию 26.02.2016 г.

UDC 811.111

“THE REAL AMERICAN GENIUS”: TO THE PROBLEM OF E. POE’S RECEPTION IN EUROPE AND LATIN AMERICA IN XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY

Nataliya Leonidovna POTANINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Darya Igorevna POPOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate, Russian Philology and Journalism Department, e-mail: daria_14.02@mail.ru

The material considering the first publication of E. Poe’s translations in the European and Latin American literature is presented. The cultural and historical conditions and individual authors’ features of E. Poe creativity reception in Russia, Britain, France, Germany, Norway, Scandinavia, Spain, Romania, Colombia, Chile, Argentina, Ecuador, Mexico, Costa Rica and Uruguay are characterized. The relevance is due to the reference to the problem of inter-ethnic dialogue literature, identifying the specifics of the ethno-cultural and individual psychological factors of its implementation. Based on the analysis in the diachronic history successful reception of creativity E. Poe was conditioned as to the different nationality motivated determined proximity of the phases of historical development, which are experiencing “transmitting” and “receiving” literature. Certain (though not necessarily decisive) role in this process plays culture intermediary through which the foreign recipient begins acquaintance with the works of E. Poe. However, the mere fact that such love does not always become the basis for a literary influence. An important role plays proximity reception in the process of plays of author’s individuals.

Key words: E. Poe; reception; Europe; Latin America; literary translation; dialogue of cultures; international relations.

УДК 811.111:801

А.С. СУВОРИН. «МАЛЕНЬКИЕ ПИСЬМА» О БОЛЬШИХ СОБЫТИЯХ

© Анатолий Иванович ИВАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: ivanov_ai@bk.ru

Рассмотрены особенности публицистики редактора газеты «Новое время» и журналиста А.С. Суворина в «Маленьких письмах» последнего периода (1904–1908 гг.), история их создания и место в творческой биографии. Внимательное, объективное прочтение «Маленьких писем» позволяет уточнить гражданскую позицию автора в объяснении государственной политики, преодолеть бытующие стереотипы. Становится ясно, что в «Маленьких письмах» главное внимание уделяется не столько классовым или социально-политическим проблемам, сколько *общерусским* и даже *общечеловеческим*. С этой точки зрения примечательны суждения А.С. Суворина, например, о недопустимости пренебрежения к противнику или «парадоксах» массового сознания в военное время. Особое место отводится этическим проблемам в революционный период. Публицистике А.С. Суворина отличает многомерный, объемный взгляд на происходящее и чуткость к завтрашним переменам. В немалой степени этому способствовало общение с крупными политиками и простыми читателями, внимание к высокой политике и знание реальной жизни. Помимо этого – живой интерес к каждому дню. «Маленькие письма» передали переживания автора, его желание рассказать и поддержать интерес к событиям, уничтожить навязываемый Западом страх. Они передали желание докопаться до истины при публикации проверенных фактов, при разговоре о действиях, происходящих реально. Складывается ощущение, что он ведет диалог с каждым человеком. Помимо художественных достоинств «Маленькие письма» интересны как исторический источник о сложном для России времени, о культурной, общественной жизни.

Ключевые слова: русско-японская война; отечественная журналистика начала XX в.; национальный характер; культура.

Я редко вхожу в область «большой политики» и считаю себя в ней просто русским, который чувствует ее удары, но иногда не может себе объяснить, откуда они и почему.

А.С. Суворин

В 2005 г. – в год 100-летия Русско-японской войны и Первой русской революции – отдельным изданием вышли знаменитые «Маленькие письма» Алексей Сергеевич Суворина [1]. Автор «Маленьких писем» А.С. Суворин (1834–1912) – неоднозначная и интересная личность второй половины XIX – начала XX в. – оставил яркий след в русской художественной культуре своего времени. Журналистика, литература, театр, книгоиздательство, внутренняя и внешняя политика России после великой реформы 1861 г. были предметом его пристального внимания. Его природный ум, волевой характер, деловую хватку и необычайную работоспособность отмечали и друзья, и многочисленные недоброжелатели.

«Обладавший острым, с хитрецой, умом, проницательный и осведомленный, открытый и доброжелательный, жадно поглощавший все впечатления окружающего бытия, А.С. Суворин был на редкость интересным, отзывчивым собеседником. И это влекло к нему людей, от Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского до В.С. Витте и А.Н. Куропаткина, от тульских и воронежских мужиков до С. Бернар и Т. Сальвинн, – пишет о нем современный исследователь. – Свободная, непринужденная манера письма, живой разговор с читателем на понятном ему языке интересовали многих – читательская почта А.С. Суворина была очень велика, и он использовал эти отклики в своих последующих выступлениях» [2].

«Маленькие письма» выходили в газете А.С. Суворина «Новое время» в течение почти двадцати лет (1889–1908), печатались не всегда регулярно, иногда с большими перерывами. «Письма» как журналистский, «эпистолярный» жанр не являлся чем-то новым и необычным. Русские писатели и до А.С. Су-

ворина использовали эту форму (Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.В. Лавров, В.П. Боткин, М.П. Погодин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский), используя их «для свободного, более субъективного и непринужденного выражения своих мыслей и чувств, но и для живого, непосредственного общения с читателем, для сиюминутной оценки или скорого отклика на те или иные события политической и общественной жизни» [2, с. 9].

«Маленькие письма» представляют значительный интерес по нескольким причинам.

Во-первых, в силу недостаточной изученности весьма многогранного творчества их автора – А.С. Суворина, роли и места «Маленьких писем» (последнего периода) в его журналистской деятельности; специфики отражения и формирования общественного мнения такой массовой читательской аудитории, каковой была аудитория «Нового времени».

Во-вторых, интересно осмысление Русско-японской войны и зарождающейся революции. В поле зрения А.С. Суворина-публициста оказались политические отношения между странами-союзниками и странами-противниками, положение простого соотечественника и солдата в условиях разгорающейся войны. В «Маленьких письмах» выражено ощущение последствий войны.

В-третьих, из «Маленьких писем» можно узнать о культурной, социально-экономической и общественной жизни страны в военных условиях, в революционной и после-революционной обстановке.

Казалось бы, все это, прежде всего, должно заинтересовать историков журналистики и специалистов в области истории России рубежа XIX–XX вв. Но в наше время «Маленькие письма» ценны, на наш взгляд, как свидетельство тому, что в драматические для страны периоды четче вырисовывается главное в характере народа, жизни общества; обнаруживаются явления, которые будут характерны и для последующих десятилетий. «Нас не знают как следует, – писал автор 25 января 1904 г. – И сами себя мы мало знаем. Какая наша роль в мире, наплодились ли мы так себе, от бедности или от нечего делать, или мы призваны оплодотворить мир своими русскими качествами, которые мы

вольем в него и от которого он помолодеет? Мы больше смеялись над собою, больше негодовали на себя в лице своих писателей, чем беспристрастно разбирались. В бури и грозы мы узнаем себя лучше» [1, с. 35].

«Маленькие письма» отличаются вниманием автора не столько к классовым или социально-политическим проблемам, сколько к *общерусским* и даже *общечеловеческим*. С этой точки зрения примечательны суждения А.С. Суворина, например, о «парадоксах» массового сознания в военное время. Оговоримся сразу: для того чтобы точнее донести суть высказывания автора, мы просто вынуждены цитировать весьма большие фрагменты. Это вызвано еще и тем, что в прежние времена ученые-идеологи зачастую буквально выдергивали из его статей и писем отдельные фразы, придавая им едва ли не обратный смысл. Но вернемся к высказыванию А.С. Суворина о метаморфозах в отношении человека к несчастью.

«Удивительное создание человек. В мирное время скорбит о всяком несчастье. Придавил элегантный экипаж на Невском мужика, выскочила дама с трамвая и переломила себе ногу, застрелился от любви юнкер, убили на дуэли титулярного советника, окончившего курс в Правоведении, объелась купчиха Трохимова гнилой рыбой и умерла, сошел поезд с рельсов и ранено десять пассажиров, – Господи, сколько сожалений, негодования, проклятий. Мне жаль даже этих бедных цапель, которых свалил ветер с вершины дуба, и жаль отца их и мать, которые вдруг выбиты из своей колеи и должны воспитать новое поколение.

В военное время человек меняется. Людей взрывают на воздух и убивают тысячами и радуются. У нас три тысячи убито, у неприятеля десять тысяч. Слава тебе, Господи. Начинается совсем иная психология, и ничего против нее нельзя сделать. То есть можно читать прекрасные наставления о том, что радоваться нечему, что люди братья: шаблоны для этого искони веков выработаны, но заглушать в себе неприязнь к врагу, злорадство по поводу его поражений так же трудно, как доказать охотнику, который убивает на охоте птиц, как доказать всеядному человеку, который ест жареные трупы, что это не благородно и ужасно. А потом национальная гордость, национальная честь, патриотизм –

все это врожденное тысячелетиями, все это прославленное, все это запечатленное героизмом, самопожертвованием, подвигами, в которых действительно говорит человеческая душа, благородная и высокая. Во время войны эта душа доходит до своего зенита великодушия и до величайшего презрения самого проклятого своего врага, смерти» (25 января 1904 г., с. 108).

В приведенном отрывке привлекает внимание не только ирония по поводу многих стереотипов, но и деликатное прикосновение к вопросу о патриотизме, самопожертвовании, героизме – темам, к которым А.С. Суворин не раз будет возвращаться. В этом же письме встречаем размышления А.С. Суворина о значимости малого в большом деле: «...я прочел о гибели японского броненосца, «Хатцусе», который погрузился в воду так же быстро, как «Петропавловск», и с таким же количеством людей. Невестке бывают отместки. Только и всего. Ни мы, значит, ни японцы не избавлены от этих катастроф, и после каждой из них можем только спрашивать: чья очередь? Эти громады, кажется, исчезнут из флотов после этой войны. Пользы от них никакой не было, только стреляют издали и то больше на ветер, а гибнут так же от укуса ядовитой мины, как маленькие суденышки. Прилетела злая муха, укусила, и нет человека. Подошла мина, дотронулась до водяной крепости, и крепость заслонила дымом и пошла ко дну со всеми своими машинами, грозными пушками и умными людьми. Кто умней? Мина ли эта, которая напоминает сигару, или эти колоссальные сооружения, перед которыми легендарный Ноев ковчег – детская игрушка? Спрашиваю, кто умнее, ибо и в предметах, искусственно одушевленных, надо думать, есть ум. Левиафан и комар. Рычащий издали громом лев и подползающая к нему незаметно ядовитая змея (27 мая 1904 г., с. 109).

В публикации от 24 апреля 1904 г. с болью говорит об открывшихся в первые дни войны истинных русских «язвах». Одна из них – пренебрежение к противнику: «Грустное, тяжелое время. Я считал эту войну страшною и грозною и говорил это до войны. Но я ошибался, что Россия так же мало знает Японию, как Япония знает Россию. Теперь ясно для всех, что Япония гораздо лучше знает Россию, чем Россия – Японию. Японцы

посещают наш университет около тридцати лет. Знающих русский язык у них очень много. Японское посольство знало по-русски. Это очень важно».

О пренебрежении к «желтолицым» в начале века писал не только А.С. Суворин. Но за этим высокомерием он увидел элементарную недальновидность дипломатической службы: «Во время китайской войны я говорил об этом несчастном предрассудке нашего министерства иностранных дел руководствоваться в назначении послов служебной иерархией и посылать в Токио из Лиссабона, откуда-нибудь из Дрездена в Китай и т. д. Дипломаты надо мной смеялись. Не все ли равно, что Дрезден, что Лиссабон, что Токио, что Пекин, что Тегеран. Есть французский язык, на котором Япония называется Жапон, а Китай – Шин, и есть переводчики, которые носят особое наименование драгоманов. Чего больше!» (24 апреля 1904 г., с. 100).

Публицистику А.С. Суворина отличает многомерный, объемный взгляд на происходящее, «заглядывание» в завтрашний день. В немалой степени этому способствовало общение с крупными политиками (С.Ю. Витте, С.А. Муромцевым, В.К. Плеве) и простыми читателями, внимание к высокой политике и знание реальной жизни. Помимо этого – живой интерес к каждому дню. Именно поэтому «Маленькие письма» столь многогранны и откликнулись на многие проблемы и вопросы того времени. Один перечень их составил бы целую страницу. А.С. Суворин писал о значении Великого Сибирского Пути (Транссибирской железнодорожной магистрали) и реформах школьного образования, об антисемитизме и нарождающейся многопартийности, он писал о переменах в государственной жизни в связи с началом работы Государственной думы и ставил вопрос о равноправии для русского народа, коль скоро оно предоставлено другим народам Российской империи, о русской праздности и критиканстве отечественной журналистики...

Судьба А.С. Суворина соприкасалась с судьбами известных личностей, ценителей русской души, политических деятелей; его мировоззрение перекликалось с мировоззрением этих личностей, но носило всегда свой характер и оттенок. И прежде всего его размышления отличают забота и боль за русское. В ожидании вестей с Дальнего Востока,

в тревоге о воюющих солдатах и матросах автор чувствует себя в единстве с миллионными русскими, в единстве с великим Л.Н. Толстым, мнение о войне которого заинтересовало зарубежную прессу. «Что думает Л.Н. Толстой о войне? – таким вопросом начинается одно из «Маленьких писем». – За решением этого вопроса, – говорится далее, – сотрудник “Figaro” ездил в Ясную Поляну и допрашивал ее хозяина». Не без иронии пишет А.С. Суворин о том, что наверняка чужестранец услышит давно известные проповеди: «война – ужасное дело, что образованный мир теперь свирепее Чингисхана, что Евангелия не читают, в Бога не верят, что цивилизация создала искусственные потребности, столь же ненужные, как пирамиды, что железные дороги ничего не дали хорошего для жизни». Может быть, корреспондент узнает и о том, что из Ясной Поляны Л.Н. Толстой зачем-то ездил в Тулу. И тут же А.С. Суворин с уверенностью говорит: «Л.Н. Толстой ездил в Тулу не за тем, конечно, чтобы узнать о судьбе японской армии. Он горел нетерпением узнать о русской армии. Его русская душа требует известия и беспокоится, а не всечеловеческая. Всечеловеческая холодно рассуждает, придумывает красивые сравнения, яркие по выразительности своей слова, картины неведомого будущего, а русская душа его болит, страдает, умирает и воскресает снова» (28 марта 1904 г., с. 68).

Не сдерживая восхищения и большой надежды, рисует А.С. Суворин облик Военного министра А.Н. Куропаткина, назначенного Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии: «Русская земля росла талантами, прославилась ими, и будет ими расти и славиться. Я знал А.Н. Куропаткина еще в небольших чинах, в скромной доле. Потом это имя связалось с именем М.Д. Скобелева и росло, и росло. Ничего фейерверочного, кричащего, ищущего популярности. Что-то спокойное, крепкое, вдумчивое, деятельное без всяких фраз, без всякой самонадеянности, но не устающее работать, изучать и верить в рост своей родины и ее великие задачи. Русский человек, в полном смысле этого слова, поднявшийся благодаря своим дарованиям и труду. Мужественный воин, получивший несколько ран, доказавший свою храбрость и свой выдающийся

ум в боях, в трудных походах на Балканах и в Азии, в Геок-тепе, Туркестане, в Кашгарии, он знаком с азиатами как нельзя лучше. Военный писатель, он изучил Алжирию, был в степях Сахары, исследовал битвы и движения войск. В военных и морских кружках, в литературных и общественных имя А.Н. Куропаткина произносилось, как боевой лозунг настоящего времени. Никакое другое имя не ставилось рядом с его именем. В него уверовали не мгновенно, не выкриком каким-нибудь, а путем постепенных и возраставших непрерывно его заслуг в течение многих лет. И уверовали крепко, как в умственную силу, как в настоящий военный талант» (9 февраля 1904 г., с. 45).

Коротко и ясно звучит ответ А.С. Суворина-публициста на вопрос, почему воюет Россия? «Из-за чего мы воюем? Как это ни странно, но этот вопрос задают себе довольно многие, сознавая в то же время, что раз нас втянули в войну, необходимо поддерживать честь и авторитет нашего оружия.

«Мы это отлично понимаем, говорят они, но из-за чего мы воюем? Не из-за Маньчжурии же и Кореи?»

Мы воюем из-за того, чтобы никто не смел трогать нас на Дальнем Востоке, ни теперь, ни в будущем. Власть государства основывается на том, чтобы все признавали его авторитет. Это дается испытанием его силы. Так было у нас с Казанью, Астраханью, Крымом, Кавказом, Средней Азией. Россия утвердилась там путем признания ее силы, путем войны, и никто не оспаривает у нас этих владений. Россия не может позволить не только бить себя по лицу, но и в спину. Дальний Восток, если можно так выразиться, спина России» (26 июня 1904 г., с. 121).

В «Маленьких письмах», откликнувшись на войну, выражены тревога о защитниках Порт-Артура и горечь поражения после сдачи крепости, восхищение мужеством экипажей миноносцев «Решительный» и «Бураков», крейсера «Новик», канонерки «Бобр»; высказано возмущение по поводу промедления со строительством современного флота, отставания в перевооружении российской армии: отсутствия пулеметов, легких воздушных шаров для ведения разведки, неиспользование воздушного телеграфа для обеспечения связи и т. д. Не будучи военным специалистом, А.С. Суворин не раз прозор-

ливо указывал на то, что война эта – *новая*. Начавшаяся через десять лет Первая мировая война подтвердила многие наблюдения «мирного» журналиста.

На наш взгляд, «Маленькие письма» в своей совокупности – не столько хроника, сколько своеобразный монитор, фиксирующий эмоциональный настрой общества, динамику изменений в отношениях к тому или иному событию. С другой стороны, «Маленькие письма» А.С. Суворина – не просто публицистические материалы, это переживания автора, его желание рассказать и поддержать, уничтожить навязываемый Западом страх. Желание докопаться до истины, публикуя проверенные факты, говоря в письмах о действиях, происходящих реально. Складывается ощущение, что он ведет диалог с каждым человеком. Любой, прочитав письмо, мог почувствовать, что именно с ним разговаривает автор, пытаясь развеять сомнения и неуверенность в своих силах.

Следует сказать, что газета А.С. Суворина «Новое время» сумела сосредоточить вокруг себя весь практический, деловой патриотизм. Одним из примеров тому – разъяснение необходимости скорейшего создания подводного флота: «Десятки лет тому назад у нас была сделана подводная лодка Н.Ф. Александровским и хорошо работала. Но случилась с ней неудача – она зарылась в ил. И ее бросили. А если б ее не бросили, у нас были бы подводные лодки раньше, чем где-нибудь.

Если найдут, что прежде всего необходимы подводные лодки, пусть так и будет. Мы с вами не специалисты, но нам объяснят тогда, почему принято делать так или иначе. Большое общественное дело должно идти так, чтобы мы все радовались его успеху, как успеху нашей дорогой Родины, которая соединяется около государя в одну политическую семью» (5 февраля 1904 г., с. 43). И газета организовала сбор средств на строительство Черноморского флота, на создание подводных лодок.

В статье о А.С. Суворине его современник В. Розанов сказал: «У нас был патриотизм риторический, одописный – в XVIII в.; был патриотизм официальный, правительственный – в Николаевские времена, М.Н. Катков дал нам вспомнить патриотизм величаво-исторический; наконец, славянофилы дали нам патриотизм мистический, мессианский,

внутренний. Но не было у нас патриотизма дневного, делового, практического; «ежедневного» и до известной степени «журнального». В лучших случаях у нас была греза об отечестве и ода отечеству, но работы для отечества – не было. А.С. Суворин это-то пустое место и занял, сразу поняв и оценив, что это – самое важное место, самое хлебное место, самое исторически-значительное» [3, с. 12]. Именно благодаря этому «дневному, деловому, практическому» отношению, говоря словами В. Розанова, к реалиям жизни, газету «полюбили вопреки всему, всем крикам, всей травле остального газетного мира».

Война войной, но А.С. Суворин не мог не откликнуться на постановку «Вишневого сада» А.П. Чехова. И снова в центре внимания не столько эстетическая сторона пьесы, сколько судьба русской интеллигенции – лучшей части русского общества: «Это яркая картина русской жизни, распушенности, халатности, ничегонеделания, благородных разговоров, именно благородных монологов, а не чувств и не действий. <...> Охают, ахают, видят, что все трещит и ломается, но все надеются на то, что авось что-нибудь случится, что бабушка даст денег, тетюшка смилуется, выпадет выигрыш в 200 тыс., а то так просто какое-нибудь чудо совершится, какая-нибудь неожиданность явится на выручку. <...> И все это «порядочные» люди, честные люди, с гордостью...»

Говорит он и о глубине понимания А.П. Чеховым того положения, в котором оказалась интеллигенция на исходе девятнадцатого столетия: «Жаль русского человека, который так опустил, что не находит в себе никакого протеста, кроме слез, причитаний и согнутой, понурой спины, которую показывают действующие лица при окончательном падении занавеса. Лица исчезли, остались спины.

Сам А.П. Чехов – русский человек до мозга костей. Не дворянин по рождению, он не плюет на дворянскую жизнь, на дворянский быт, как многие другие, а относится к ним с чувством глубокого русского человека, который сознает, что разрушается нечто важное, разрушается, может быть, по исторической необходимости, но все-таки это – трагедия русской жизни, а не комедия и не забава. Отрезаются прочь хорошие части общего русского тела в то время, когда

жизнь нуждается в крепких, в образованных основах. Умирать мы умеем, но бороться еще не выучились, умирать с надеждой на воскресение, на лучшую жизнь. Поэтическое чувство многое подсказывает А.П. Чехову, чего, может быть, толпа и не разумеет вполне» (29 апреля 1904 г., с. 101-102).

Публицистику А.С. Суворина в «Маленьких письмах» можно по праву назвать журналистикой здравого смысла. Этот житейски мудрый взгляд ощутим не только в оценке военных событий. Русско-японская война, как известно, стала предтечей Первой русской революции 1905 г. Но начало века – это и период буквальной охоты на общественных и политических деятелей, губернаторов, полицейских и судебных чиновников. Те, кто устраивал революцию, натравливал рабочий класс на политический строй, шли на это осознанно, – считал А.С. Суворин: «Убийство В.К. Плеве совершено во имя той призрачной «свободы», которая летает где-то в диком и необузданном воображении и вооружена насилием и революционной ломкой. *Совершить убийства во имя свободы, значит убивать самую свободу. Кто убивает, тот враг того развития, которое совершается ростом самого общества, враг тех необходимых, назревших реформ, которыми удовлетворяется большинство. Убийства замедляют движение, обрезают крылья у желаний самых умеренных, у той мирной и ясной свободы, которая вооружена просвещенным умом, знанием своей родины и верными средствами для поднятия ее жизни на известную высоту. Должно ненавидеть всякое убийство, как простое, так и политическое, совершается ли оно в революционное время, как орудие партии, захватившей власть в свои руки и террором, страхом желающей укрепиться, или совершается для внесения в общество смуты и переполоха»* (курсив мой. – А. И.) За десять с лишним лет до Октября 1917 г. сказано об отношении к политическому убийству как орудию партии, захватившей власть в свои руки...

Мы долгое время жили с убеждением, что если мнение журналиста дореволюционной России в чем-либо совпало с политикой царского правительства (государства), то позицию автора следовало считать официозной, казенной. Что же сказал по этому поводу редактор «беспринципной» газеты «Новое вре-

мя» и журналист А.С. Суворин? «Я – простой журналист и желал выражать настроение, желания и надежды общества» (с. 182). На собственном опыте зная, *что это* такое, он не раз возвращался к мысли о назначении журналистики, ее роли в России. Обратим внимание, насколько современны слова А.С. Суворина о критике, которой славилась литература и журналистика его времени: «Равнодушная, иронизирующая или мелко злобная критика – признак среды равнодушной к общественным интересам или привыкшей видеть эти интересы только в состоянии своих личных самолюбий, поползновений, расчетов и зависти. Отсюда комплектуются карьеристы, гастролеры, подозрительные дельцы, способные пользоваться обстоятельствами, и широкие говоруны и забавники. Отсюда комплектуются прожектеры, те господа, которые вдруг почему-то выплывают наверх и почему-то скрываются, не обнаруживая ничего кроме вреда, но на минуту изображают собою мудрецов» (12 июля 1904 г., с. 113).

И в то же время нельзя оставить без внимания сарказм, с которым дается оценка некоторых, далеко не воинственных, действий одного из военачальников. Речь идет о коменданте крепости Порт-Артур генерале А.М. Стесселе. «Будущий гениальный автор нового романа «Война и мир» расскажет будущим поколениям тайны души наших правителей, тайные их думы, их честолюбивые замыслы, их уступки друг другу, их взаимную «закономерность», выработанную бюрократическим строем, их дружбу и камень за пазухой. Тут нужна тонкая художественная работа и ряд портретов не в тех условиях, в каких И.Е. Репин писал заседание Государственного совета, свою известную большую картину, полную золота и нагрудных украшений. В числе этих портретов будет и портрет адмирала Е.И. Алексеева, этой интересной во многих отношениях личности, которая являлась чем-то безответственным, роскошным по своим вкусам, сиявшим минутным блеском и быстро скрывавшимся в темноту. На процессе адмирал Е.И. Алексеев представлен только своим ковром. Это – нечто вроде ковра-самолета в этой трагической сказке о Порт-Артуре. Ковер адмирала Е.И. Алексеева, вопреки свидетельству г. Вершинина, спасен генералом А.М. Стес-

селем и доставлен по адресу. Точно спасен был целый полк вследствие гениальной распорядительности полководца. Ура! Ковер, по которому ходил наместник Дальнего Востока, спасен и будет приобретен, как редкость, каким-нибудь музеем.

– Смотрите, этот ковер избег японской жадности, благодаря предусмотрительности генерала А.М. Стесселя. Это исторический, легендарный ковер.

Во время трагедии дело не обходится без шутовства, и ковер наместника – это шут, и когда генерал А.М. Стессель торжественно читал оправдательный документ о получении этого ковра бывшим наместником Дальнего Востока, в зале суда должно было царить веселое настроение. Если б я был беллетристом, я написал бы повесть об этом ковре и заставил бы его рассказывать, что он видел, что он слышал и что претерпел. Ах, если б ковры могли говорить!» (16 января 1904 г., с. 738-739).

Как видим, А.С. Суворин не стеснялся в выражениях, но и не переходил грань между оскорблением и выражением личного мнения. Не один раз говорил журналист о необходимости называть вещи своими именами: «Манеру экивоков и скрытой иронии надо бы бросить. Надо бы поставить печать в положение более независимое, чтоб она, служа выражением общества, вместе с тем помогала бы и обществу и правительству в их взаимных отношениях, а не отписывалась бы, как отписываются в известных случаях канцелярии» (16 июля 1904 г., с. 138).

Что же такое истинная журналистика? Говоря словами А.С. Суворина, – «ничего» и «все одновременно». Ведь она «ничего» лишь по силе власти, но всякой власти и силе указывает, советует, содействует ей, ее оспаривает и даже обличает! Сегодня, спустя столетие, трудно не соглашаться с многими убеждениями автора «Маленьких писем».

Оценивая гражданскую, издательскую, журналистскую деятельность А.С. Суворина,

его младший современник А.В. Амфитеатров писал, что только «тогда вскроется истина, как мало был понят этот большой человек и как много оклеветан», когда «история займется «стариком Сувориным» с должным беспристрастием, по документам его деятельности и правдивым показаниям людей, достойных веры, потому что действительно его знавших» [4, с. 112].

Думается, что такое время для беспристрастного обращения к публицистике «старика Суворина» настало.

1. *Суворин А.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. Далее ссылки на это издание, с указанием даты письма и номера страницы.
2. *Романенко А.* Годы разлома и сокрушения // Суворин А. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 12-13.
3. *Розанов В.* Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7.
4. *Амфитеатров А.В.* Старик Суворин // Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата: в 2 т. М., 2004. Т. 2.

1. *Suvorin A.* Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya. Malen'kie pis'ma (1904–1908). M., 2005. Dalee ssylki na eto izdanie, s ukazaniem daty pis'ma i nomera stranitsy.
2. *Romanenko A.* Gody razloma i sokrusheniya // Suvorin A. Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya. Malen'kie pis'ma (1904–1908). M., 2005. S. 12-13.
3. *Rozanov V.* Suvorin i Katkov // Novoe vremya. 1997. № 7.
4. *Amfiteatrov A.V.* Starik Suvorin // Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh / vstup. stat'ya, sost., podgot. teksta i komment. A.I. Reytblata: v 2 t. M., 2004. T. 2.

Поступила в редакцию 24.02.2016 г.

UDC 811.111:801

A.S. SUVORIN. "MALENKIE PISMA" (LITTLE LETTERS) ABOUT GREAT EVENTS

Anatoliy Ivanovich IVANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: ivanov_ai@bk.ru

The characteristics of A.S. Suvorin editor of "Novoe Vremya" newspaper and work in "Malenkie pisma" in the last period (1904–1908), the history of their development and a place in the creative biography are discussed. A thoughtful, objective reading of "Malenkie Pisma" allows to specify author's civil position in explaining government policies and to overcome the prevailing stereotypes. It becomes clear that the "Malenkie Pisma" focuses not so much on a class or socio-political issues, but on all-Russian and even universal ones. From this point of view, A.S. Suvorin's judgments, for example, about the inadmissibility of contempt for the opponent or "paradoxes" of mass consciousness in wartime, are remarkable. Special attention is paid to ethical issues in the revolutionary period. Multidimensional, complex look on tomorrow events and sensitivity to changes distinguish A.S. Suvorin's journalism. This has made possible the dialogue with major politicians and ordinary readers, attention to the high politics and the knowledge of the real world. In addition, a keen interest in every day. "Malenkie Pisma" transmits the author's experience, his desire to tell and to support interest in the events, to destroy the fear imposed by the West. They conveyed a desire to get to the truth, in the publication of verified facts, talking about the actions that take place actually. We feel that he conducts a dialogue with each person. In addition to the artistic value "Malenkie Pisma" are interesting as a historical source about the difficult time for Russia, the cultural and social life.

Key words: Russian-Japanese war; domestic journalism of the beginning of XX century; national character and culture.

УДК 821.581

СЯО САНЬ И ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИТАЯ

© Дмитрий Сергеевич КРЕБС

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, студент факультета истории,
мировой политики и социологии, e-mail: d.krebs@yandex.ru

Рассмотрена литературная деятельность известного китайского революционера и поэта, автора китайского текста «Интернационала» Сяо Саня. Главной темой его творчества была революционная и национально-освободительная борьба китайского народа. На основе архивных материалов, которые ранее еще не были опубликованы, анализа его творчества и мемуаров современников проанализирован личный путь становления Сяо Саня как революционного поэта и писателя, роста его самосознания этом качестве, под влиянием советской пролетарской литературы и активной деятельности в культурной жизни Советского Союза 20–30-х гг. XX в. Доказано, что новая литература рассматривалась как часть общего революционного дела, будучи эффективным средством пропаганды как в СССР, так и в Китае; описана переводческая, литературная и просветительская деятельность Сяо Саня и то влияние, какое он оказал на зарождение в Китае новой революционной литературы главным образом через переводы советских авторов, в первую очередь В.В. Маяковского. Проведено исследование с точки зрения развития литературы этого периода и с позиций осмысления советско-китайских отношений как в контексте социалистического революционного движения и взаимодействия двух коммунистических партий, так и истории народной дипломатии и культурных контактов.

Ключевые слова: Сяо Сань; Эми Сяо; китайская революция; китайская революционная литература.

Начало XX в. в истории Китая ознаменовалось чередой тяжелых потрясений, сопровождающихся политическим кризисом Цинской монархии, военными конфликтами и национальным унижением, что подтолкнуло китайцев искать альтернативу пошатнувшимся традиционным устоям на Западе. Преобразования коснулись всех сфер общественной жизни, но особенно в переменах нуждались система образования и язык. Сперва в узком кругу интеллигенции, а после Синьхайской революции официально, архаичный *вэньянь*, непонятный большинству китайцев, был заменен на разговорный *байхуа*, на котором стали печатать газеты и книги, а с 1920 г. началось его использование в младшей школе, что, несомненно, способствовало не только быстрейшему распространению грамотности, но и развитию литературы. Известный китайский философ того времени Ху Ши считал, что «живую» литературу можно создать только с помощью языка, приближенного к разговорной речи [1, с. 30].

Появлялись все новые переводы, которые часто служили образцом для нового поколения китайских писателей и поэтов. Немалое влияние оказали произведения русских, а позже и советских авторов. Л.Е. Чер-

касский, исследуя развитие китайской литературы в военные годы, отмечает, что переводная литература превращалась в серьезную силу идейного вооружения передовых слоев общества [1, с. 61], а Цюй Цюбо в 1920 г. прямо писал, что «русская литература стала ориентиром для китайских писателей» [2, с. 19]. Особый вклад в это дело внес китайский поэт и писатель, переводчик и литературный критик Сяо Сань (настоящее имя Сяо Цзычжан), более известный у нас под литературным псевдонимом Эми Сяо. Будучи сыном учителя он рано освоил грамоту и уже в восемь лет, подражая китайским классикам, пытался писать сам. К четырнадцати годам, когда будущий поэт обучался в дуншаньской уездной школе, у него накопилось несколько тетрадок стихов [3, л. 58]. Именно в это время он подружился с Мао Цзэдуном, с которым они вместе учились [4, с. 36]. В год Синьхайской революции Сяо Сань поступил в учительскую семинарию города Чаньша. В это самое время, благодаря революционным веяниям, в Китае стали переводиться и издаваться сочинения европейских писателей и философов. Молодые люди пылко увлекались чтением и обсуждением этих книг, впитывая новые для Поднебесной либеральные идеи. В Чаньша Сяо Сань при-

нял участие в создании организованного по инициативе Мао Цзэдуна общества «Новый народ», многие члены которого впоследствии стали активными участниками коммунистического движения в Китае.

Коммунистическая идеология, особенно после русской революции 1917 г., с ее призывом к борьбе с мировым империализмом, декларированием свобод и равенства наций и их права на самоопределение и идеями мировой революции выглядела очень привлекательно в глазах либерально настроенных китайцев. Свою собственную идеологию национально-освободительное движение Китая выработать, а тем более защитить самостоятельно в тех условиях не могло. И Сяо Сань, и Мао Цзэдун тогда увлеклись идеями марксизма, хотя на китайский язык к тому времени переведено было очень немного, главным образом, это был «Манифест коммунистической партии» и работы русских революционеров самых разных направлений политической мысли, которые производили особое впечатление на китайскую молодежь, хотя наибольшей популярностью среди молодых китайцев пользовались сочинения анархистов [5, с. 86]. В 1919 г. в Бэйпине Сяо Сань принял участие в студенческой демонстрации, вошедшей в историю как «движение 4 мая». Это был первый его личный опыт революционной борьбы. Вернувшись в Чаньша, Сяо Сань стал публиковаться в газете союза учащихся провинции Хунань – «Сяньцзян Пинлунь» («Сяньцзянское обозрение») [3, л. 59].

Получение дальнейшего образования в высших учебных заведениях было недоступно, и многие китайцы уезжали на обучение во Францию по программе «прилежной работы и экономной учебы» – после войны Франции сильно не хватало рабочих рук. Там приходилось жить и работать в достаточно тяжелых условиях, но вместе с тем появилась хорошая возможность познакомиться с марксизмом поближе, вкусив на своей шкуре все тяготы капиталистической эксплуатации пролетариата, с одной стороны, и читая марксистскую литературу, которой там было больше, – с другой [7, с. 36]. Именно во Франции Сяо Сань впервые услышал «Интернационал», который там пели подпольно [7, с. 226]. Узнав о КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока

им. И.В. Сталина) от своего друга Жень Биши, он загорелся желанием попасть в Советский Союз для продолжения учебы [8, с. 57]. Его не останавливало незнание языка и другие трудности – для него это была родина пролетарской революции. Позже в одном из своих стихов он вспоминал: «За плечами оставил я столько вод, / Столько гор прошел, как ступени, / Мне хотелось попасть в Москву. / Я не знал языка, я не знал ничего. / Я знал, что в Москве есть Ленин. / И вот я попал в Москву» [9, с. 156]. После вступления в компартию по рекомендации товарищей из ЦИК Европейского отделения КПК Сяо Сань смог получить визу и в 1922 г. приехал в СССР.

Советский Союз произвел на молодого китайского поэта сильное впечатление. Он приехал после окончания гражданской войны, когда молодая страна все уверенней вставала на ноги, ощущался общий подъем, впервые в мире многие гражданские права и свободы были задекларированы официально. После капиталистической Франции, разоренной войной Германии Советский Союз воспринимался как страна свободы и светлого будущего справедливого общества, в котором не будет места классовой борьбе, эксплуатации человека человеком, расовой и любой другой дискриминации. Это вызывало восторг и уважение и вселяло искренний оптимизм и уверенность в правильном выборе пути марксизма. Такие убеждения Сяо Саня были вполне искренними: его жена Ева Сяо (Зандберг), вспоминая свое знакомство с ним в Гаграх, которое произошло в 1934 г., значительно позже его учебы, отмечает, что «Эми отличался от салонных коммунистов», с которыми ей приходилось общаться в Стокгольме, «вел революцию не только на словах», но был ее непосредственным участником. Он жил этими идеями, всецело был ими охвачен так, что даже в личной жизни не мог забыть о них. «Силой своей любви, – продолжает вспоминать Ева Сяо, – он медленно, но верно направлял мои мысли к Китайской революции» [10, с. 29]. Подобно генералу Чжу Дэ, он стал коммунистом, чтобы «сделать жизнь простых людей лучше и счастливее» [11].

В Москве тогда обучались многие китайские революционеры, позже занявшие высокие посты в КНР. Китайская революция

остро нуждалась в помощи извне и находила ее в серьезной поддержке Советского Союза и Коминтерна, который финансировал компартию Китая, помогал в подготовке кадров и ведении пропаганды. Политика Коминтерна, конечно, не была бесспорной, что привело впоследствии к расколу и осложнению отношений между нашими странами, однако это было позже, а пока она давала хорошие возможности начинающим китайским коммунистам получить образование, познакомиться с передовыми представителями социалистической идеологии, а также погрузиться в среду новой советской культуры. КУТВ был коминтерновским проектом – одним из московских центров подготовки кадров для компартий и революционных движений в странах Востока. Сяо Сань к тому времени уже был коммунистом и, кроме того, имел среднее образование, а потому без проблем был принят в число студентов.

Именно тогда, во время обучения в КУТВ, вместе с сыном Чэнь Дусю Чэнь Цяоянем Сяо Сань перевел на китайский язык «Интернационал». Это было началом переводческой работы, параллельно с которой он пробовал писать сам, но в то время решение всецело заняться литературой еще не созрело, его по-прежнему волновала непосредственная революционная борьба на родине. В 1924 г. Сяо Сань был направлен в Китай, где занимался в основном политической и партийной работой. Однако литературная деятельность в его жизни все больше вплеталась в общее дело революции. Китайские писатели в процессе революционных перемен давно осознали большие возможности литературы как эффективного средства борьбы: например, Ли Дачжао, называя главным в художественном произведении содержание, указывал, что оно может стать действенным оружием в борьбе за переустройство общества [1, с. 33]. Неслучайно многие активные деятели китайской революции, такие как Го Можо или Цюй Цюбо, были не только политиками, но и писали сами, придавая важное значение литературе как мощному инструменту пропаганды. Примером часто служили пролетарские писатели СССР, поэтому, пользуясь хорошим знанием языка, Сяо Сань в пропагандистской работе одинаково часто прибегал как к переводам советской литературы, так и к созданию собственных произ-

ведений или публицистических заметок. В своих переводах Сяо Сань особое значение придавал творчеству В.В. Маяковского, который был очень популярен среди молодых китайских поэтов. В одной из статей он призывает своих соотечественников подражать певцу революции: «Поэты сегодняшнего Китая! Вы все еще возлежите на софе и играете на мандолине капризным девицам... Поднимите наш факел! Пусть гремят ваши голоса в полную силу, звонко, как голос В.В. Маяковского» [12, с. 137].

1927 г. стал поворотным в жизни многих китайских коммунистов. Едва спасшись от преследования, Сяо Сань был направлен в Советский Союз на лечение. Из архивных документов мы узнаем, что он пытался вернуться в Китай, но поскольку дипломатические отношения между странами были разорваны, на запрос писателя ЦК партии и КСМ Китая ответили, чтобы он пока оставался во Владивостоке [3, л. 62]. Сяо Сань активно занялся литературной и редакторской работой. Какое-то время он преподавал на курсах пропагандистов во Владивостоке, затем был вызван ИККИ в Москву, где продолжил свою деятельность: редактировал китайскую версию издания журнала «Интернациональная литература», принимал участие в работе Международного объединения революционных писателей, продолжал писать стихи, заниматься переводами. В свет вышли очерки о Мао Цзэду и Чжу Дэ, которые познакомили советского читателя с вождями китайской революции.

С 1933 по 1934 г. Сяо Сань аспирант Института красной профессуры. С этого времени он занимался исключительно литературной работой. Тому способствовали разные факторы. Сам он считал, что сформировался как писатель и созрел до осознания своего призвания под влиянием советской литературы. «За эти 11 лет (жизни в Советском Союзе. – Д. К.) я был счастлив, получая все возможности и наилучшие условия для возобновления своей долго прерванной литературной деятельности и развития ее. Благодаря изучению марксистско-ленинской теории и практическому участию в советской и международной литературной жизни я чувствую, что моя писательская квалификация постепенно повышается. Я понял, что «литературное дело есть часть общепролетарского

дела» (В.И. Ленин) и осознал громадную ответственность «писателя – инженера человеческих душ» (И.В. Сталин). Я решил стать профессиональным поэтом-писателем и литературой служить партии и народу», – писал он Чжен Лину в 1938 г. [3, л. 75]. В Советском Союзе Сяо Сань смог переосмыслить свое отношение к литературному творчеству и его значение для дела революции, о чем в своей автобиографии он писал так: «Необходимо указать на следующее. Долгое время я, как и многие наши т.т., находился под неправильным влиянием, влиянием конфуцианства, рассматривающего литературу и искусство как мелкие и ничтожные занятия. Я не думал стать писателем-профессионалом. Но принимая участие в литературной жизни СССР, видя бурный рост советской литературы, исключительно серьезное внимание, какое уделяет литературе партия Ленина-Сталина, я с новой силой взялся за литературную работу» [3, л. 63].

Личная связь Сяо Саня с Советским Союзом была очень сильной, что нашло отражение в его творчестве: много стихов посвящены советско-китайской дружбе, в них он воспевае борьбу и победу советского народа, советских писателей и поэтов, называет СССР другом и старшим братом, сравнивает союзы молодежи обеих стран, называет Советский Союз второй родиной. Он был полон благодарности за оказанную помощь и новые возможности и даже спустя годы после своего возвращения в Китай написал: «Но не проходит дня без мысли о Тебе, / О родине второй, которую я люблю, / Как друга и брата по борьбе, / Всегда благодарить и почитать готов я!» [9, с. 159].

Однако при всей полноте благодарных чувств к Советскому Союзу Сяо Сань оставался патриотом Китая, постоянно следил за развитием событий на родине, и, отправляясь у партийного руководства, так писал об этом: «Уже 11 лет, как я живу и работаю в стране Советов, но ни на один день я не забывал, что я – китаец, что я – сын великого китайского народа. Никогда, ни на один день я не забывал страдания, стоны, мужества, борьбы китайских товарищей. Поэтому темой моих стихов, рассказов, очерков и статей почти 100 % является жизнь и борьба китайского народа» [3, л. 75].

Немало усилий Сяо Сань приложил и для знакомства советского читателя с сочинениями современных китайских поэтов и писателей. Он сам занимался переводами на русский язык, а кроме того, с 1934 г. читал лекции по современной китайской литературе в Институте востоковедения и Ленинградском университете. После смерти Лу Синя, творчество которого особенно активно пропагандировал, Сяо Сань участвовал в работе по изданию книги «памяти Лу Синя», работал над редакцией переводов его произведений. Контакты с китайскими авторами преследовали не только культурные, но и политические цели, как замечает сам Сяо Сань, он переписывался с видными китайскими писателями «о необходимости организации единого антияпонского фронта среди литераторов» по указанию китайской делегации при ИККИ [3, л. 64].

Главной темой его произведений была борьба китайского народа. Ей посвящены стихи и рассказы, многочисленные очерки и статьи в советской и китайской прессе. В СССР выходили сборники его стихов и рассказов на эту тему, такие как «Кровавое письмо», «Хунаньская флейта» и др. Сяо Сань был сторонником реализма в литературе, он считал, что писатель должен показывать жизнь такой, какая она есть, поэтому старался бороться с устаревшими представлениями о Китае и китайцах среди деятелей культуры СССР. Этой проблеме было посвящено его выступление на Первом съезде советских писателей в 1934 г. в Москве, где Сяо Сань выступал как делегат Дальневосточного края и как представитель Лиги левых писателей Китая. Эми Сяо перечислил недостатки образа современного Китая в советской литературе и кинематографе, указав на типичные, но устаревшие стереотипы, такие как образ китайца-рабочего обязательно с косой, а китаянки – с маленькими ножками, назвав это «экзотикой худшего типа». «Чтобы писать о Китае, надо хоть немного знать о китайской жизни», – заключил Эми Сяо. Затем он вкратце рассказал о реалиях жизни современных китайских писателей Лу Синя и Мао Дуня [13, с. 365-366]. Специально для участников съезда, желающих ближе ознакомиться с китайской культурой, Сяо Сань организовал вечер китайской литературы и искусства. В 1935 г. в Париже на Междуна-

родном Конгрессе писателей защиты культуры он был избран в члены секретариата Международной ассоциации писателей защиты культуры.

С изменением политики Коминтерна относительно Китая и самой китайской компартии положение в стране изменилось, постоянно приходили известия о напряженной борьбе с Гоминьданом. Эти события не позволяли Сяо Саню оставаться в стороне, он неоднократно обращался к партийному руководству с просьбой отпустить его в Китай или послать в командировку. «После проведения новой политики КП Китая, <...> я особенно возбужден. – Пишет Сяо Сань Чжен Лину. – Я чувствую свой долг – быть в рядах борющегося народа. <...> Я хотел бы хоть своим скромным трудом помочь партии и народу Китая вести интернациональную пропаганду» [3, л. 75]. Далее он пишет о своей литературной деятельности и о том, что она направлена на освещение борьбы китайского народа, однако все это не удовлетворяет автора. «Я должен быть участником и очевидцем этой борьбы!» – призывает писатель. Он настолько полон решимости быть полезным, что готов к любым рискам и испытаниям: «Сейчас я могу работать на любом участке на фронте, в тылу – куда меня пошлет партия». Известно, что в скором времени положительный ответ был, наконец, получен, и Сяо Сань отбыл в Китай. Там, в Особом районе, будучи директором Академии художеств им. Лу Синя [3, л. 46], он продолжал свою активную литературную и пропагандистскую работу вплоть до самой победы компартии в 1949 г. Он продолжал заниматься переводами русских и советских классиков А.С. Пушкина, А.П. Чехова, А.М. Горького и др. Тематика его творчества смещается в сторону борьбы с японской агрессией, воспеания героизма, непобедимости Китая. Все больше он уделяет внимания проблемам мира, борцом за который он становится в последующие годы, представляя Китай во Всемирном Совете Мира.

Исследуя творческий путь Сяо Саня Л.Е. Черкасский отмечает еще одну особенность его творчества: подчеркивая отдельные черты морального облика советских поэтов, произведения которых переводил и о которых писал очерки и статьи, Сяо Сань боролся с пороками в стане китайских литераторов и

самой компартии, в частности, замечая, что В.В. Маяковский никогда не любил сплетни и клевету, Эми Сяо завуалированно выступает против ложных доносов, распространившихся в это время [14, с. 103].

Сяо Сань сознательно использовал перо и слово как эффективное средство борьбы и защиты лучших идей коммунистического и национально-освободительного движения. И тот факт, что мы не находим в его биографии следов карьеризма, стремления к власти, показывает, что в коммунистической идеологии он видел не политические возможности для себя, а воплощение идеалов справедливости. С профессиональным ростом в области литературы рос и уровень его самосознания, а некогда заимствованные идеи, пройдя нелегкий путь трансформации в мировоззрении поэта под влиянием сложных обстоятельств, превратились в стойкие личные убеждения. Несмотря на то, что Сяо Сань не оставил больших произведений, его вклад в становление и развитие революционной литературы Китая не оценим, ведь чтобы сделать качественный перевод литературного произведения, необходимо не только хорошее владение языком, но и несомненный талант поэта или писателя, и в то время в китайской компартии подобных Сяо Саню фигур было очень немного.

1. Черкасский Л.Е. Новая китайская поэзия (20–30-е гг.). М., 1972.
2. Цветко А.С. Советско-китайские культурные связи. М., 1974.
3. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 495. Оп. 225. Ед. хр. 96.
4. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М., 2007.
5. История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. М., 2013. Т. 7.
6. Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013.
7. История любви Эми и Евы Сяо // Иностранная литература. 2014. № 6.
8. Спичак Д.А. История подготовки кадров китайской компартии и гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.). М., 2010.
9. Сяо Эми. Избранное (Стихи). М., 1954.
10. Eva Siao. China: mein Traum, mein Leben. Bergisch Gladbach, 1990.
11. Пожилов И.Е. Политика открытости в концепции «китайского социализма» Чжу Дэ // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1.

- манитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 12 (104). С. 361-366.
12. *Черкасский Л.Е.* Маяковский в Китае. М., 1976.
 13. Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М., 1934.
 14. *Черкасский Л.Е.* Китайская поэзия военных лет. 1937–1949. М., 1980.
-
1. *Cherkasskiy L.E.* Novaya kitayskaya poeziya (20–30-e gg.). М., 1972.
 2. *Tsvetko A.S.* Sovetsko-kitayskie kul'turnye svyazi. М., 1974.
 3. RGASPI (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii). F. 495. Op. 225. Ed. khr. 96.
 4. *Pantsov A.V.* Mao Tszedun. М., 2007.
 5. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI v.: v 10 t.* М., 2013. Т. 7.
 6. *Pantsov A.V.* Den Syaopin. М., 2013.
 7. *Istoriya lyubvi Emi i Evy Syao // Inostrannaya literatura.* 2014. № 6.
 8. *Spichak D.A.* Istoriya podgotovki kadrov kitayskoy kompartii i gomin'dana v moskovskikh uchebnykh tsentrakh kominterna: tseli, metody, rezul'taty (1921–1939 gg.). М., 2010.
 9. *Syao Emi.* Izbrannoe (Stikhi). М., 1954.
 10. *Eva Siao.* China: mein Traum, mein Leben. Bergisch Gladbach, 1990.
 11. *Pozhilov I.E.* Politika otkrytosti v kontseptsii "kitayskogo sotsializma" Chzhu De // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Тамбов, 2011. Вып. 12 (104). С. 361-366.
 12. *Cherkasskiy L.E.* Mayakovskiy v Kitae. М., 1976.
 13. Pervyy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley 1934. Stenograficheskiy otchet. М., 1934.
 14. *Cherkasskiy L.E.* Kitayskaya poeziya voennykh let. 1937–1949. М., 1980.
- БЛАГОДАРНОСТИ: Автор выражает особую признательность сыновьям Сяо Саня Виктору и Леону за помощь в подборе материала.
- Поступила в редакцию 11.02.2016 г.

UDC 821.581

XIAO SAN AND THE ORIGIN OF REVOLUTIONARY LITERATURE OF CHINA

Dmitriy Sergeevich KREBS, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Student of History, World Politics and Sociology Faculty, e-mail: d.krebs@yandex.ru

Literary work of famous Chinese revolutionary and poet, the author of Chinese text of "The Internationale" Xiao San is considered. The main theme of his creative work was revolutionary and national liberation struggle of Chinese people. Basing on archive materials which were not published yet, analysis of his creative work and memoirs of contemporaries, the personal way of becoming of Xiao San as a revolutionary poet and writer, the growth of his self-cognition under the influence of Soviet proletarian literature and active work in cultural life of the Soviet Union in 20–30-s of XX century are viewed. It is proved that new literature is considered as a part of revolutionary deed, being effective mean of propaganda both in the USSR and in China; the translation, literal and enlightener activity of Xiao San and the influence made on the arise in China of new revolutionary literature, mainly translating the Soviet authors, firstly of all, V.V. Mayakovsky. The research is interesting from point of view of literature development of this period and from the position of Soviet-Chinese relations thinking both in the context of socialistic revolutionary movement and interaction of two communist parties and the history public diplomacy and cultural contacts.

Key words: Xiao San; Emi Xiao; Chinese revolution; Chinese revolutionary literature.

УДК 821(091)

ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ АБИША КЕКИЛЬБАЕВА

© Наталья Канталиевна САРСЕКЕЕВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и мировой литературы;
академик Академии гуманитарных наук Республики Казахстан,
e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Рассмотрен гуманитарный дискурс исторических произведений казахского писателя Абиша Кекильбаевича Кекильбаева. Подробно освещается круг социально-нравственных проблем, разрешаемых писателем на философско-эстетическом уровне. Через нравственные уроки прошлого происходит осмысление современности. Изображая далекое прошлое, древнюю историю предков, затрагивая нравственные проблемы с глубоким общечеловеческим смыслом, писатель находит отклик с современностью. Лиро-эпические предания, народные сказания, сказочные мотивы вплетаются в повествование «Степных баллад» и «Конец легенды» при помощи повторов, инверсий, создающих романтический настрой. При помощи лирических средств изображения писатель стремится понять, в чем заключается смысл бытия, каковы место и роль человека на земле. Поиск новых форм и средств самовыражения способствует формированию авторского дискурса об одухотворенности человеческого бытия. Произведения А.К. Кекильбаева отличаются размытием жанровых границ, преодолением прежних эстетических и идеологических стереотипов, обращением к неомифологическому мышлению, строятся на осовремененных мифах, универсализации, опоре на вечное и непреходящее. В романе «Конец легенды» преобладают художественный вымысел, фантазия, философские размышления над такими категориями, как добро и зло, любовь и власть, истина и ложь. Монологический характер повествования, акцентирование внимания на нравственном аспекте отношений героев, философское осмысление событий, психологический анализ внутренней жизни персонажей свидетельствуют о мифопоэтической природе произведения. Постоянным символом романа является минарет. Минарет – главный символ романа, несущий в себе основные идеи произведения: власть, славу, любовь, искусство, тайну мира и человеческой души. В тюркском сознании минарет связан с символично-архитектурным единством медиативности, открывающим поэтику многозначного образа. Также в романе минарет является композиционным стержнем – все события так или иначе связаны с ним и происходят около него. Через образ минарета происходит противопоставление двух миров – верхнего и нижнего. Верхний – связан с образом неба, красоты, с миром мечты героев, нижний – с образом города, «муравейником», миром повседневной суеты. Символично и красное яблоко с червоточинкой, иллюстрирующее иллюзорность власти.

Ключевые слова: гуманитарный дискурс; автор; мифопоэтика; лиризм; образ; сюжет; символ; философский.

К творчеству народного писателя Казахстана, лауреата Государственной премии имени Абая, Президентской премии Мира и духовного согласия и многих других престижных наград в области литературы, полностью применимы слова лауреата Нобелевской премии, поэта Иосифа Бродского: *«Одна из заслуг литературы и состоит в том, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных...»* [1]. Действительно, творчество А.К. Кекильбаева, стремительно вошедшего в литературу Казахстана еще в начале 1960-х гг., помогает всем его читателям уточнить нравственные «координаты» нового времени, обрести свое «я» в его неудержимо меняющемся потоке

времени. Не случайно немало серьезных научных трудов посвящено литературному и критическому наследию известнейшего отечественного писателя современности, чьи произведения издавались и издаются на многих языках народов советского и постсоветского пространства, а также на немецком, венгерском, болгарском, турецком, монгольском и румынском языках. Кроме того, цикл «Баллады забытых лет» вышел в 2008 г. в переводе на английский язык в издательстве “Stacy International”.

Ушедший из жизни в декабре 2015 г., мастер литературной прозы и художественной критики, общественный деятель, Абиш Кекильбаевич Кекильбаев оставил яркий след в современной казахской культуре и литера-

туре. Особое место в творческом наследии писателя занимает историческая проза – романы «Конец легенды», «Плеяды – созвездие надежды», «Всполохи», повести «Баллады забытых лет», «Колодец» и др. В различных интерпретациях этих книг исследователями отмечалось стремление автора к масштабности изображения и одновременно глубочайшему лиризму, разносторонней проблематике с неизменной гуманитарной составляющей [2; 3 с. 329; 4–6]. Высокую оценку его книгам в разное время давали такие мастера пера, как Ч.Т. Айтматов, М.О. Ауэзов, Г.М. Мусрепов. Крупнейшее немецкое издательство “Die Welt” по итогам опроса среди читателей занесло имя А.К. Кекильбаева в список «Лучшие писатели XX века».

Историческая проза А.К. Кекильбаева неоднократно переводилась и издавалась в Москве. В 2003 г. в предисловии к изданным в российской столице «Степным легендам» исследователь Е.Ю. Сидоров, помимо иных достоинств, отмечал высокую филологическую культуру писателя, помогающую ему выдерживать *чистоту* стиливого тона произведений [7, с. 6]. Вероятно, в выработке собственного авторского дискурса немаловажную роль сыграли в т. ч. и переводы казахским автором ряда лучших произведений русской и мировой литературы.

Так, А.К. Кекильбаев перевел на казахский язык романы Г. Мопассана «Пьер и Жан», «Жизнь», «Война и мир» Л.Н. Толстого (отдельные главы), ряд произведений И.А. Бунина, А.П. Чехова, Г. Ибсена. В репертуар многих театров нашей страны в переводе А.К. Кекильбаева вошли лучшие пьесы У. Шекспира – «Король Лир» и «Ромео и Джульетта», искрящаяся «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Дон Жуан, или любовь к геометрии» М. Фриша, «В ночь лунного затмения» М. Карима и др.

В 2006 г. в Германии вышел на немецком языке роман писателя «Минарет, или Конец легенды», главный герой которого страстно желает изменить действительность с помощью искусства. Творческий потенциал героев, полное раскрытие способностей каждого отдельного человека наполнены особым смыслом для А.К. Кекильбаева. Материал для своих произведений он черпал из степной жизни, придавал ему форму балладной драматической прозы, пропуская через приз-

му собственного миропонимания. Будучи автором ряда серьезных научно-критических работ, писатель полагал, что сегодняшнюю современную казахскую литературу обогащают не только хрестоматийный опыт мировой классики, но и уроки текущего творческого процесса в других литературах, в частности, активизация исследовательского начала в осмыслении «метаморфоз национальной психологии» в новых условиях.

Как известно, 1960-е гг. стали особой вехой в становлении казахстанской литературы. Именно тогда национальная проза начала обретать новые качества: менялись формы и динамизм изображаемого, содержательно-композиционная структура, художественный психологизм достиг новых высот. Уже ранние произведения писателя заставляли мыслить по-новому, искать себя как личность, отражали целый спектр гуманистических проблем своего времени и далекой эпохи. Герои А.К. Кекильбаева, представители разных поколений, были всегда очень близки читателям, находивших в них созвучие собственным мыслям и переживаниям. Старики, прошедшие войну, молодежь, начинающая свой путь в жизни, дети наконец – все они изображались в сложных человеческих взаимоотношениях через призму глубокой внутренней связи прошлого и настоящего. Прозу писателя, несмотря на особый лиризм повествования, движет и глубокое эмоциональное чувство, и исследовательская мысль о сущности человека. По справедливому суждению Е.Ю. Сидорова, такая позиция заметно выделяла А.К. Кекильбаева среди многих авторов из Казахстана и Средней Азии, посвятивших свое творчество истории родной земли.

Совершающаяся на наших глазах смена мировоззренческих установок литературы конца XX – первых десятилетий XXI в. способствует максимальной индивидуализации авторского контекста. Писатели новейшей эпохи не связаны необходимостью следования определенным канонам прежних литературных систем, все более активно создают и провозглашают законы свободного творчества, активно экспериментируют в поисках новых форм, новых жанров и нового языка. Внешняя бессюжетность, эксперименты со словом, обилие ассоциаций, особенно в исторической прозе, вызывают все больший

интерес к образу автора и разным граням его сознания в художественных произведениях современных казахских авторов. Примером тому может служить творчество таких писателей, как Хасен Адибаев («Гибель Отрара», 2009), Дюсенбек Накипов («Круг пепла» и «Тень ветра», 2004–2006), Аслан Жаксылыков («Сны окаянных» и «Дом суриката», 2008–2009), Дидар Амантай («На вершинах Каркаралы», 2010) и многих других авторов, пишущих, как правило, на русском языке. Их творческий опыт не прошел мимо внимания отечественных ученых [8–12].

В своей «поэтической» прозе, как ее нередко определяли исследователи, писатель А.К. Кекильбаев выбрал собственный путь. Традиционно эпический вариант исторической романистики (творчество А. Толстого, В.Г. Яна, С.П. Бородина, И. Есенберлина, А.Т. Алимжанова и мн. др.) предполагал широкий охват событий, обстоятельств народной жизни, причин и следствий исторических событий, прослеженных в судьбах героев. Историческая проза А.К. Кекильбаева – лирическая, далекая от панорамного развития темы, сложных композиционных решений. Сокровенной темой писателя является исследование психологии человеческой природы, внутренних состояний героев. Опираясь на исторические источники и легенды, он воссоздает мир далекого прошлого, *«забытых лет»*, пытается проникнуть в психологическую и нравственную атмосферу исторической эпохи, соотнося ее с современностью.

Так, по мнению З.С. Кедриной, крупнейшего исследователя литературы народов Средней Азии и Казахстана, наиболее отчетливо творческая манера и стиль А.К. Кекильбаева проявились в «Балладе забытых лет», в ее пафосе человечности и гуманизма как основного назначения подлинного искусства. В основу произведения положено народное предание об известном в Степи народном кюйши Абыле – реальном человеке, жившем на рубеже XVIII–XIX вв. Согласно преданию, казахский певец был захвачен в плен туркменами во время их набега на казахские аулы. Однако плененный певец, музыкант и композитор сумел покорить захватчиков силой своего искусства, музыки и пения, тем самым способствовав установлению мира между народами.

На страницах произведения представлены жестоко враждующие между собой туркмены и их давняя вражда с одним из наиболее воинственных казахских родов – родом Адай. В этой кровавой расправе с ее убийствами, грабежами, жестокими пытками пленных обе стороны несут равную ответственность – бессмысленная вражда погубила немало единоверцев. И даже бескрайняя пустынная степь не в силах остановить батыров, унять их взаимную жажду убийства.

Автор убежден: нет никакого оправдания тем, кто стремится *«доказать свою правоту на древнее первородство в этом мире, под мангыстауским солнцем»* [7, с. 264]. Извращенные представления о доблести и славе выливаются в беспощадное истребление и унижение «врага», находят свое крайнее выражение в бесчеловечной расправе над пленными, которых после жестоких пыток превращают в лишенных памяти несчастных людей, не знающих своего родства, лишенных имени, уподобившимся животным, манкуртов (легенда о манкуртах впоследствии была мастерски разработана Ч.Т. Айтматовым в романе «И дольше века длится день»).

В «Балладе забытых лет» туркменский правитель рода Жонеут «не ведает страха, не признает жалости, не знает веселой улыбки», одержим одним чувством – чувством *«достойной»* мести своему противнику. Он потерял в кровавой войне с адайцами трех своих сыновей и любимого младшего брата, прозванного за его волчьи повадки Кекборе – Лютый Волк. Простодушный и самолюбивый Кекборе завидовал славе брата, его силе и умной отваге, именно зависть погнала его в последний безрассудный набег. В свою очередь, у убийцы Кекборе, дерзкого, бесстрашного адайского батыра Дюимкары, одно имя которого нагоняло страх на туркмен, последние захватили в плен его сородича – прославленного Абыла. Ситуация усугублена тем, что Жонеут не может оправиться после гибели своего младшего сына Даулета – домбриста, который в свое время состязался в мастерстве с Абылом.

Жесток и трагичен мир восточного средневековья в изображении писателя. Люди его, ослепленные гневом и гордыней, поправ законы человечности, готовы на преступления во имя «духов предков», ложно понятой чести. Таков Жонеут, ослепленный мстью и

к самому Дюимкаре, *«и ко всему его роду, и ко всем его потомкам»*... Однако ненависть и племенная вражда бессильны перед искусством музыканта-домбриста, особенно его последнего кюя, исполненного перед Жонеутом и его приближенными.

О чем же пел прославленный в Степи кюйши, чья музыка становится еще одним «голосом» повествования? О том, что *«люди напрасно коптят небо, если живут только для того, чтобы убивать друг друга. Чего им не хватает на этой божьей земле, под этим божьим небом? Не умеют они довольствоваться тем, что им дано, не умеют жить только необходимым для жизни – и это беда, ибо от зависти всегда будет черно у них на душе. И пока алчность их ненасытна, тесно им будет в родном доме, тесно в просторных степях родной земли... Человек не должен видеть в другом человеке врага...»* [7, с. 320].

Даже негибемый воитель Жонеут, словно окаменевший, не обронивший ни слезинки за сорок дней и ночей, прошедших после гибели своего последнего сына, изо всех сил пытается не поддаться *«наваждению этого казаха-кюйши»*. Однако помимо воли по лицу гордого старого батыра текут слезы, и он впервые в жизни, может быть, открывает в себе незнакомое ранее чувство сострадания. Однако чуда преображения героя не происходит. Чтобы не показаться перед своими людьми слабым, утратившим мужество и воинский дух предводителем, домбриста по приказу Жонеута предадут мучительной смерти: закапывают в землю живым... И хотя Жонеуту удалось преодолеть минутную «слабость», с тех пор его ждет пустота одиночества среди сородичей, а вся его жизнь перестает разделяться на сон и явь, одинаково наполненные терзаниями и кошмарами.

И только в снах он жалуется казненному домбристу-пленнику из рода Адай на эту *«бессмысленную, тупую жизнь»*, по-прежнему утверждая, что *«если людям дать полную волю, если люди не будут знать страха, то они распустиятся вконец»*. Его преследует одна и та же жуткая картина: голова казненного, возвышающаяся над землей, дикие звери, подкрадывающиеся к ней, а порой голова музыканта оборачивается головой его покойного любимца-сына Даулета... Бесславна и закономерна гибель Жонеута не в бою, а от

удара о притолоку двери его юрты, когда он пытался убежать от звуков знакомой мелодии кюя.

Нравственный и творческий потенциал народа в изображении писателя позволяет ему выйти победителем в противоборстве с деспотической, глухой к народным чаяниям властью тирании и деспотизма. Маленький племянник Жонеута Курбан сумел повторить однажды услышанный кюй казненного домбриста, а копатель колодцев (кудукчи) Енsep из повести «Колодец» смог в результате каторжного труда и ценой собственной жизни напоить местных жителей чистой водой из подземной реки. В «Хатынгольской балладе» сам «Повелитель Вселенной» Чингисхан оказывается побежденным в поединке с опозоренной, но не сломленной мужественной женщиной, в память о которой люди воздвигли высокий поминальный холм, ставший священным для каждого прохожего, каждого путника.

В основу сюжета романа «Конец легенды» положена фабула, заимствованная из восточной притчи. Перед читателем разворачивается история последних месяцев жизни легендарного Тамерлана, прозванного в народе «железным» за его не знающую пределов жестокость. Желание беспредельной власти над всем и вся заявлено уже на первых страницах, воссоздающих противоборство Повелителя (так он назван в романе) и его войска, возвращающихся из похода, со стихией Великой пустыни. Бушующий в течение пяти суток раскаленный песчаный смерч, жестокий ветер, кажется, смешали землю и небо, валили с ног изнуренных людей и коней: *«Смерч, возбуждаясь, крепчая, гулял, свистел по всей вселенной... И, казалось, не угомонится он никогда, не уймется, пока не разнесет, не развеет всю землю в прах... Однако, чувствуя какое-либо сопротивление, он (Повелитель. – Н. С.) становился упрямее, ожесточеннее... В самом деле, кто могущественнее на этом свете: этот шальной, безумный ветер, лишь дважды – в весеннюю и осеннюю пору – обрушивающийся на землю, или, он, владыка, способный при желании перевернуть вверх тормашками весь этот бренный мир?!»* [7, с. 15].

Герои романа, каждый по-своему, открывают для себя *«суету земной жизни, где происходит вечная борьба между добром и*

злом, отчаянием и надеждой». Голос повествователя незримо присутствует и дополняет речь Повелителя: *«Много стран и народов он покорил. Однако, чтобы в будущих походах не думать о покоренных уже странах и не тратить силы на подавление возможных мятежей, он приказал заблаговременно истребить всех побежденных воинов. Теперь уж можно не оглядываться»* [7, с. 21]. Образ Повелителя в романе создается через призму различных психологических состояний героя, но доминирующим представляется чувство внутреннего беспокойства, смятения, охватившего стареющего деспота, *«утопившего в крови половину вселенной»*. По сути, перед нами поток сознания героя, размышляющего о бессмысленности суеты самой жизни, о своем прошлом. Однако, подобно Жонеуту, *«он не позволял себе передумывать то, что было однажды решено»*, свято веря в исключительное право «сильной личности» управлять всеми и вся. Автор словно дает ему возможность выговориться, довольно часто речь персонажа переходит в лирико-философские рассуждения, к которым подключается повествователь. Беспокойство Повелителя усугубляется рядом обстоятельств: видом величественной голубой башни, которой раньше не было в его столице; красным наливным яблоком, дважды принесенном ему служанкой, из которого выползает червь... Минарет, *«вызывающе гордо устремившийся к бескрайней шире неба»*, был построен в его отсутствие, как выражение преданной любви к нему согласно приказу юной жены Повелителя, Младшей Ханши. Что касается яблока с червоточиной, то оно было прислано согласно распоряжению Великой Ханши в качестве намека на измену, предательство.

С другой стороны, Повелителя приятно тешит самолюбие – такого чуда не было ни в одном другом городе мира, *«ей (башне. – Н. С.) отныне суждено глядеть свысока на весь необъятный покоренный мир, точно гордый ханский стяг – символ его всемогущества»*. Безмерность власти опустошила и изуродовала и жизнь, и душу тирана. Интересно, что в романе нет ни одной негативной оценки относительно Повелителя – прямые авторские характеристики вообще не характерны для писателя. Что касается характеристик других персонажей (Старшей и Младшей

Ханши, сыновей Повелителя, Жаппара и его отца, старой служанки и других), как правило, персонажи раскрываются при помощи саморефлексий, взаимных оценок и анализа их повествователем.

Строительство башни (минарета), согласно задумке Младшей Ханши, должно было продемонстрировать силу ее любви к Повелителю и верности. Однако задуманное и успешно осуществленное оборачивается и своей парадоксальной стороной – *«незаконной»* любовью юной женщины и строителя башни. Чем более углубляются их чувства друг к другу, тем выше изо дня в день поднимается минарет. В отличие от зодчего, Великий Повелитель видит в минарете нечто свойственное ему самому: *«башню видать на краю земли, и она милостиво манит, влечет к себе всех, но – когда окажешься рядом – становится строгой и недоступной, как сам повелитель...»*. Персонажи «Конца легенды» не имеют готовых ответов на вопросы, поставленные перед ними жизнью, они ищут и находят их в самом процессе ее *«проживания»*. Именно этим отличается роман – изображением сокровенных движений психологических состояний персонажей, образующим свой «внутренний» сюжет.

В итоге юношу-зодчего Жаппара ослепляют, вырывают язык согласно велению хана, а юная, ни в чем не повинная ханша оказывается в опале. Однако и это не приносит Повелителю успокоения: напротив, в последние минуты жизни он убеждается в своем бессилии перед вечными ее законами. Молодой слепец неотступно стоит перед его глазами, и ему не страшны ни сам Великий Повелитель, ни его бесчисленное войско. Могущество подлинной любви и ее вечное возрождение, запечатленное в облике башни, оказываются сильнее власти *«златокоронного властелина»*.

Идея «строительства храма», положенная в основу сюжета романа, придает особый смысл повествованию, задает ценностные ориентиры. Концепт храма человеческой души, «строящейся» из идеальных человеческих устремлений к Истине и духовности, представлен во всех памятниках мировой культуры, в т. ч. в Библии и в Коране. Не случайно Жаппар, чтобы *«не задохнуться в этой смрадной житейской грязи, отчаянно карабкается, лезет вверх по крутой ка-*

менной башне, туда, к синею, призрачному поднебесью» [7, с. 94]. Безграничная власть над людьми уродует и жизнь, и душу тиранов, опустошая ее, лишая сна и покоя. Однако ни одному тирану не под силу истребить силы добра и света, вечно живущие в душе народа и определяющие его путь в будущее. Душа народа остается на века запечатленной в музыке, древних легендах, каменных сооружениях. Зло неминуемо обречено до тех пор, пока существуют порывы человеческой души «к небу». Свойство подлинной литературы в том, что, постигая душу одного народа, она становится выразителем всечеловеческой души. Именно об этом писал Абиш Кекилбаевич Кекильбаев, доверявший истории и напомиравший об ее мудрых уроках в контексте современной гуманитарной мысли.

1. *Бродский И.* Нобелевская лекция. URL: http://royallib.com/book/brodskiy_iosif/nobelevskaya_lektsiya.html (дата обращения: 08.01.2016).
2. *Исина Н.У.* Автор и герой в прозе А. Кекильбаева (на материале цикла повестей «Степные легенды»); автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1995.
3. *Исмакова А.* Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало Х в. и современность): монография. Алматы, 1998.
4. *Жанузакова К.Т., Дуйсекеева Б.* Художественно-стилевые поиски в ранних произведениях Абиша Кекильбаева. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2015/Philologia/2_185857.doc.htm (дата обращения: 08.01.2016).
5. *Шашкова Л.* Литература эпохи перемен // Простор. 2010. № 12. С. 174-176.
6. *Арцишевский А.* Абиш Кекильбаев: жизнь и легенда. URL: <http://camonitor.kz/20507-abish-kekilbaev-zhizn-i-legenda.html> (дата обращения: 08.01.2016).
7. *Кекильбаев А.* Степные легенды / пер. с каз. А. Кима. М., 2003.
8. *Жанузакова К.Т., Утепбергенова Г.* Проблема традиций и новаторства в казахской прозе // Вестник КазНУ. Серия Филология. 2014. № 4-5 (150-151). С. 51-57.
9. *Сарсекеева Н.К.* Традиции и новаторство казахстанского романа на рубеже XX–XXI вв. // 6 Багизбаевские чтения. Состояние и перспективы современной филологии: материалы научной конференции, посвященной 80-летию КазНУ им. аль-Фараби. Алматы, 2014. С. 66-69.
10. *Azizova A.O., Zholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K.* Dialogic Orientation of Discourse in Contemporary Kazakh Novel // The Social sciences. 2015. № 10. P. 1337-1342.
11. *Темірболат А.Б.* Проблема хронотопа в современной прозе. Алматы, 2003. С. 145-147.
12. *Образ мира, в слове явленный: монография / под ред. У.К. Абишевой.* Алматы, 2015.
1. *Brodskiy I.* Nobelevskaya lektsiya. URL: http://royallib.com/book/brodskiy_iosif/nobelevskaya_lektsiya.html (data obrashcheniya: 08.01.2016).
2. *Isina N.U.* Avtor i geroy v proze A. Kekil'baeva (na materiale tsikla povestey "Stepnye legendy"): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Almaty, 1995.
3. *Ismakova A.* Kazakhskaya khudozhestvennaya proza. Poetika, zhanr, stil' (nachalo XX v. i sovremennost'): monografiya. Almaty, 1998.
4. *Zhanuzakova K.T., Duysekeeva B.* Khudozhestvenno-stilevye poiski v rannikh proizvedeniyakh Abisha Kekil'baeva. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2015/Philologia/2_185857.doc.htm (data obrashcheniya: 08.01.2016).
5. *Shashkova L.* Literatura epokhi peremen // Prostor. 2010. № 12. S. 174-176.
6. *Artsishevskiy A.* Abish Kekil'baev: zhizn' i legenda. URL: <http://camonitor.kz/20507-abish-kekilbaev-zhizn-i-legenda.html> (data obrashcheniya: 08.01.2016).
7. *Kekil'baev A.* Stepnye legendy / per. s kaz. A. Kima. M., 2003.
8. *Zhanuzakova K.T., Utepbergenova G.* Problema traditsiy i novatorstva v kazakhskoy proze // Vestnik KazNU. Seriya Filologiya. 2014. № 4-5 (150-151). S. 51-57.
9. *Sarsekeeva N.K.* Traditsii i novatorstvo kazakhstanskogo romana na rubezhe XX–XXI vv. // 6 Bagizbaevskie chteniya. Sostoyanie i perspektivy sovremennoy filologii: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu KazNU im. al'-Farabi. Almaty, 2014. S. 66-69.
11. *Azizova A.O., Zholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K.* Dialogic Orientation of Discourse in Contemporary Kazakh Novel // The Social sciences. 2015. № 10. P. 1337-1342.
12. *Temirbolat A.B.* Problema khronotopa v sovremennoy proze. Almaty, 2003. S. 145-147.
13. *Obraz mira, v slove yavlennoy: monografiya / pod red. U.K. Abishevoy.* Almaty, 2015.

Поступила в редакцию 25.02.2016 г.

UDC 821(091)

HUMANITARIAN DISCOURSE OF ABISH KEKILBAYEV'S HISTORICAL PROSE

Natalya Kantalieva SARSEKEEVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and World Literature Department; Academician of Humanities Academy of Republic of Kazakhstan, e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

The humanitarian discourse of historical works of Kazakh writer Abish Kekilbayevich Kekilbayev is considered. The range of social and moral issues, resolved by the writer at philosophical and aesthetic level is illustrated in detail. Through the moral lessons of the past comes comprehension of the present. Playing the distant past, the ancient history of their ancestors, touching the moral problems with a deep sense of universal writer resonates with modernity. Lyrical-epic legends, folk tales, fairy-tale motifs are woven into the story of "Steppe Ballads" and "End of the legend" with repetitions, inversions, creating romantic mood. With the help of lyrical image means the writer seeks to understand what is the meaning of life, what is the place and role of man on earth. The search for new forms and means of expression contributes to the formation of copyright discourse on spirituality of the human being. A.K. Kekilbayev's works vary blurring of genre boundaries, overcoming the previous aesthetic and ideological stereotypes, appeal to neomifological thinking, built on the modernized myths universalization, relying on the eternal and unchangeable. In the novel "End of Legend" dominate fiction, fantasy, philosophical reflection on categories such as good and evil, love and power, truth and lie. Monologic character of the narrative, focusing on the moral aspect of the relationship of heroes, philosophical understanding of the events, the psychological analysis of the inner life of the characters shows mythopoetic nature of the work. Permanent symbol of the novel is the minaret. Minaret – the main symbol of the novel that carries the basic idea of the work: power, fame, love, art, the mystery of the world and the human soul. In the minds of Turkish, minaret is associated with symbolic and architectural unity of mediation, opening the poetics of a multi-valued image. The minaret in novel is also the main composite basis – all events in one way or another connected with him and come near him. Through the image of the minaret there is the opposition of two worlds – the upper and lower. Upper – bound to the image of the sky, of beauty, with the world dreams of heroes, the bottom – with the image of the city, with the "anthill", with the world of everyday bustle. Symbolic red apple with worm-hole shows the illusory nature of power.

Key words: humanitarian discourse; the author; mythopoetics; lyricism; image; plot; symbol; philosophical.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 378

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ВОПРОС СООТНОШЕНИЯ

© Людмила Николаевна МАКАРОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук,
профессор, профессор кафедры общей педагогики и психологии,
e-mail: mako20@inbox.ru

© Анна Валерьевна КОРОЛЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей педагогики и психологии,
e-mail: anna-valerevna@yandex.ru

Обоснована необходимость поиска способов максимально эффективного использования индивидуальных познавательных ресурсов личности. Познавательный стиль конкретной личности рассмотрен как совокупность индивидуально-своеобразных способов изучения реальности и как процессуальная характеристика интеллектуальной деятельности. Познавательный стиль может конкретизироваться: в стилях кодирования информации, стилях переработки информации, стилях постановки проблем. Когнитивный стиль определен как собирательное понятие для относительно устойчивых способов познавательной деятельности, познавательных стратегий, заключающихся в своеобразных приемах получения и переработки информации, а также приемов ее воспроизведения и способов контроля. Проанализирована сущность когнитивных стилей, приведен анализ их взаимосвязи с другими психическими процессами и явлениями. Обосновано, что мышление человека является частным проявлением его когнитивного стиля, т. е. когнитивный стиль представляет собой подсистему индивидуального стиля деятельности, отражающую его гностические компоненты – способы приема и переработки информации, которые проявляются в индивидуальной специфике организации познавательных процессов. Проведено сопоставление влияния когнитивных стилей на процесс развития профессионально-ориентированного критического мышления студентов гуманитарных специальностей. Составлена иерархия взаимосвязи характеристик когнитивных стилей и критического мышления студентов гуманитарных специальностей.

Ключевые слова: индивидуальный познавательный стиль; когнитивный стиль; мышление; критическое мышление; гуманитарное образование; профессионализация; студенты гуманитарных специальностей; компетенции; характеристики гуманитарных специальностей; взаимосвязь стиля и мышления.

В настоящее время в педагогике и психологии активно разрабатывается проблема индивидуализации интеллектуальной деятельности личности, ведется поиск способов максимально эффективного использования индивидуальных познавательных ресурсов. Интеллектуальные возможности человека проявляются, прежде всего, в том, как он воспринимает, понимает и объясняет окружающую действительность, как и какие ре-

шения он принимает в зависимости от индивидуальных познавательных склонностей, предпочитаемых способов познания, избирательности в выборе содержания информации и т. д.

Познавательные психические процессы являются точкой отсчета, началом координат в процессе получения нового знания: с чем бы человек ни сталкивался, самой первой на это столкновение будет реагировать система познания, сложившаяся в сознании в результате становления его характера, воспитания,

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-36-01024.

обучения, наблюдения и размышления об окружающем мире, т. е. его когнитивная система. С помощью этой системы человек ставит себе цели и принимает решения о том, как надо действовать в той или иной ситуации, стараясь избежать когнитивного диссонанса.

Индивидуально-своеобразные способы изучения реальности представляют собой познавательный стиль конкретной личности, который является процессуальной характеристикой интеллектуальной деятельности. Соответственно, разные стили могут обеспечивать одинаково высокую успешность решения определенной задачи. Познавательный стиль может конкретизироваться в стилях кодирования информации (словесно-речевой, визуально-пространственный, предметно-практический и чувственно-эмоциональный) [1; 2], стилях переработки информации (способы ее восприятия, анализа, категоризации, оценивания и т. д.), стилях постановки проблем (адаптивный, эвристический, исследовательский, инновационный, смыслопорождающий) [3; 4].

Собирательным понятием для относительно устойчивых способов познавательной деятельности, познавательных стратегий, заключающихся в своеобразных приемах получения и переработки информации, а также приемов ее воспроизведения и способов контроля в психологии является «когнитивный стиль». Когнитивные стили характеризуют типические особенности интеллектуальной деятельности, включающей восприятие, мышление и действия, связанные с решением познавательных задач преимущественно в ситуации неопределенности. Г. Клаус отмечает, что «выраженность когнитивных стилей меняется на протяжении онтогенетического развития, но остается удивительно постоянной у каждого конкретного человека, если сравнивать его показатели с уровнем той возрастной группы, к которой он относится» [5, с. 56].

Когнитивный стиль, связанный с различными аспектами функционирования познавательной сферы, считается стабильной индивидуальной характеристикой способов взаимодействия человека с информационным полем. В зарубежной и отечественной литературе можно встретить упоминание около полутора десятков различных когнитивных

стилей. Однако уже первые результаты ясно показали, что исследователи имеют дело с психологической реальностью, анализ природы которой не может быть ограничен пониманием стиля только как когнитивной переменной.

Мы рассматриваем когнитивный стиль в широком смысле как устойчивые процессуальные особенности познавательной деятельности, которые характеризуют своеобразие способов получения и переработки информации, используемых субъектами познавательных стратегий, а также способов воспроизведения информации и способов контроля. Сопоставление индивидов с разными типами когнитивного стиля дает сложную картину различий между ними также и в результатах выполнения некоторых видов деятельности. Так, согласно исследованиям К. Брауна, люди с аналитическим стилем лучше выполняют тесты на идентификацию понятий, а лица с неаналитическим стилем – прочие вербальные тесты. Найдены значимые связи когнитивного стиля с различиями в запоминании и узнавании случайно предъявляемых слов, а также с успешностью решения некоторых проблем.

Когнитивные стили индивидуальны и достаточно сильно отличаются у разных людей. Они делают доступной для восприятия только ту часть информации, для приема которой у человека есть подходящие когнитивные средства. Остальная информация либо полностью игнорируется, либо частично искажается, что приводит к непониманию, «пробелам» в знаниях. И если эти «пробелы», появившиеся в процессе школьного обучения, могут быть скорректированы дальнейшим обучением, то лакуны в профессиональных знаниях могут в значительной степени снизить профессиональную мотивацию, породить низкий уровень профессионализма и, как следствие, уход из профессии. При таких вероятностях необходимость работы над развитием и коррекцией у студентов вузов когнитивных стилей является более чем актуальной.

Вместе с тем широта и неоднозначное понимание сути когнитивного стиля существенно затрудняют процессы его целенаправленного развития / изменения. В связи с этим нам представляется целесообразным говорить не просто о развитии когнитивного сти-

ля студента в процессе его профессионального образования, а о конкретизации его термином «профессиональное мышление». Приведем обоснование нашей позиции.

В широком смысле мышление трактуется как активная деятельность, направленная на познание, а также как внутренний процесс планирования и регулирования деятельности. Такая интерпретация мышления позволяет учитывать его взаимосвязь с другими психическими процессами и используется в исследованиях, связанных с развитием познавательной деятельности, различных ее стадий и способов осуществления, т. е. с когнитивным стилем. В связи с этим мы можем утверждать, что мышление человека является частным проявлением его когнитивного стиля, т. к. когнитивный стиль представляет собой подсистему индивидуального стиля деятельности, отражающую его гностические компоненты – способы приема и переработки информации, которые проявляются в индивидуальной специфике организации познавательных процессов [6].

Вместе с тем результаты мыслительной деятельности оказывают существенное влияние на преобразование понятий, представлений, мнений, суждений, оценок, которые, в свою очередь, приводят к изменениям и в когнитивном стиле, что демонстрирует их взаимосвязь и взаимозависимость. То есть одним из самых доступных способов преобразования когнитивного стиля человека является развитие и / или выработка мышления, определенного спецификой сферы применения. Соответственно, чем эта сфера обширнее и значимей для личности, тем более заметным преобразованиям подвергается когнитивный стиль, т. к. он актуализируется, исходя из стремления субъекта находиться в согласии со своей индивидуальностью и окружающим миром, потребности во внутренней гармонии на основе саморегуляции, что определяется понятием аутентичности.

Одной из таких содержательных и значимых сторон развития личности выступает ее профессионализация, которая охватывает большую часть жизни человека и качественно ее определяя, отражает в себе суть, принципы, закономерности социализации. В самом общем виде профессионализация может трактоваться как процесс вхождения инди-

вида в профессиональную среду, овладение знаниями, навыками профессиональной среды, принятие ценностей и активная реализация, самовыражение посредством профессиональной деятельности.

Психология труда занимается исследованием особенностей психических процессов (ощущения, восприятия, внимания, представления, памяти, мышления) как регуляторов трудовой деятельности, поэтому в процессе профессионализации большое внимание уделяется вопросам развития особого, профессионально-ориентированного мышления как инструмента не только решения профессиональных задач, но и личностного преобразования специалиста посредством принятия профессиональных условий, норм, целей и ценностей, а следовательно, и преобразования его когнитивного стиля.

Учитывая вышеуказанные особенности получения личностью новых знаний (наличия или отсутствия необходимых когнитивных средств) и специфику профессиональных знаний, которые должны быть усвоены в процессе профессионального образования, целесообразно уделить особое внимание в начале профессионального обучения разрешению противоречий между этими компонентами, т. к. их игнорирование является серьезным препятствием на пути профессионализации личности. Соответственно, одним из важнейших условий качественного образования является изначально четкое представление о том, какие специфические характеристики имеет та или иная профессия.

Проведенное нами исследование сущности гуманитарного образования позволило выделить следующие основные характеристики этого явления: 1) научность; 2) гуманистичность; 3) творчество; 4) культурологичность; 5) социальная ориентированность; 6) нравственность. Все эти характеристики не только не противоречат, но и дополняют друг друга, что придает большую адекватность их выделению. На основе выделенных характеристик, опираясь на классификацию компетенций, разработанную И.А. Зимней, нами был составлен перечень компетенций студентов гуманитарных специальностей [7]. В результате была создана схема, отражающая взаимосвязь компетенций и характеристик гуманитарных специальностей (рис. 1).

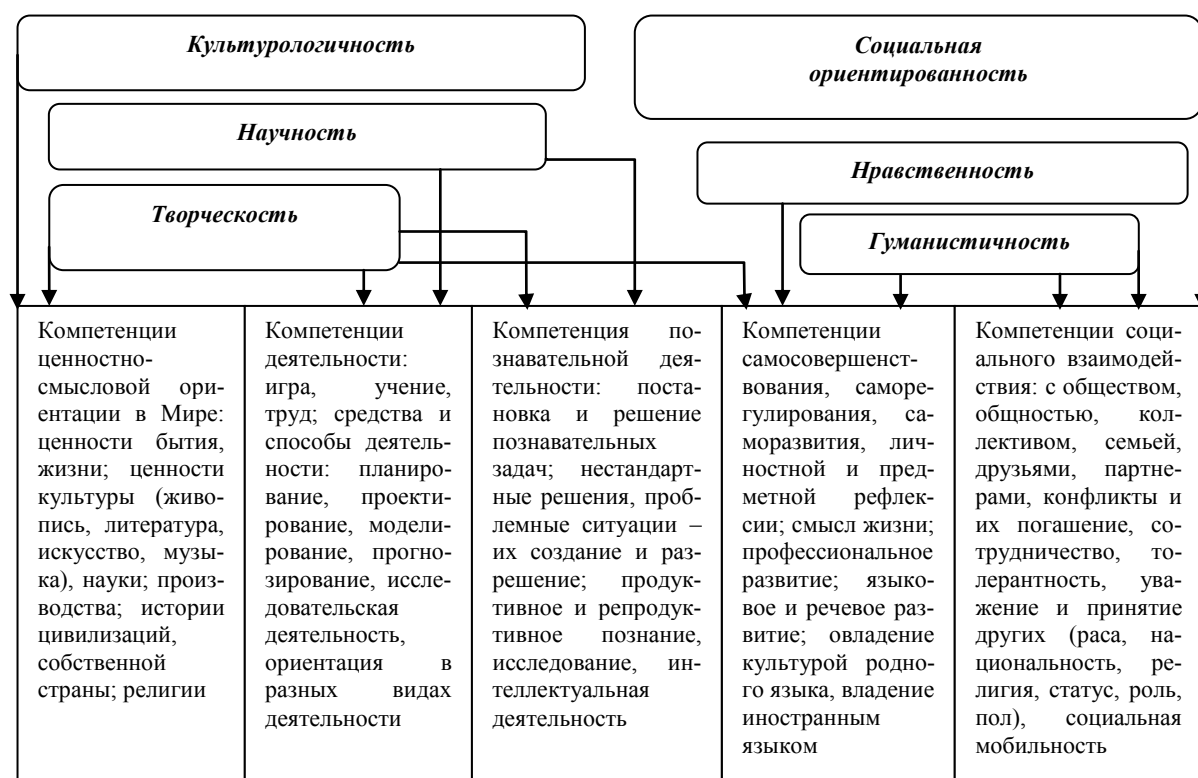

Рис. 1. Взаимосвязь компетенций и характеристик гуманитарных специальностей

Полученные данные дают представление о том, какие качества и характеристики личности должны формироваться в процессе профессионального становления студентов-гуманитариев. Однако само по себе знание о необходимости формирования определенных качеств, с одной стороны, не может дать практических результатов, а с другой – вызывает закономерный вопрос о том связующем звене, которое должно объединять все эти качества и быть основой их формирования и развития – мышлении и определенном когнитивном стиле.

Исходя из выявленных выше особенностей взаимосвязи процесса профессионализации и когнитивного стиля, связанного, главным образом, с развитием специфики профессионально-ориентированного стиля мышления, мы сформулировали следующую гипотезу:

- одним из значимых видов мышления, которым должны обладать носители гуманитарных специальностей, является критическое мышление;
- индивидуальный когнитивный стиль студентов гуманитарных специальностей должен быть использован в процессе обучения таким образом, чтобы обеспечить воз-

можность формирования критического стиля мышления;

– в свою очередь эти взаимосвязанные процессы должны привести к изменению в восприятии, анализе, категоризации и оценивании поступающей информации студентом гуманитарного профиля.

Приведем теоретическое доказательство данной гипотезы. Место и значимость критического мышления в процессе профессионализации студентов гуманитарных специальностей нами было доказано в ряде статей, поэтому мы считаем не целесообразным приводить эти доводы в данном исследовании, а лишь воспользуемся полученными ранее данными [8; 9].

Анализ характеристик критического мышления, содержащихся в определениях различных авторов, показывает, что основными из них являются: *организованность, рациональность, целенаправленность, рефлексивность, аналитичность, логичность*. Соответственно, для выявления особенностей когнитивных стилей, необходимых для развития критического мышления, воспользуемся характеристикой когнитивных стилей по Б.Л. Ливер (табл. 1) [10, с. 68].

Таблица 1

Характеристика когнитивных стилей

Стиль	Определение	Типичные черты
Доминирование полушарий (правое-левое)	Доминирование полушария означает систему предпочтений в отношении специфических каналов поступления информации и специфических интересов	<i>Левое:</i> предрасположены к вербальным видам деятельности, обычно аналитики, успешны в словесности и точных науках, склонны к понятийному мышлению и рефлексии, дискретно преобразуют информацию. Хорошая произвольная память. <i>Правое:</i> склонны к синтезу, интуитивному, образному мышлению, обладают пространственным воображением, успешны в музыке и искусстве, предпочитают целостное (гештальт) восприятие, эмоциональность, эмпатичность
Контекст (поле) зависимость – контекст (поле) независимость	Типы отражают степень дифференцированности поля восприятия (умение при восприятии предмета выделить фигуру и фон), влияют на вид «Я-концепции», характер взаимодействия с людьми и т. д.	<i>Контекст-зависимые:</i> неспособны отделить необходимую информацию от «фоновой», зависимы от ситуации, имеют нерасчлененные представления о себе и мире, успешны в общении. <i>Контекст-независимые:</i> легко отделяют существенную информацию от второстепенной, не зависят от внешней ситуации и мнений, имеют дифференцированные представления о себе и мире
Усилители – усреднители	Типы отражают узость – широту зоны эквивалентности понятий, влияют на особенности построения классификации информации	<i>Усилители:</i> нацелены на нахождение различий между объектами. <i>Усреднители:</i> нацелены на нахождение сходства между объектами
Преобладание дедуктивного – индуктивного мышления	Типы отражают преобладание в рассуждениях дедуктивного или индуктивного порядка	<i>Дедуктивное</i> мышление: порядок рассуждения – от общего к частному. <i>Индуктивное</i> мышление: порядок рассуждения от частного к общему
Аналитики – синтетики	Типы отражают способ оперирования информацией для понимания ее смысла	<i>Аналитики:</i> анализируют, разбивают целое на части. <i>Синтетики:</i> интегрируют, строят целое из частей
Преобладание абстрактного – конкретного типа мышления	Типы определяются уровнем концептуализации – преимущественным уровнем абстрагирования при восприятии предметов	<i>Абстрактный</i> тип: мыслят на уровне концепций, источник включается в общую понятийную систему, которая достаточно подвижна. <i>Конкретный</i> тип: лучше воспринимают то, что «можно пощупать», прагматичны, привязаны в пространстве и времени к источнику информации, склонны к схематизации
Преобладание конвергентного – дивергентного мышления	Типы отражают необходимость строгого порядка поступления информации для овладения и оперирования ею	<i>Конвергентный</i> тип: склонны к порядку, педантичны, требуют внешней организации действия. <i>Дивергентный</i> тип: склонны к свободе, широким границам в деятельности, не терпят схем и ограничений
Импульсивный – рефлексивный тип	Типы определяются характером реагирования в ситуации решения задач	<i>Импульсивный</i> тип: учатся методом проб и ошибок, отличаются быстротой реакции, быстро принимают решения. <i>Рефлексивный</i> тип: требуют времени на усвоение и обработку информации, начинают действовать, внутренне сформулировав гипотезу, осторожно, взвешенно
Визуальный, аудиальный, кинестетический типы	Типы определяются по ведущему каналу восприятия информации	<i>Визуалы:</i> преимущественно зрительное восприятие, мыслят «слайдами», легко переходят от темы к теме. <i>Аудиалы:</i> преимущественно воспринимают информацию на слух, важны хорошо звучащие формулировки, склонны «застрывать» на деталях. <i>Кинестетики:</i> учатся на собственном опыте деятельности, сильно развита интуиция, слабо помнят детали

Рис. 2. Пирамида профессионализации студентов гуманитарных специальностей

Сопоставление характеристик критического мышления с когнитивными стилями и характеристикой гуманитарных специальностей на предмет их сопряженности позволил сделать вывод о целесообразности развития у студентов гуманитарных специальностей ряда когнитивных стилей.

Так, контекст-независимый стиль необходим студентам для построения объективной, научной картины мира на основе логики и критической оценки воспринимаемой информации. Усреднительный является важным, т. к. гуманитарные знания имеют мировоззренческий характер, и только усвоение совокупности этих знаний приводит к овладению профессией. Вместе с тем получение и критический отбор качественного материала для построения мировоззрения возможно только при тщательном изучении частей исследуемого, что делает важным развитие дедуктивного и аналитического когнитивного стиля у гуманитариев.

Одной из характеристик гуманитарных специальностей является научность, которой соответствует абстрактный когнитивный стиль. Конвергентный стиль используется при построении объективной, критически выверенной картины мира, что невозможно без контроля над собственными познавательными процессами и хранением получаемой информации в определенном порядке,

подчиненном логике. Это, в свою очередь, требует от студента-гуманитария развития рефлексивного стиля как оценочного средства собственной деятельности на предмет адекватности и логичности.

В общем виде иерархию взаимоотношений между критическим мышлением, когнитивными стилями и характеристиками гуманитарных специальностей можно представить в виде «Пирамиды профессионализации студентов гуманитарных специальностей» (рис. 2).

Фундамент пирамиды составляют характеристики гуманитарных специальностей как основа и ориентир развития студента, далее – когнитивные стили, выражающие конкретные умения и навыки, которыми должен овладеть студент для развития профессионально ориентированного критического мышления, являющегося одной из основных целей профессионального гуманитарного образования специалиста. Однако все составляющие данной пирамиды являются равноценными, и отсутствие одного из элементов может привести к дисгармонии процесса профессионализации. Таким образом, выдвинутая нами гипотеза получила теоретическое подтверждение, но она требует практической проверки посредством формирующего эксперимента, проведение которого станет нашей следующей научной задачей.

1. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М., 2002.
2. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Мышление и интеллект. Л., 1976.
3. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983.
4. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе интеллектуального ума. М., 2002.
5. *Клаус Г.* Введение в дифференциальную психологию учения. М., 1987.
6. *Макарова Л.Н.* Критическое мышление и индивидуальный стиль деятельности преподавателя вуза: вопрос взаимосвязи // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 8 (136). С. 51-59.
7. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
8. *Королева А.В.* О сущности понятия «критическое мышление социального педагога» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 3 (83). С. 116-122.
9. *Макарова Л.Н., Королева А.В.* Характеристика проблемных зон развития критического мышления студентов гуманитарных специальностей // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. Т. 261. № 2. С. 103-108.
10. *Ливер Б.Л.* Методика индивидуализированного обучения иностранному языку с учетом влияния когнитивных стилей на процесс его усвоения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
1. *Kholodnaya M.A.* Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya. M., 2002.
2. *Vekker L.M.* Psikhicheskie protsessy. Myshlenie i intellekt. L., 1976.
3. *Bogoyavlenskaya D.B.* Intellectual'naya aktivnost' kak problema tvorchestva. Rostov n/D, 1983.
4. *Kholodnaya M.A.* Kognitivnye stili: O prirode intellektual'nogo uma. M., 2002.
5. *Klaus G.* Vvedenie v differentsial'nuyu psikhologiyu ucheniya. M., 1987.
6. *Makarova L.N.* Kriticheskoe myshlenie i individual'nyy stil' deyatel'nosti prepodavatelya vuza: vopros vzaimosvyazi // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2014. Vyp. 8 (136). S. 51-59.
7. *Zimnyaya I.A.* Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya // Vysshee obrazovanie segodnya. 2003. № 5. S. 34-42.
8. *Koroleva A.V.* O sushchnosti ponyatiya "kriticheskoe myshlenie sotsial'nogo pedagoga" // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2010. Vyp. 3 (83). S. 116-122.
9. *Makarova L.N., Koroleva A.V.* Kharakteristika problemnykh zon razvitiya kriticheskogo myshleniya studentov gumanitarnykh spetsial'nostey // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. T. 261. № 2. S. 103-108.
10. *Liver B.L.* Metodika individualizirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku s uchetom vliyaniya kognitivnykh stiley na protsess ego usvoeniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2000.

Поступила в редакцию 14.03.2016 г.

UDC 808.5

COGNITIVE STYLES AND CRITICAL THINKING OF HUMANITARIAN SPECIALTIES STUDENTS: QUESTION OF CORRELATION

Lyudmila Nikolaevna MAKAROVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of General Pedagogy and Psychology Department, e-mail: mako20@inbox.ru

Anna Valerevna KOROLEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of General Pedagogy and Psychology Department, e-mail: anna-valerevnak@yandex.ru

The necessity to find the way of maximally effective use of individual cognitive resources of personality is founded. Cognitive style of concrete personality is considered as total individual-special ways of reality studying as procedural characteristics of intellectual activity. Cognitive style may be concretized in styles of information coding, in styles of information processing, styles of problem statement. Cognitive style is defined as collective term for relatively stable ways of cognitive activity, cognitive strategies, consisting in special means of information gaining and information processing and also the ways of its reproduction and means of control. The essence of cognitive styles is analyzed, the analysis of their connection with other psychological processes and phenomena is carried out. It is founded that thinking is a private manifestation of his cognitive style, as cognitive style is a subsystem of individual style of activity, reflecting its gnostic components –the ways of gaining information and information processing which are manifested in individual specifics of cognitive processes organization. The comparison of cognitive styles influence on the process of professionally oriented critical thinking of humanitarian specialties students is made. The hierarchy of characteristics of cognitive styles connection and critical thinking of humanitarian specialties students is made.

Key words: individual cognitive style; cognitive style; thinking; critical thinking; humanitarian education; professionalization; humanitarian specialties students; competence; characteristics of humanitarian specialties; connection of style and thinking.

УДК 378

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ЭТАПЕ
ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ**

© Татьяна Александровна ДЬЯКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного,
e-mail: larionova86@mail.ru

© Жанна Ивановна ЖЕРЕБЦОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного,
e-mail: zherebtsova@inbox.ru

© Марина Владимировна ХОЛЮДКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного,
e-mail: mvholodkova@yandex.ru

В современных условиях развития межкультурного пространства проблема специфики национальных языковых систем является для лингвистов и методистов все более актуальной. Изучены вопросы формирования у иностранных студентов довузовской подготовки лингвокультурологических компетенций. С учетом национально-культурной специфики русского языка и русской культуры разработана модель обучения иностранных студентов лингвокультурным компонентам, которая реализована в учебном пособии «Лингвокультурология», составленном преподавателями кафедры русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Цель заключается в представлении модели обучения иностранных студентов лингвокультурным компонентам, частичном описании способов организации учебного материала и содержания обучения данному аспекту. Рассмотрена реализация модели обучения иностранных студентов довузовской подготовки лингвокультурологии, изложены содержание, структура и приемы обучения. В качестве примера отобраны два модуля: модуль «Культура коммуникативного поведения», посвященный подготовке иностранных учащихся к осуществлению межкультурного диалога, и модуль «Русская национальная кухня», показывающий разнообразие методических приемов и содержания для освоения языкового и речевого компонентов темы русской национальной кухни. Изучение методических основ формирования лингвокультурологической компетенции у иностранных студентов на этапе довузовской подготовки позволило сделать выводы о необходимости *интегрирования методических приемов обучения* иностранному языку, основанных на дидактических и методических принципах обучения и учитывающих взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности: аудированию, чтению, письму, говорению, изучение фонетического, лексического и грамматического аспектов русского языка и *содержательного компонента*, включающего образцы культурного наследия русского народа.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция; междисциплинарный подход; межкультурная коммуникация; содержательный компонент.

В современных условиях, когда межнациональное общение приобретает все более широкие масштабы, проблема специфики национальных языковых систем привлекает все более пристальное внимание лингвистов и методистов. В настоящее время в прикладных (лингвометодических) целях осуществляются исследования национально-культурной специфики языковых единиц, т. е. изучение зафиксированного в языке отображения

особенностей духовной и материальной культуры того или иного народа. В лингво-методическом плане такие исследования позволяют выявить языковой материал, актуальный для лингвокультурологического описания в учебных целях для практики преподавания русского языка как иностранного (РКИ) [1].

Нами рассмотрены методические основы формирования лингвокультурологической

компетенции у иностранных студентов на этапе довузовской подготовки, представлены примеры организации учебного материала и содержания обучения данному аспекту, которые реализуются в виде модели обучения лингвокультурным компонентам.

Своеобразие русской национальной культуры, значительные отличия ее от родной для иностранных учащихся культуры создают определенные трудности для обучающихся. В связи с этим необходимо определить оптимальные пути формирования лингвокультурологической компетенции языковой личности иностранного студента с учетом особенностей межкультурной коммуникации; разностороннего и глубокого вхождения обучающихся в национально-культурную специфику речевого общения носителей русского языка и русской культуры; соотношений культурно-языкового фона русских пословиц и способность их презентации в речи [2].

Сложившаяся в XX в. антропологическая парадигма в лингвистике определила лингвокультурологический подход к изучению языка, что открыло огромные возможности для разнообразных изысканий на стыке двух явлений – языка и культуры. Лингвокультурология позволяет узнать новое не только о языке, но и о человеке, как главном «пользователе» языка, и о культуре, как «части картины мира, закрепленной в языке» [3].

Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку студентов-иностранцев представляется необходимым, т. к. сопряжение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа может позволить иностранным студентам ориентироваться в имплицитном содержании русского языка.

Интенсивное и эффективное вхождение иностранных студентов в русскоязычное пространство позволяет осуществлять междисциплинарный подход в обучении РКИ, разработанный в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина. Формирование лингвокультурологической компетенции языковой личности иностранного студента происходит одновременно с овладением знаниями о фонетической, грамматической и лексической системах русского языка. Учебным материалом на занятиях по

РКИ выступают образцы культурного наследия русского народа – русский фольклор, традиции, обычаи, пословицы, поговорки, русский речевой этикет и воплощение русского характера в произведениях литературы, живописи, вокального и танцевального народного искусства.

Комплексный подход в обучении РКИ позволяет студентам-иностранцам получить широкие представления о составляющих элементах «русской души», знания о памятниках русской народной культуры, почувствовать сопричастность к национальному русскому коммуникативному поведению, осознать себя как часть межкультурного диалога [4].

На кафедре русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина была разработана модель обучения, направленная на формирование у иностранных студентов лингвокультурологической компетенции. Данная модель обучения положена в основу учебного пособия по лингвокультурологии для иностранных студентов [5].

Учебное пособие по лингвокультурологии представляет собой практическое учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык на этапе предвузовской подготовки и владеющих русским языком в объеме от уровня А1 до В1. Модули 1–2 рассчитаны на элементарный уровень, модули 3–4 – на базовый уровень, а 5–12 – на первый сертификационный уровень. В связи с этим содержание учебника направлено на формирование лингвострановедческих и лингвокультурных компетенций, а также языковых и речевых компетенций по русскому языку как иностранному на протяжении всего курса предвузовской подготовки. Основная цель учебного пособия – познакомить иностранцев с русскими традициями и обычаями, особенностями русского речевого этикета, ментальностью русских, а также помочь учащимся в практическом овладении русским языком как средством общения на тематическом материале, связанном с национальными традициями и жизнью россиян.

Учебное пособие состоит из двенадцати модулей: «Славянская культура в системе национальных культур народов мира», «Культура коммуникативного поведения», «Праздники», «Русская национальная кухня», «Черты характера», «Русский сувенир»,

«Мир русской семьи», «Русский характер в произведениях живописи», «Русский национальный герой в литературных произведениях», «Философия русского имени в художественных произведениях», «Речевой портрет России в русских кинофильмах», «Тамбовский край в судьбе великих композиторов».

Материал учебника содержит страноведческую информацию, сведения о русской культуре, традициях и обычаях русского народа, а также пословицы, поговорки, фразеологизмы, которые являются основой русского национального характера. Модуль «Праздники» объединяет важнейшие религиозные и государственные праздники в одном блоке. В целях наиболее эффективного формирования у обучающихся представлений о значимых днях России рекомендуем изучать предложенные темы по мере приближения праздника, а не все сразу.

Отличительной особенностью данного учебного пособия является включение регионального компонента. Материалом ряда уроков служат сведения о культуре Тамбовского края, поскольку одна из задач настоящего учебного пособия – содействие иностранным студентам в социокультурной адаптации к жизни в Тамбове. При составлении учебных текстов использовалась информация из литературных произведений, научных исследований, энциклопедических изданий, аудиоархивов музыкальных произведений русских композиторов и видеоархивов русских фильмов.

Содержание уроков направлено на активизацию лексико-грамматических знаний по русскому языку в соответствии с изучаемой темой модуля. Использование учебника предусматривает коммуникативно-деятельностный подход в обучении иностранному языку и реализацию принципа взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности: развитие и совершенствование у иностранных учащихся различных навыков в аспектах говорения, чтения, аудирования, письма.

Учебное пособие «Лингвокультурология» может использоваться при обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному, русскому речевому этикету, русской культуре, страноведению на преддвузовском этапе, на этапе включенной формы обучения, курсах РКИ, в зимних и летних школах.

Овладение иностранным языком – это приобщение к новой культуре, владение новым социокультурным содержанием. В таком контексте обучение иностранному языку рассматривается как диалог двух культур (своей собственной и иноязычной) в формате межкультурного общения (равноправное культурное взаимодействие представителей разных лингвокультурных общностей с учетом их самобытности и своеобразия) [6]. В конечном итоге предполагается, что изучающий иностранный язык должен овладеть лингвокультурологической компетенцией, основными составляющими которой являются: осмысление картины мира иной социокультуры, умение видеть сходство и различие между общающимися культурами и владение навыками межкультурного диалога, готовность к решению конфликтов, распознавание смысловых ориентиров лингвосоциума, оперирование лингвокультурными концептами и средствами социальной коммуникации [7].

В качестве примера реализации модели обучения иностранных студентов основам лингвокультурологических представлений рассмотрим модули «Культура коммуникативного поведения» и «Русская национальная кухня».

Модуль «Культура коммуникативного поведения» состоит из одиннадцати уроков: «Русские имена. Местоимения «ты» и «вы», «В университете, в библиотеке», «В магазине», «На почте», «В банке», «В кафе, в ресторане», «На улице, в городском транспорте», «На экскурсии, в музее», «В театре, на концерте», «У врача, в аптеке», «Разговор по телефону». Уроки настоящего учебного пособия выстроены по одной модели, что позволяет студентам и преподавателю лучше ориентироваться в его содержании. Изучение темы урока начинается с работы над лексикой, затем в части «Это полезно знать» следует справочная информация страноведческого характера. Преподаватель может сначала представить данную информацию устно, а затем можно прочитать ее вместе со студентами. Считаем нецелесообразным составлять знакомство со справочными сведениями на самостоятельное изучение, т. к. это может привести к неправильному пониманию данных реалий.

Часть «Речевой этикет» направлена на формирование у иностранных студентов умений решать коммуникативные задачи в повседневных ситуациях общения. В связи с этим в данной части содержится таблица, состоящая из трех групп: «Как узнать», «Как попросить», «Как сообщить». В них подобраны речевые образцы, необходимые студентам для умений получать и передавать информацию в актуальных ситуациях.

Часть «Поговорки» включает пару русских пословиц или поговорок на актуальную тему и выполняет задачу расширения кругозора, знакомства с русским менталитетом, развития оперативной памяти, слухо-производительных навыков.

Почти каждый урок содержит часть «Правила поведения», где представлены основные элементы русского этикета. Специальными знаками обозначены поступки, которые недопустимы или, наоборот, уместны в актуальной ситуации. Подобные правила помогут студентам лучше ориентироваться в повседневной жизни и быстрее найти контакт с русскими людьми, преодолеть трудности в адаптации к социально-культурным российским нормам. Данные правила не следует заучивать наизусть, но студенты должны хорошо их усвоить. Это можно проверить при помощи вопросов, помещенных сразу после правил.

Уроки содержат задания, которые задействуют все виды речевой деятельности. Задания распределены таким образом: аудирование → чтение → письмо → говорение. Выход в речь является конечной целью каждого занятия [8].

Модуль «Русская национальная кухня» посвящен презентации и изучению русской национальной кухни как компонента этнокультурного бытия. Этот модуль можно разделить на несколько этапов. На первом этапе учащиеся знакомятся с тематической лексикой. Проводится работа над существительными – названиями продуктов и основных русских блюд (например, хлеб, мука, крупа, мясо, рыба, грибы, яйца, сметана, мед, варенье, сливочное масло, растительное масло, капуста, огурцы, помидоры, картофель, свекла, репа; каша, щи, борщ, уха, блины, пирог, пельмени, окрошка), глагольной лексикой, обозначающей действия, которые связаны с процессом приготовления различных блюд

(готовить – приготовить, печь – испечь, варить – сварить, солить – посолить и др.), и соответствующими прилагательными (хлебный, рыбный, мясной, грибной, ржаной, рисовый, овсяный, праздничный, традиционный и др.). Используются разнообразные способы семантизации лексики: иллюстрации, контекст, словообразовательный анализ.

Второй этап представляет собой справочную информацию – небольшой по объему текст, в котором сообщается об истоках русской кухни. Интересный и познавательный экскурс в историю русской национальной кухни способствует более эффективному изучению последующего материала.

На третьем этапе предлагается работа с аутентичными текстами – известными русскими пословицами, которые относятся к теме русской кухни. Сначала студенты повторяют отдельные слова, из которых постепенно формируется пословица, например, щи → щи да каша → щи да каша – пища → Щи да каша – пища наша. Затем учащиеся анализируют предложенные пословицы, размышляют об их семантическом наполнении, приводят аналогичные пословицы в родном языке.

Четвертый этап – работа с основным текстом, где описываются традиционные русские блюда: хлеб, блины, пироги, щи, каши, пельмени и т. д. Прочитав текст, иностранные студенты выполняют различные послетекстовые задания, в которых требуется найти ключевые слова; ответить на вопросы (Что такое «второй хлеб»? Какие русские блюда из муки вы знаете? Какое блюдо является главным праздничным блюдом Масленицы? Какие супы готовят в России? Какие каши едят в России? Что такое окрошка? и др.); вставить подходящие по смыслу слова (1. «...всему голова». 2. В день свадьбы родители встречают жениха и невесту ... и солью. 3. Для русских людей картофель – это «второй ...». 4. Русские люди едят разные ...: гречневую, пшеничную, манную, рисовую, овсяную. 5. ... – это фарш в тесте. 6. ... – летний холодный суп на основе кваса); образовывать правильную падежную форму (1. Хлеб на Руси был не только едой, а еще и (символ) достатка, благополучия. 2. Маленькие пироги называются (пирожки). 3. Едят блины со (сметана, рыба, мед, варенье). 4. Щи – это суп из свежей или квашеной (капуста).

5. Пельмени замораживают, а потом бросают в (горячая вода). 6. В крошку обычно кладут (вареный картофель, свежие огурцы, варенные яйца и зеленый лук)) и т. п. [9].

Пятым этапом является домашнее чтение. Студенты читают фрагменты русской народной сказки «Каша из топора», распределяют их в правильном порядке, соотносят их с иллюстрациями, а также подготавливают пересказ прочитанной сказки и свои комментарии к ней.

Шестой этап – это диалоги, где отрабатываются тематическая лексика и формулы вежливости, обеспечивающие успешную коммуникацию в определенных ситуациях, например, в кафе или ресторане. Первые два диалога приводятся как диалоги-образцы, которые прослушиваются, анализируются и разыгрываются. Затем следуют задания на составление подобных диалогов, заполнение пропусков подходящими по смыслу словами, прослушивание диалога, подбор ответных реплик.

На заключительном этапе закрепляется изученный материал. Студентам предлагаются игровые и творческие задания: учащиеся с помощью игры «Снежный ком» вспоминают известные им блюда русской кухни, сочиняют предложения с названиями этих блюд, дают определения усвоенным лексемам, читают стихотворение и заполняют в нем пропуски, конструируют ситуативные диалоги, говорят о том, что они узнали о русской национальной кухне и ее традициях, рассказывают о национальной кухне своей страны и представляют письменное сообщение по изученной теме.

В качестве дополнительного материала выступают иллюстрированные кулинарные рецепты, в которых описывается последовательное приготовление таких традиционных блюд русской кухни, как «Щи из свежей капусты» и «Гречневая каша с грибами». Данные примеры служат образцами для презентации иностранными учащимися кулинарных рецептов национальных блюд своей страны.

В процессе работы с модулем учащиеся знакомятся с особенностями и традициями русской кухни, названиями основных русских блюд, а также с некоторыми кулинарными рецептами. Обращается внимание на отражение этого элемента русской культуры в фольклорных жанрах, таких как пословица и

сказка. Все задания настоящего учебного материала направлены на формирование навыков аудирования, говорения, чтения и письма по соответствующей проблематике [10].

Таким образом, мы представили модель обучения иностранных студентов довузовской подготовки лингвокультурологии, методическую основу которой составляет содержание, структура и приемы обучения, реализованные в учебном пособии «Лингвокультурология», подробно описаны модули «Культура коммуникативного поведения» и «Русская национальная кухня» [5].

В заключение необходимо подчеркнуть, что формирование лингвокультурных компетенций у иностранных студентов осуществляется путем **интегрирования методических приемов обучения** иностранному языку, основанных на дидактических и методических принципах обучения и учитывающих взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности: аудированию, чтению, письму, говорению, изучение фонетического, лексического и грамматического аспектов русского языка и **содержательного компонента**, включающего образцы культурного наследия русского народа – русский фольклор, традиции, обычаи, пословицы, поговорки, русский речевой этикет и воплощение русского характера в произведениях литературы, живописи, вокального и танцевального народного искусства.

Результаты изучения вопросов эффективности обучения лингвокультурологии в иностранной аудитории, а именно выбора методических средств, приемов, содержания, принципов обучения и т. д. имеют существенное значение для развития методики обучения русскому языку как иностранному в целом и являются перспективными в плане дальнейшей работы над электронными способами предъявления полученного учебного материала посредством информационных технологий.

1. Башурина Д.И. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русским паремиям: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.
2. Муравьева Н.Г. Модель формирования социокультурной компетенции студентов вуза в проектной деятельности (на примере ино-

- странного языка) // Образование и наука. 2013. № 3 (102). С. 121-131.
3. *Ольшанский И.Г.* Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000. С. 26-55.
4. *Крapiивина М.С.* Национально-региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного (лингвокультурологический аспект обучения) // Культура и образование. 2014. № 3. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/03/1524> (дата обращения: 08.04.2014).
5. Лингвокультурология / Э.Н. Дзайкос, К.В. Дьякова, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, Е.В. Захарова, С.В. Кончакова, А.С. Сашина, О.В. Толмачева, М.В. Холодкова, Э.Е. Щербатюк; под общ. ред. Л.Е. Хворовой. Тамбов, 2015.
6. *Иванюк О.Г.* Диалог культур в обучении иностранному языку // Знаменские чтения: материалы Международной научной конференции СурГПУ. Сургут, 2008.
7. *Цветкова Т.К.* Обучение иностранному языку в контексте социокультурной парадигмы // Вопросы филологии. 2002. № 2. С. 109-115.
8. *Жеребцова Ж.И.* Русский речевой этикет. Тамбов, 2013.
9. *Ковалев Н.И., Куткина М.Н., Карцева Н.Я.* Русская кухня. М., 2000.
10. *Кузнецов А.Л., Кожеевникова М.Н., Дмитрова И.И., Перелюбская О.С.* Из истории русской культуры. М., 2009.
1. *Bashurina D.I.* Formirovanie lingvokul'turologicheskoy kompetentsii inostrannykh studentov-filologov pri obuchenii russkim paremiyam: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2005.
2. *Murav'eva N.G.* Model' formirovaniya sotsiokul'turnoy kompetentsii studentov vuza v proektnoy deyatel'nosti (na primere inostrannogo yazyka) // Obrazovanie i nauka. 2013. № 3 (102). С. 121-131.
3. *Ol'shanskiy I.G.* Lingvokul'turologiya v kontse XX v.: itogi, tendentsii, perspektivy // Lingvisticheskie issledovaniya v kontse XX v. М., 2000. С. 26-55.
4. *Krapivina M.S.* Natsional'no-regional'nyy komponent v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo (lingvokul'turologicheskii aspekt obucheniya) // Kul'tura i obrazovanie. 2014. № 3. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/03/1524> (data obrashcheniya: 08.04.2014).
5. Lingvokul'turologiya / Э.Н. Дзайкос, К.В. Д'якова, Т.А. Д'якова, Ж.И. Жеребцова, Е.В. Захарова, С.В. Кончакова, А.С. Сашина, О.В. Толмачева, М.В. Холодкова, Э.Е. Шчербатыук; под обшch. ред. Л.Е. Khvorovoy. Tambov, 2015.
6. *Ivanyuk O.G.* Dialog kul'tur v obuchenii inostrannomu yazyku // Znamenskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii SurGPU. Surgut, 2008.
7. *Tsvetkova T.K.* Obuchenie inostrannomu yazyku v kontekste sotsiokul'turnoy paradigmy // Voprosy filologii. 2002. № 2. С. 109-115.
8. *Zherebtsova Zh.I.* Russkiy rechevoy etiket. Tambov, 2013.
9. *Kovalev N.I., Kutkina M.N., Kartseva N.Ya.* Russkaya kukhnya. М., 2000.
10. *Kuznetsov A.L., Kozhevnikova M.N., Dmitrova I.I., Perelyubskaya O.S.* Iz istorii russkoy kul'tury. М., 2009.

Поступила в редакцию 18.03.2016 г.

UDC 378

METHODICAL APPROACHES TO FORMING LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE OF PRE-UNIVERSITY FOREIGN STUDENTS

Tatyana Aleksandrovna DYAKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Senior Lecturer of Russian as Foreign Language Department, e-mail: larionova86@mail.ru

Zhanna Ivanovna ZHEREBTSOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Senior Lecturer of Russian as Foreign Language Department, e-mail: zherebtsova@inbox.ru

Marina Vladimirovna KHOLODKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian as Foreign Language Department, e-mail: mvholodkova@yandex.ru

The problem of national languages specifics is becoming more and more actual in modern intercultural environment. The process of forming linguistic and cultural competence of foreign students in pre-university education is studied. A pattern of teaching foreign students linguistic and cultural units considering national and cultural specifics of the Russian language and culture is presented in the manual *Cultural Linguistics* written by the teachers of Russian as a Foreign Language Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. It is aimed at presenting the pattern of teaching foreign students linguistic and cultural components, characterizing the organization of educational materials and content of teaching cultural aspect. The pattern of teaching cultural linguistics to pre-university foreign students is analyzed, the content, structure and methods of teaching are described. Two modules are chosen as examples – *Culture of Communicative Behaviour* aimed at preparing foreign students for intercultural dialogue and *Russian cuisine* showing methodical approaches to teaching language and speech units connected with the topic of Russian national cuisine. The analysis of methodical bases of linguistic and cultural competence of foreign students shows the necessity to integrate methods of teaching foreign languages based on didactic and methodical educational principles and considering integrated teaching of all types of speech activity: listening, reading, writing, speaking, learning phonetic, lexical and grammar aspects of the Russian language and content component including the units of Russian cultural heritage.

Key words: linguistic and cultural competence; interdisciplinary approach; intercultural communication; content component.